

Съ французами

Владимира Майбородова

Rouge, blanc, bleu — les français sont
de mauvais gueux. —

Швейцарская поговорка.

Осенью 1918 г. опять настали тревожные дни въ Одессѣ. Отдохнувшіе подъ защитою нѣмецкихъ войскъ, жители жадно ловили и передавали другъ другу всякаго рода слухи. Газеты сообщали о событіяхъ, которыя развертывались со сказочной быстротой. Крушеніе Германской и Австрійской Имперій отразилось и на насъ. Огромный край Россійской Имперіи — Украина, гдѣ находили себѣ пріютъ всѣ бѣжавшіе отъ большевиковъ и беззаботно, по сравненію съ обитателями Великороссіи, жили «граждане» Великой Украины, погружался въ состояніе анархіи, т. е. переходилъ подъ власть Петлюры.

Наконецъ, и въ Одессѣ петлюровцы «захватили власть». Произошло это автоматически, безъ особыхъ осложненій для города, но торжество побѣдителей было недолговременно; въ скоромъ времени добровольцы Гришина-Алмазова, подъ прикрытіемъ прибывшихъ въ портъ съ Салоникскаго фронта французовъ, выбили ихъ изъ города, и надъ Одессой послѣ долгаго отсутствія сталъ опять развѣваться русскій національный флагъ, а съ нимъ рядомъ тѣ-же цвѣта, но въ другомъ порядкѣ, — союзнаго французскаго флага.

Всѣ вздохнули свободно. Слава Богу, гроза миновала. Правда, при нѣмцахъ было спокойно, хорошо, даже очень хорошо, но на сердцѣ у каждаго было тогда что-то такое, что портило настроеніе. Люди праваго направленія скорбѣли о томъ, что живутъ-де они уже не въ Россіи, а въ какой-то Украинѣ, гдѣ распоряжаются нѣмцы; новые порядки, хотя и никѣмъ не заводились, а все шло по старому, т. е. какъ до революціи, но тѣмъ не менѣе измѣна союзникамъ, расчлененіе Россіи по нѣмецкому плану и т. д. — портили настроеніе. Лѣвые при гетманѣ, пользуясь полнымъ порядкомъ, тосковали объ утратѣ завоеваній революціи.

Тяготѣніе къ большевикамъ проявлялось ими открыто и, не столько приходъ французовъ, сколько крушеніе Германской и Австрійской Имперій и уходъ нѣмцевъ радовали ихъ. Съ приходомъ французовъ, по городу замелькали красныя шапки (шешіа) зуавовъ, небесно-голубыя шинели и рогатые шлыки пѣхоты. Зазвучала французская рѣчь; во всѣхъ кафе, ресторанахъ и другихъ мѣстахъ увеселеній замелькали кепи французскихъ офицеровъ; начались знакомства, разговоры, привѣтствія, — однимъ словомъ «альянсъ» полный.

Скоро за французами стали приходить греки. Но на нихъ какъ-то мало обращали вниманія; первую роль во всемъ играли французы; греки оставались въ тѣни, хотя количество ихъ все время увеличивалось. Почти каждый день приходили все новые и новые транспорты, войска выгружались, проходили на вокзалъ, двигались походнымъ порядкомъ по улицамъ города и своимъ видомъ успокаивали жителей, начинавшихъ было задумываться надъ непрочностью своего положенія при видѣ безобразящихъ по улицамъ пьяныхъ «пью-пью» и «зу-зу», т. е. пѣхоты и зуавовъ.

Прошло нѣсколько недѣль. За это время установилась «русская» власть на смѣну украинской. Стали назначаться должностныя лица на болѣе или менѣе отвѣтственныя мѣста, формироваться учрежденія и воинскія части. Однимъ словомъ, обычная картина, слѣдующая за «переходомъ власти» въ новыя руки.

Херсонскій губернаторъ предложилъ мнѣ занять мѣсто начальника уѣзда въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи, въ которомъ еще орудовали петлюровцы, но куда должны были выступить французы. Я изъявилъ свое согласіе и сталъ ожидать. Совмѣстное дѣйствіе съ французами мнѣ улыбалось и казалось заманчивымъ. Предстояла возможность поближе ознакомиться съ нашими союзниками и побыть съ ними въ обстановкѣ весьма интересной.

Однажды вечеромъ, когда я уже былъ въ постели, зазвонилъ телефонъ. На мой вопросъ, сдѣланный въ тонѣ, по всей вѣроятности, не особенно любезномъ — «кто у телефона?» — получилъ отвѣтъ: «Херсонскій губернаторъ». Губернаторъ съ первыхъ словъ предложилъ мнѣ завтра быть къ 7 часамъ утра у него на квартирѣ, чтобы, получивши тамъ соотвѣтствующія инструкціи и предписанія, отправиться въ 8 часовъ утра на вокзалъ и вмѣстѣ съ французами ѣхать на станцію Колосовку, гдѣ будетъ находиться передовой французскій отрядъ, при которомъ я долженъ буду состоять въ качествѣ представителя гражданской власти до тѣхъ поръ, пока не представится возможность двинуться въ предназначенный для моей службы уѣздъ. Пожелавъ спокойной ночи, я повѣсилъ трубку и улегся въ постель. Различныя мысли тѣснились въ головѣ: что-то будетъ завтра, какія будутъ инструкціи отъ начальства и какъ примутъ меня французы.

На утро, съ небольшимъ количествомъ самыхъ необходимыхъ вещей, въ назначенный часъ я былъ у губернатора.

Почти одновременно со мною туда-же явились еще два незнакомыхъ мнѣ лица, одѣтыхъ въ военную форму, но безъ погонь. Оказалось, что это тоже представитель гражданской власти и его помощникъ при другомъ французскомъ отрядѣ, направляющемся на станцію Раздѣльную. Къ намъ вышелъ губернаторъ; въ рукахъ у него были заготовленные для насъ удостовѣренія, которыя мы должны были предъявить французамъ. Передавъ намъ эти удостовѣренія, онъ пожелалъ намъ счастливаго пути и попросилъ насъ сейчасъ-же ѣхать на Одессу-Товарную, гдѣ происходитъ погрузка войскъ, предупредивъ, что мы должны будемъ прибыть съ французскими войсками на указанные намъ станціи, что за нами остаются еще петлюровскіе отряды, съ которыми французы ведутъ переговоры, но что въ скоромъ времени петлюровцы уйдутъ. Про обѣщанныя вчера инструкціи о томъ, въ чемъ-же именно заключаются наши обязанности — ни слова. Я напомнилъ объ этомъ. — «Какія тамъ теперь инструкціи», получилъ я въ отвѣтъ, и, какъ-бы желая смягчить рѣзкость своихъ словъ, онъ добавилъ — «Вы безъ всякихъ инструкцій поймете, что надо дѣлать. Телеграфируйте только мнѣ каждый день и копію Вашей телеграммы отправляйте также помощнику военного губернатора по гражданской части А. И. Пильцу. Мы Вамъ сообщимъ,

если что надо будетъ. А теперь до свиданья, счастливаго пути.» И пожавъ намъ руки, и проводивъ до порога, губернаторъ возвратился къ себѣ, — мы стали спускаться по лѣстницѣ.

Ѣдучи по дорогѣ къ Одессѣ-Товарной, я былъ настроенъ не такъ весело, какъ во время своего пути изъ дому къ губернатору: «петлюровцы», или, какъ я ихъ всегда называлъ, — «песиголовцы», испортили мое настроеніе. То обстоятельство, что регулярная армія, побѣдившая нѣмцевъ, вмѣсто рѣшительныхъ приказаній и дѣйствій, ведетъ какіе-то переговоры съ бандами, нарушившими законы божескіе и чѣловѣческіе, занимавшимися грабежами и убійствами, ничѣмъ въ своихъ дѣйствіяхъ не отличавшимися отъ большевиковъ, возбуждало у меня сомнѣнія, и мнѣ невольно казалось, что добра отъ этого не будетъ. Ну, да что Богъ дастъ, посмотримъ, что изъ этого выйдетъ? Съ такими мыслями я подходилъ къ станціи. Весь станціонный дворъ былъ занятъ войсками: стояли пѣхота, пушки и зарядные ящики артиллеріи, двуколки съ походными кухнями, всюду бѣгали французскіе солдаты, отдавали распоряженія и что-то исполняли. Картина обычная при погрузкѣ войскъ. Все это дѣлалось въ полномъ порядкѣ — не слышно было никакого крика, ругани, столь принятой въ обиходѣ нашихъ войскъ, никакихъ замѣчаній, все шло само по себѣ. Въ тотъ моментъ, когда я вошелъ на перронъ, грузилась кавалерія; вводили по очереди хорошенькихъ арабскихъ лошадокъ африканскихъ охотниковъ и устанавливали ихъ по мѣстамъ. За всѣмъ этимъ молча, съ трубкою въ зубахъ, съ краснымъ какъ фонарь носомъ, съ надвинутымъ на него кепи, въ холодной шинели, несмотря на большой морозъ, стоялъ старый офицеръ, какъ оказалось, подполковникъ Жэ — командиръ всего отряда. Видно, что онъ весь заоченѣлъ и ему такъ же холодно, какъ и солдатамъ, ожидающимъ очереди погрузки; мнѣ казалось, ему было-бы гораздо удобнѣе отправиться въ свой вагонъ и укрыться тамъ отъ пронизывающаго тѣло холода. Но, какъ я узналъ потомъ, онъ считалъ своимъ долгомъ оставаться на избранномъ для наблюденія мѣстѣ до того времени, когда послѣдній солдатъ его отряда вошелъ въ вагонъ. Тогда только онъ, наконецъ, вошелъ въ поѣздъ и, надѣвъ шубу изъ козьяго мѣха наружу, сталъ отогрѣвать свои заоченѣвшіе отъ продолжительнаго, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, стоянія на морозѣ члены.

При моемъ появленіи на перронѣ, замѣтивъ меня, подошелъ ко мнѣ русскій офицеръ и спросилъ, что мнѣ здѣсь нужно; получивъ отвѣтъ, указалъ на молчаливую фигуру полковника. Я подошелъ къ нему, представился и предъявилъ ему свое удостовѣреніе.

Пробормотавъ что-то себѣ подъ носъ, не вынимая трубки изо рта, полковникъ Жэ кивнулъ головой и продолжалъ молча наблюдать за погрузкой. Я отошелъ въ сторону и, видя, что мнѣ дѣлать нечего, отправился искать офицерскій вагонъ, куда и поспѣшилъ укрыться отъ все усиливающагося мороза. Устроившись въ уголкѣ, я задремалъ, но вскорѣ былъ разбуженъ стоявшимъ предо мною русскимъ офицеромъ, который заявилъ мнѣ, что это вагонъ для начальника французскаго отряда и его штаба, и просилъ меня оставить мое мѣсто. Я молча протянулъ ему свой «мандатъ», и мы познакомились; оказалось, что это былъ одинъ изъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ отряду въ качествѣ переводчиковъ, и что онъ уже состоитъ при немъ нѣсколько недѣль. Я сталъ спрашивать его о французскихъ порядкахъ, объ отношеніяхъ къ нашимъ офицерамъ и т. д.; на все получались самые удовлетворительные отвѣты. Командиръ Жэ — старый африканскій служака, не дуракъ выпить, любитель поухаживать, очень внимателенъ по отношенію къ русскимъ офицерамъ. Остальная компанія офицеровъ въ томъ-же духѣ; кор-

мять великолѣпно; пьютъ еще того лучше; всѣ веселы и беззаботны. Очень довольны, что пришли въ Россію, и думаютъ двигаться дальше по направленію къ Кіеву. Однимъ словомъ — настроеніе очень бодрое и всѣ довольны, что на ихъ долю выпало счастье быть первыми при восстановленіи порядка въ Россіи. Нашъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ группы офицеровъ во главѣ съ полковникомъ. Оказывается, что погрузка уже кончилась, что первый поѣздъ, съ маленькой пушкой и пулеметами на открытой платформѣ впереди, отошелъ уже для очищенія пути, такъ какъ по полученнымъ свѣдѣніямъ могло быть оказано сопротивление со стороны петлюровцевъ, и что скоро двинемся и мы. И дѣйствительно, пока съ шумомъ и смѣхомъ офицеры занимали мѣста, устраивались поудобнѣе, поѣздъ медленно двинулся, и мы покатали по линіи Одесса-Бахмачъ къ станціи Колосовка, гдѣ мы должны были расположиться на неопредѣленный срокъ.

Первое время ухо мое съ трудомъ улавливало знакомыя французскія слова въ слишкомъ быстромъ и непривычномъ произношеніи французскихъ офицеровъ; многія слова совсѣмъ не были знакомы и только съ большимъ напряженіемъ можно было понять, о чемъ говорятъ кругомъ. Какъ оказалось, все привлекало вниманіе иностранцевъ. Особенно поразились они комфортабельностью нашихъ вагоновъ. Обыкновенный вагонъ II класса, носившій на себѣ слѣды завоеваній революціи, казался имъ верхомъ удобства и комфорта. Падавшій все время снѣгъ, какъ нарочно, создавалъ картину, которую, очевидно, уже давно ѣхавшіе къ намъ французы рисовали себѣ въ своемъ воображеніи.

Первый вопросъ, съ которымъ обратился ко мнѣ полковникъ Жэ, былъ о томъ, — много-ли тамъ, куда мы ѣдемъ, медвѣдей. Мнѣ стоило большого труда увѣрить, что въ этихъ мѣстахъ про медвѣдей никто не слыжалъ, но что зайцевъ тамъ порядочно. Видно было, какое разочарованіе отразилось на его лицѣ, когда онъ услыжалъ это отъ меня. Когда-же я объяснилъ, что и снѣгъ, покрывающій все кругомъ толстымъ слоемъ, здѣсь также явленіе незаурядное, что это, очевидно, судьба нарочно устроила имъ такую картину зимняго ландшафта, чтобы сдѣлать иллюзію похода французовъ въ Россію въ 1812 году, онъ отнесся съ недоверіемъ къ моимъ словамъ, рѣшивъ, очевидно, что я или плохо знакомъ съ условіями русской дѣйствительности, или умышленно искажаю истину, желая похвастаться, что у насъ все такъ же, какъ и въ Европѣ. Предложивъ еще нѣсколько вопросовъ о томъ, есть-ли на станціи Колосовка дрова, подходящія квартиры для людей, конюшни для лошадей и т. п., что касалось удобствъ предполагаемой стоянки, и, не получивъ отъ меня необходимыхъ свѣдѣній, полковникъ довольно раздражительнымъ тономъ спросилъ меня — «да были-ли Вы когда нибудь на этой станціи?» — и былъ очень недоволенъ, что я тамъ абсолютно никогда не былъ и удовлетворить его познанія въ интересовавшей его области не могу. — «Очень жаль» — высказалъ свою мысль разочарованнымъ тономъ полковникъ, — «я ожидалъ, что мнѣ дадутъ такого человѣка, который все знаетъ и своимъ вліяніемъ будетъ намъ полезенъ.» Я не сталъ увѣрять его въ томъ, что для представителя гражданской власти нужны другія познанія мѣстныхъ условій, быта, законовъ и обычаевъ, чѣмъ та узкая область, о которой говоритъ полковникъ и сталъ присматриваться къ офицерамъ штаба полка (*état major du régiment*), съ которыми мнѣ потомъ пришлось прожить въ самой тѣсной обстановкѣ много мѣсяцевъ.

Особенно выдѣлялся среди нихъ офицеръ высокаго роста, худой съ черною бородкой, — всѣмъ своимъ видомъ и фигурой удивительно похожій на Донъ Ки-

хота, но отличавшийся своею экспансивностью, живостью, веселіемъ и добродушіемъ, — это былъ лейтенантъ Шевалье-де-Шантепи, офицеръ связи.

Своимъ обращеніемъ, постоянными вопросами, на которые онъ совсѣмъ и не стремился получить отвѣтъ, онъ выражалъ свою любовь ко всему русскому и къ намъ съ русскимъ переводчикомъ офицеромъ въ томъ числѣ. Видно было, что онъ страшно счастливъ, что онъ въ Россіи, что для него это праздникъ и величайшая радость. Его шумная веселость и мелькавшая, чуть-ли не одновременно во всѣхъ углахъ вагона, фигура симпатичнаго лейтенанта наполняла вагонъ и заражала всѣхъ своимъ настроеніемъ.

Красавецъ докторъ Віолетъ сидѣлъ рядомъ со мной и только молча и любовно поглядывалъ на меня. Взаимная симпатія у насъ возникла съ перваго взгляда и не покидала насъ до самаго конца, къ сожалѣнію такого трагическаго и неожиданнаго для всѣхъ и въ особенности для браваго доктора.

Среди другихъ выдѣлялся еще третій офицеръ, небольшого роста съ длинными рыжими усами, съ постоянными шутками на устахъ, — адъютантъ полковника — лейтенантъ Жене. Выслужившійся изъ нижнихъ чиновъ, награжденный всевозможными знаками отличія, до почетнаго легіона включительно, уроженецъ той-же деревни, откуда былъ родомъ и командиръ — его сослуживецъ и спутникъ по скитаніямъ въ Африкѣ — лейтенантъ чувствовалъ себя хозяиномъ положенія и правой рукой командира.

Имъ немедленно былъ организованъ обѣдъ, распредѣлены между всѣми порціи консервовъ и всего, что было въ запасѣ. За ѣдой начались непринужденные разговоры. Физіономія полковника расплылась въ широкую улыбку; шутки, смѣхъ и веселье охватили всѣхъ присутствующихъ. Центромъ вниманія и заботъ оказался я. Всѣ угощали меня наперебой, въ то же самое время стараясь объяснить мнѣ неслыханныя мною названія обыкновенныхъ предметовъ: — «вотъ это — обезьяна — *singe*», — говорилъ Шантепи, предлагая мнѣ коробку съ мясными консервами; — «а это — пинарь», говорилъ Жене, протягивая мнѣ налитый до краевъ стаканъ краснаго вина.

Нашъ русскій офицеръ чувствовалъ себя за обѣдомъ, какъ рыба въ водѣ, — пинарь, оніонъ и другіе техническіе термины были уже знакомы ему не только по названію, но онъ, очевидно, понималъ и оцѣнилъ и всю заманчивую ихъ сущность и воздавалъ имъ должное. Обѣдъ былъ конченъ, мы закурили трубки и стали обмѣниваться дружескими фразами. Никто изъ присутствующихъ, при всемъ желаніи выговорить мою фамилію, не могъ этого сдѣлать; узнавъ мое имя, всѣ стали называть меня просто Владимиръ, — подъ этимъ названіемъ я былъ извѣстенъ до самаго послѣдняго дня.

Пуская клубами дымъ и потягивая уже не простой пинарь, а *pinac de luxe*, т. е. отличное бордо, спутники мои постепенно оставили разговоры и дружно начали пѣть хоромъ; бравурные, веселые мотивы пикантныхъ французскихъ пѣсенокъ, вмѣстѣ съ выпитымъ виномъ, подымали настроеніе. *Il est coci, le chef de gare, il est coci, il est coci*, — пѣла компанія слова знакомой мнѣ, по описаніямъ французскаго фронта, пѣсенки. У cadaго изъ офицеровъ былъ свой любимый мотивъ, который онъ и затягивалъ увѣреннымъ голосомъ. *Que je suis beau sergent fourrier*, — былъ любимый номеръ нашего доктора; эта совершенно неприличная по своему содержанію, но замѣчательно красивая по мелодіи пѣсенка не сходила съ его губъ въ теченіе цѣлаго дня. И теперь, лишь только утихли слова пѣсни, воспѣвавшей бѣднаго начальника станціи, докторъ увѣреннымъ тономъ началъ свой любимый мотивъ: *Que je suis beau sergent fourrier*,

que je suis sergent fourrier, пѣль онъ; — J'aime savoir ou fourre le pied, j'aime savoir ou fourre le pied, — подхватилъ хоръ. И веселые звуки молодыхъ головъ, смѣшиваясь со стукомъ колесъ быстро идущаго поѣзда, наполняли душу радостью и бодростью.

Было такъ хорошо и пріятно среди шумнаго и молодого веселья и беззаботности. Забылись всѣ ужасы революціи и недавней петлюровщины. Присутствіе вѣрныхъ союзниковъ было неоспоримымъ доказательствомъ того, что все уже кончено, что съ ихъ помощью и содѣйствіемъ мы возстановимъ порядокъ и опять Россія займетъ подобающее ей мѣсто среди другихъ народовъ.

Особенно пріятно было чувствовать, что французы, наши вѣрные союзники, для которыхъ мы понесли столько жертвъ, не оставили насъ въ бѣдѣ; по первому нашему зову пришли къ намъ на помощь и охотно и радостно идутъ на встрѣчу всѣмъ опасностямъ, лишь-бы заплатитъ намъ свой долгъ.

Задумавшись объ этомъ, я совершенно не обратилъ вниманія, что вмѣсто незнакомыхъ мнѣ мотивовъ французскихъ пѣсенъ, русскій капитанъ, пріятнымъ теноромъ выводилъ слова старой студенческой пѣсни — «отъ зари до зари — лишь зажгутъ фонари — то студенты толпами шатаются, они пьютъ и поютъ, и еще кое чѣмъ занимаются», — а французы дружнымъ хоромъ подхватывали: «веригу ли ди ля ля, веригу ли ди ля ля»... И казалось, что я опять переживаю прошедшіе студенческіе годы и нахожусь гдѣ нибудь на студенческомъ вечерѣ въ родной семьѣ своихъ студентовъ. Красныя зуавскія фески и необычные мундиры, казалось, для шутки и «веселости» надѣты подвыпившими студентами — коллегами. Общее веселье достигло апогея, когда тотъ-же капитанъ-переводчикъ запѣлъ слова малорусской пѣсни «гречаники». — «И твій батько и мій батько, вони були козаки, посидали середь хаты, тай напились якъ быки,» — выговоривалъ онъ, а остальные французы дружнымъ хоромъ подхватывали: «гопъ мои гречаники, гопъ мои мили» и т. д. «Гопъ, гопъ, гопъ,» — басомъ ухалъ бравый докторъ. Шантепи не выдержалъ и тутъ-же между диванчиками вагона пустился въ присядку. Такъ за короткій срокъ своего пребыванія въ Одессѣ научились французы веселиться по русскому. Полковникъ, откинувшись на спинку дивана, глядя на долговязую фигуру своего офицера, дрыгающаго ногами въ припадкѣ неудержимаго веселья и танцующаго русскаго «казачка», беззвучно хохоталъ, и отъ смѣха на его красный носъ катились слезы. Его адъютантъ Жене, не разставаясь со стаканомъ «пинаръ де люксъ», въ которомъ онъ мочилъ свои длинные усы, приговаривалъ «Карашо, карашо, ахъ карашо.»

Такъ проходило время. Наступилъ вечеръ, понемногу все стихло. Мы стали укладываться. Лежа рядомъ на диванчикѣ, мы съ докторомъ объяснялись въ любви.

— Ахъ, какъ я люблю Васъ, М-г Владимиръ, и все Русское! Какъ всѣ Вы милы, — говорилъ онъ. — Какъ все у Васъ хорошо. Я пробылъ у Васъ въ Одессѣ всего лишь три недѣли, но за это время я понялъ, что не любить Россію и русскихъ нельзя. Сколько у Васъ благородства. Весь укладъ Вашей жизни другой, чѣмъ у насъ. Насъ всѣ такъ радушно принимаютъ, оказываютъ намъ столько вниманія, заботъ. Повѣрьте, что дома мы бы не получили такого приѣма и не испытали-бы такого отношенія, — продолжалъ онъ. — А Ваши женщины, — для нихъ можно съ ума сойти. Если я когда нибудь женюсь, я женюсь только на русской. Жизнь съ нею будетъ раемъ. Въ русской женщинѣ столько граціи, нѣжности и поэзіи, что она воплощаетъ въ себѣ весь міръ; и сколько у Васъ такихъ милыхъ дамъ и барышень. Тамъ въ артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ стоитъ нашъ полкъ, въ ка-

ждой семьѣ одна лучше другой, всѣ наши офицеры уже влюблены и всѣ хотятъ жениться на русскихъ. Я такъ радъ, что попалъ въ Россію, мнѣ такъ бы хотѣлось остаться здѣсь подольше, чтобы увидѣть все поближе, научиться русскому языку и сумѣть понять душу такого великаго самоотверженнаго народа. —

Бѣдный докторъ и не чувствовалъ, какъ онъ близокъ къ выполненію своего желанія, что въ Россіи онъ останется навсегда.

— Ну, а что Вы скажете о большевикахъ? — спросилъ я его. — Какъ представляютъ себѣ ихъ французы? —

— Что такое большевики? — переспросилъ докторъ. — Большевики — это боши, — отвѣтилъ онъ. — Какъ пытались они задушить насъ на фронтѣ газами, разбить Парижъ изъ длинной Берты, такъ и теперь они дѣйствуютъ большевиками. Большевизмъ это тотъ-же удушливый газъ, который боши пустили на русскій народъ. О, это мы всѣ отлично понимаемъ. Борьба съ большевиками — продолженіе войны; поэтому то всѣ наши такъ охотно и пришли въ Россію. Какъ Вы видите, здѣсь столько молодежи, у всѣхъ у нихъ дома родные и близкіе, и всѣмъ бы имъ хотѣлось домой, но они видятъ — война еще не кончена, перенесена только на другой фронтъ. Мы, вѣдь, столько понесли жертвъ, намъ было такъ трудно, поэтому-то, чтобы покончить съ этимъ навсегда, мы должны довести дѣло до конца и уничтожить все зло, сдѣланное бошами. Боши — это такіе жестокіе, и мы ихъ такъ ненавидимъ, что будемъ бороться до конца, до полной побѣды. —

Мало по малу докторъ умолкъ, а потомъ и совсѣмъ заснулъ. Я дремалъ, стараясь не поддаваться сну. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ раздастся выстрѣлъ, произойдетъ нападеніе или что нибудь въ этомъ родѣ, со стороны петлюровцевъ, кишащихъ въ этомъ районѣ. Мнѣ были памятливы ихъ дѣйствія передъ приходомъ французовъ и безцѣльная, жестокая перестрѣлка на улицахъ Одессы въ день прибытія союзнаго десанта. Но, слава Богу, все было тихо, поѣздъ плавно катился по рельсамъ, вагоны покачивались и со всѣхъ дивановъ слышалось мирное похрапываніе спящихъ. На станціяхъ поѣздъ останавливался, кто-то ходилъ подъ окнами, разговаривалъ.

На одной изъ станцій я вышелъ и разговорился съ дежурнымъ по станціи. Онъ сообщилъ мнѣ, что передовой поѣздъ продвигается впередъ безъ препятствій, всѣ станціи по телефону сообщаютъ о готовности принять его, такъ какъ петлюровцевъ нѣтъ, — ушли въ сторону отъ полотна ж. д., въ глубь уѣзда. Я невольно спросилъ: «Ну, а у Васъ они были?» — «Какъ-же, — еще недавно стояли здѣсь, и только передъ Вашимъ приходомъ удрали.» — «Какъ-же Вамъ было съ ними?» — «Охъ, да и не спрашивайте. Это такая-же . . ., какъ и большевики, — кто хуже — и не знаю. Оба хуже», — добавилъ онъ улыбаясь. «Ну, да теперь конецъ — союзники пришли — всѣмъ имъ крышка. А то, знаете, просто обидно: большевики, петлюровцы — все грабятъ, реквизируютъ, разстрѣливаютъ, кто за кого — сами не знаютъ. А нѣмцы пришли — все къ себѣ домой тащатъ, какъ воры на пожарѣ. Пока они тутъ были, сколько добра увезли къ себѣ въ Германію, хлѣба, скота, свиней, гусей, — ничѣмъ не брезгали, все тащили. Аккуратный народъ, чисто работали».

Я вошелъ въ вагонъ, улегся на свое мѣсто и заснулъ. Проснулся уже, когда было свѣтло. Поѣздъ стоялъ, всѣ поднимались, зѣвая и потягиваясь; быстро выпили горячаго кофе и вышли на станцію. Оказывается, мы уже были на станціи Колосовкѣ. Цѣль нашего путешествія была достигнута, надо было выгру-

жаться и устраиваться. Полковникъ Жэ обратился ко мнѣ и предложилъ весьма сухимъ тономъ передать начальнику станціи, что онъ желаетъ быть устроеннымъ на квартирѣ лучше, чѣмъ начальникъ станціи. — «Понимаете-ли Вы, — я хочу быть помѣщенъ лучше, чѣмъ онъ,» — повторилъ полковникъ, указывая глазами на начальника станціи, молча стоявшаго тутъ-же. — «Скажите ему это.» — Такой тонъ меня удивилъ. Я понималъ желаніе полковника, но рѣзкая форма, въ которой оно было выражено, показалась мнѣ странной. Я передалъ начальнику станціи желаніе командира, но совершенно въ другой формѣ.

— Полковникъ увѣренъ, — говорилъ я, — что Вы, какъ начальникъ станціи, хорошо примете гостей и устроите ихъ соотвѣтственнымъ образомъ по квартирамъ. Они, вѣдь, совершили большой переходъ и устали послѣ войны, и я надѣюсь, что Вы дадите имъ хорошія квартиры. —

— Какъ-же, помилуйте, — мы уже все это устроили. Г. полковника разрѣшите просить ко мнѣ, а для другихъ г. г. офицеровъ найдутся мѣста у станціонныхъ служащихъ; только пусть извиняютъ насъ, ради Бога, — мы здѣсь живемъ въ глуши, плохо и не можемъ имъ доставить большихъ удобствъ. —

Я передалъ слова начальника станціи полковнику и добавилъ, что то, что онъ мнѣ говорилъ въ началѣ, мною было выражено въ другой формѣ, что такая форма напрасно-бы обидѣла человѣка, который съ полною готовностью по собственному почину сдѣлалъ то, что отъ него требовали обстоятельства. На что полковникъ что то буркнулъ себѣ подъ носъ и сказалъ: — «я хочу, чтобы мѣры всѣхъ окрестныхъ селъ явились сегодня-же ко мнѣ.»

Началась выгрузка. Скоро по всей станціи замелькамы фигуры зуавовъ, всюду ихъ встрѣчали, какъ дорогихъ гостей. Полковникъ Жэ со своимъ штабомъ и мною обошли всѣ помѣщенія и, видя, какъ принимаютъ людей, довольный отправился въ свою комнату устраиваться, а я пошелъ выполнять его распоряженіе о вызовѣ «мэровъ» сосѣднихъ селъ.

Какъ оказалось, ближайшая къ станціи волость состояла изъ нѣмецкихъ колоній. Такимъ образомъ предстояло на первыхъ-же шагахъ представить командиру «мэра» изъ ненавистныхъ ему бошей. Этому-то бошу я и послалъ съ нарочнымъ бумагу слѣдующаго содержанія: «предлагаю Вамъ по полученіи сего немедленно явиться на ст. Колосовку для полученія соотвѣтствующихъ распоряженій отъ командира отряда союзныхъ французскихъ войскъ. Копію настоящаго предписанія переслать въ передаточномъ порядкѣ въ ближайшія сосѣднія волости и предложить имъ немедленно исполнить то же самое.»

Отправивъ это предписаніе, я пошелъ съ лейтенантомъ Жене, который оказался распорядителемъ офицерской столовой (*chef de popote*), посмотрѣть, какъ устроился поваръ и какъ готовятъ обѣдъ. На запасныхъ путяхъ стоялъ вагонъ, въ которомъ помѣщалась столовая для ж. д. служащихъ, тамъ мы нашли во всеоружіи нашего повара Эка, который, устроившись какъ дома, орудовалъ во всю. Ему помогала хозяйка столовой съ сестрой, съ которой они вели оживленный разговоръ, несмотря на то, что обѣ стороны владѣли только своимъ роднымъ языкомъ. Лейтенантъ Жене принялъ самое горячее участіе въ разговорѣ, пересыпая свои фразы словомъ «карашо» и подмигивая дамамъ, приходившимъ въ восторгъ отъ галантности кавалера. Скоро обѣдъ былъ готовъ, и къ нему собралась вся компанія. У всѣхъ были довольныя лица. Всѣ наперебой рассказывали, какъ они устроились, гдѣ кто размѣстился, у кого какіе хозяева. Особенно были рады тѣ, которые устроились по сосѣдству съ барышнями телеграфистками.

Экъ отличился на славу и подаль намъ отличный обѣдъ изъ четырехъ блюдъ, которому всѣ оказали должное.

Соотвѣтствующее количество пивара и другихъ винъ оказало свое вліяніе, — опять начались безконечные разговоры и только, когда начало смеркаться, всѣ разошлись по домамъ.

Штабъ, въ томъ числѣ и я, остались жить въ вагонѣ. Каждый занялъ отдѣльное купе и устроился, какъ могъ. Прийдя къ себѣ, я немного разобралъ свои вещи, привелъ себя въ порядокъ, поговорилъ то съ однимъ — то съ другимъ и не замѣтилъ, какъ наступилъ вечеръ, и насъ опять позвали въ «попотъ» на ужинъ. Повторилась та же картина, что и за обѣдомъ, только на первое, вмѣсто закуски, подали бульонъ. Опять безконечные разговоры, передача впечатлѣній, вино, куренье и пѣсни. Пѣли всѣ весело, радостно и беззаботно. Полковникъ былъ доволенъ. Людей устроили, самъ расположился дѣйствительно лучше, чѣмъ начальникъ станціи, такъ какъ тотъ предоставилъ полковнику лучшую часть своей квартиры, — дрова и все, что нужно, оказалось въ изобиліи. Не прибыли только «мэры»; но про нихъ онъ совершенно забылъ. Досидѣвъ до полуночи, мы разошлись и спокойные, и довольные. Скоро всѣ уснули мертвымъ сномъ. Такъ незамѣтно прошелъ первый день.

Утромъ чуть свѣтъ кто-то робко постучался въ мою дверь, и послѣ моего приглашенія войти, въ купе вошло четыре или пять человѣкъ. Бритыя фізіономіи, упитанный видъ, хорошее платье, все указывало на то, что это нѣмцы-колонисты. — «Мы къ Вамъ, господинъ начальникъ; прежде чѣмъ являться къ господину французскому командиру, мы хотѣли поговорить съ Вами. Какъ намъ быть?» Смущенный и нерѣшительный видъ былъ какъ-то несвойственъ обычно всюду чувствующимъ себя увѣренно и держащимъ себя съ достоинствомъ нѣмцамъ-колонистамъ.

— Въ чемъ дѣло, господа, — спросилъ я ихъ, — у Васъ чтонибудь случилось? —

— Дѣло въ томъ, господинъ начальникъ, что мы — нѣмцы, и не знаемъ, какъ къ намъ отнесется командиръ французскихъ войскъ. Не будетъ-ли онъ насъ считать за германцевъ? Можетъ быть, Вы знаете чтонибудь про это? Мы хотѣли Васъ просить доложить, что мы русскіе подданные и добросовѣстно выполняли всегда наши обязанности по отношенію къ отечеству — Россіи. И теперь мы готовы съ радостью выполнять всѣ требованія нашихъ союзниковъ.

По своей службѣ я зналъ отлично нѣмцевъ-колонистовъ. Видѣлъ ихъ и въ мирное время и внимательно наблюдалъ за ними во время войны. И могу сказать, что, если въ мирное время на меня, пріѣхавшаго на Югъ Россіи изъ центра, нѣмецкія колоніи производили впечатлѣніе государства въ государствѣ и первое время колонисты казались элементомъ чуждымъ и не сроднившимся съ русскимъ народомъ, то во время войны я на дѣлѣ убѣдился не только въ ихъ лояльности, но видѣлъ ихъ горячую любовь къ Россіи, преданность и вѣрность. Если въ мирное время нѣмцы позволяли себѣ уклоняться отъ отбытія воинской повинности, уѣзжая въ Америку или поступая въ народные учителя, то послѣ объявленія войны уклоненій отъ призыва въ войска почти не было. Не было также и дезертировъ изъ войскъ. Наоборотъ — всѣ въ высшей степени добросовѣстно являлись на службу и, какъ говорили мнѣ многіе офицеры, были отличными солдатами. Изъ жителей тѣхъ колоній, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло, поступившихъ въ войска, процентъ георгіевскихъ кавалеровъ былъ огромный. Оставшіеся дома всѣ военныя тяготы несли весьма добросовѣстно. Поставка въ войска лошадей, повозокъ, упряжи, сдача правительству хлѣба и другія обя-

зательныя повинности, возникшія вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, исполнялись примѣрно. Мало того, добровольныя денежныя пожертвованія на нужды войны, открытіе лазаретовъ, изготовленіе и отправка на фронтъ подарковъ, — все это указывало на то, что они вполне приобщились къ русской государственности и стали въ полномъ смыслѣ слова русскими подданными. Поэтому я сталъ успокаивать прибывшихъ, оказавшихся членами волостной земской управы въ полномъ составѣ съ предсѣдателемъ во главѣ.

— Вы, вѣдь, какъ и всѣ наши нѣмцы, приходите въ большинствѣ отъ выходцевъ изъ Эльзаса и Лотарингіи? — сказалъ я имъ. Поэтому вамъ надо съ первыхъ словъ объяснить это французамъ и выразить свою радость по поводу освобожденія этихъ странъ въ настоящее время. А затѣмъ, я увѣренъ, такъ какъ я хорошо Васъ знаю, что полковникъ на дѣлѣ убѣдится въ вашей полной лояльности, и все будетъ отлично.

Нѣмцы, поблагодаривъ меня за совѣтъ, ушли. Черезъ нѣсколько времени меня позвали къ полковнику Жэ.

— Вы знаете, тутъ есть боши, — заявилъ онъ мнѣ, когда я вошелъ въ дамскую комнату, занятую подъ канцелярію, гдѣ сидѣлъ полковникъ въ ожиданіи меня. Очевидно, это обстоятельство значительно смутило и внесло нѣкоторую тревогу въ душу полковника. — Я этого совершенно не ожидалъ и не былъ объ этомъ предупрежденъ, — говорилъ онъ. — Скажите мнѣ про нихъ все, что Вы знаете. —

Я объяснилъ ему, что на Югѣ Россіи болѣе ста лѣтъ тому назадъ были устроены колоніи изъ нѣмцевъ, болгаръ, сербовъ, грековъ и другихъ. Что за это время они сошлись съ Россіей, стали русскими подданными, принимали участіе въ войнахъ, которыя вела Россія, въ томъ числѣ и въ послѣдней Германской и т. п., что поведеніе изъ всегда было очень хорошее и что они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ русскихъ подданныхъ не русской національности. Да и происходятъ то они, вѣдь, отъ выходцевъ изъ Эльзаса и Лотарингіи.

— Какъ изъ Эльзаса? — переспросилъ меня недовѣрчиво полковникъ.

— Да, изъ Эльзаса и Лотарингіи, — и въ подтвержденіе своихъ словъ, я указалъ ему на картѣ на колонію по имени «Эльзась». — Вотъ Эльзась, вотъ Страсбургъ, а вотъ Ландау, — показывалъ я ему, — да и фамиліи у нихъ часто совершенно не нѣмецкія, напримѣръ Шевалье, Бартле и т. д., — продолжалъ я. Полковникъ былъ пораженъ и пріятно удивленъ.

— Я думаю, они намъ очень благодарны, что мы освободили отъ нѣмцевъ Эльзась и Лотарингію? — спросилъ меня полковникъ.

— Да, конечно, — отвѣчалъ я ему, — но, я думаю, что они будутъ болѣе Вамъ благодарны, если Вы ихъ освободите отъ большевиковъ и анархіи.

— Попросите сюда господина мэра и всѣхъ, кто съ нимъ, — сказалъ полковникъ своему адъютанту, и черезъ минуту комната наполнилась прибывшими. Переступая порогъ, предсѣдатель волостной управы надѣлъ на шею знакъ волостного старшины; старосты тоже прикрѣпили на груди свои знаки и приняли офиціальныи видъ, съ какимъ обыкновенно они являлись по начальству при «старомъ режимѣ».

Предсѣдатель волостной управы выступилъ впередъ и, вторично поклонившись полковнику Жэ, произнесъ маленькую рѣчь, въ которой поздравлялъ его съ благополучнымъ прибытіемъ и выражалъ надежду на то, что французы установятъ здѣсь миръ и порядокъ и тѣмъ дадутъ населенію заниматься мирнымъ трудомъ.

Полковникъ поблагодарилъ его за высказанныя пожеланія и первымъ дѣломъ спросилъ: — А правда-ли, что Ваши предки вышли изъ Эльзаса и Лотарингіи? — Очевидно, у него въ этомъ было сомнѣніе, и онъ рѣшился прежде всего провѣрить это.

— По большей части — да. Но есть и такіе, которые происходятъ отъ лицъ, вышедшихъ изъ самой Германіи, — добросовѣстно пояснилъ предсѣдатель.

— Но Вы русскіе подданные? Вы служили въ войскахъ? Вы были на войнѣ съ Германіей? — Продолжалъ задавать вопросы недовѣрчивый полковникъ.

Получивъ на все это утвердительные отвѣты, полковникъ успокоился и сталъ привѣтливо улыбаться. Физиономіи колонистовъ тоже прояснились и утратили строго официальное выраженіе.

— А мой тѣтъ бришелъ изъ Эльзасъ, — сказалъ одинъ изъ старостъ — типичный колонистъ съ бритой физиономіей, произносящій «т», вмѣсто «д», какъ это обыкновенно дѣлается нашими нѣмцами.

— Та, и мой доже, — подтвердилъ другой.

Услыша это, полковникъ торжественнымъ тономъ объяснилъ присутствующимъ, что въ настоящее время Эльзасъ и Лотарингія освобождены отъ нѣмцевъ и присоединены къ Французской республикѣ.

Секретарь волостной управы, очевидно, вспомнивъ мое наставленіе, въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ извѣявилъ живѣйшую радость по поводу этого событія. Полковникъ поблагодарилъ, и пріемъ мэровъ окончился. Пожавъ всѣмъ руку, полковникъ погрузился въ чтеніе служебныхъ бумагъ, а пріѣхавшіе нѣмцы вышли въ сосѣдную комнату. Я вышелъ за ними. Нѣмцы окружили меня и стали выражать свое удовольствіе, что вышло все такъ хорошо, что они очень беспокоились и волновались, и что теперь имъ очень пріятно, что французы ничего не имѣютъ противъ нихъ и не считаютъ ихъ своими врагами.

Я спросилъ волостного писаря (или, какъ по новому именовался, секретаря волостной Управы), когда имъ получено мое предисаніе и посланы-ли копіи съ него въ сосѣднія волости. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что предписаніе пришло вчера поздно вечеромъ и что въ ту-же ночь сняты были копіи и отправлены въ разныя стороны во всѣ волости.

— Мы такъ давно не получали приказаній и не выполняли распоряженій настоящаго начальства, что для насъ было большою радостью исполнить Ваше распоряженіе, господинъ начальникъ, — добавилъ онъ.

Поговоривъ еще съ ними нѣкоторое время и выяснивъ настроеніе сосѣднихъ русскихъ сель, я узналъ, что населеніе въ подавляющемъ большинствѣ устало отъ анархіи, что оно жаждетъ порядка и законности и что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода настоящей власти, такъ какъ преступный элементъ, надѣясь на безнаказанность, широко пользуется полученной свободой для совершенія всякихъ преступленій, и что мирнымъ жителямъ житья отъ нихъ нѣтъ.

— Этотъ Керенскій только шарлатанамъ далъ свободу, — говорили нѣмцы, — а намъ отъ этой свободы житья нѣтъ. Когда пришли германцы, то они трохи нагнали страху, и всѣ товарищи попрятались и сидѣли тихо, а при Петлюрѣ всѣ опять начали свои дѣла.

— Вѣдь сами посудите, изъ всѣхъ тюремъ, арестантскихъ ротъ и каторги вернулись арестанты и говорятъ, что теперь имъ свобода. Положимъ и вѣрно, что свобода: вѣдь, у насъ нѣтъ ни мировыхъ судей, ни слѣдователя, ни полиціи, — можно дѣлать все, что хочешь, и никто къ отвѣту не потребуетъ. Мы уже устроили при волости свою самооборону и своими силами держимъ порядокъ.

Иначе нельзя, — добавили они, какъ-бы извиняясь, и затѣмъ спросили меня: — А не потребуютъ-ли французы, чтобы мы сдали оружіе, какое у насъ есть и не запретятъ-ли имѣть свою оборону въ колоніяхъ? —

Я успокоилъ ихъ, что до прибытія властей судебныхъ и полицейскихъ они не должны ничего измѣнять въ своей организаціи, что оружіе у нихъ тоже отбирать не будутъ, но, что они обо всемъ происходящемъ должны доносить мнѣ и что отъ меня будутъ получать соотвѣтствующія распоряженія и указанія.

На смѣну нѣмцамъ стали появляться старосты и старшины съ писарями изъ другихъ сосѣднихъ волостей.

Всѣхъ ихъ я представлялъ полковнику, который спрашивалъ каждого, на какомъ разстояніи отъ станціи Колосовки находится ихъ село, сколько въ немъ жителей и т. д. — вопросы, которые предлагаются офицерами, производящими развѣдку, а затѣмъ, пожавъ руку, отпускалъ домой. Я же всѣмъ имъ добавлялъ, что пришедшія французскія войска наши союзники и пришли къ намъ помочь установить порядокъ и законъ. Старосты молча вздыхали, охали и говорили: — «Якъ би то Богъ давъ! Хай имъ Богъ помогае!» — чесали затылки и, помявшись, шопотомъ спрашивали меня: — «А, чи не можно-бъ було послать до насъ у село солдатъ — душъ изъ пять, шобъ арештувать де-кого, бо у насъ е таки, шо усимъ житья не дають» — и что если-бы этихъ людей удалить изъ села, то было-бы всѣмъ безопаснѣе и спокойнѣе. Я ихъ успокаивалъ тѣмъ, что скоро придетъ полиція и судебная власть и будетъ поддерживать порядокъ и производить разслѣдованія, и что все будетъ хорошо.

Старосты кивали одобрительно головами и, добавивъ — «а пока що, будемо звертаться до Вашей милости, якъ буде треба,» — уѣзжали домой рассказывать своимъ односельцамъ о прибывшихъ французахъ.

Такъ проходило время.

Прошло незамѣтно нѣсколько дней. Французскій полковникъ Жэ, видя, что окрестное населеніе совершенно спокойно, что относятся къ французамъ очень привѣтливо что никакихъ недоразумѣній и осложнений не возникаетъ, сталъ довѣрчивѣе и менѣе официаленъ. Выразилось это, во первыхъ, въ томъ, что онъ пересталъ приглашать къ себѣ въ то время, когда я представлялъ ему мэровъ, — Смоленскаго. Смоленскій былъ солдатъ ихъ полка; послѣ 1905 года онъ бѣжалъ изъ Россіи, поступилъ въ иностранный легіонъ и, владея двумя языками — французскимъ и русскимъ, явился какъ-бы цензоромъ моихъ переводовъ командиру и внимательно слушалъ все, что я говорилъ пріѣзжающимъ людямъ.

Кромѣ того, полковникъ Жэ сталъ не читая ставить свою печать на отправляемые мною по начальству каждый вечеръ телеграммы, тогда какъ первое время требовалъ перевода ихъ на французскій языкъ и внимательно вчитывался въ каждую фразу.

Прошло еще нѣсколько дней. Жизнь установилась и вошла въ норму. Каждый день изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ пріѣзжали крестьянскія должностныя лица, по мѣрѣ того, какъ до нихъ доходили, посылаемые въ передаточномъ порядкѣ мои предписанія о прибытіи. За ними потянулись частныя лица; отсутствіе на мѣстахъ властей побуждало ихъ къ этому. Въ скоромъ времени пріемная командира отряда обратилась въ камеру земскаго начальника, такъ какъ съ утра до вечера въ ней толпились старосты, писаря и просители. Полковникъ скоро устранился отъ разговоровъ съ пріѣзжающими, передавъ это дѣло всецѣло мнѣ. Онъ лишь пріятно улыбался посѣтителямъ, пожималъ имъ руки и, покровительственно хлопывая меня по плечу, говорилъ — *ça va bien, ça va bien, m-g*

Wladimir, — а затѣмъ погружался въ чтеніе и подписываніе своихъ бумагъ. Я-же долженъ былъ выслушивать безконечныя жалобы, главнымъ образомъ заключающіяся въ нарушеніи правъ собственности; успокаивалъ жалобщиковъ, обѣщая произвести строгое разслѣдованіе, когда придутъ на мѣста чины полиціи, и т. д.

Всѣ прїѣзжавшіе интересовались, когда-же установится настоящей порядокъ, прежніе — слѣдователь, мировой судья и другія мѣстныя власти. Вдыхали о прошломъ и съ умиленіемъ вспоминали о «старомъ режимѣ», когда не только жизнь, но и имущество cadaго пользовались неприкосновенностью. Яростно ругали Керенскаго, Петлюру, Центральную Раду, называя ихъ «злодїями», погубившими Россію, и говорили, что теперь они знаютъ, кого надо слушать и какъ надо себя вести, и просили лишь дать имъ «помочи», такъ какъ безъ посторонней «помочи» самимъ въ деревнѣ установить порядка нельзя, а если помощь будетъ вѣрная, то тогда мы со всѣми справимся легко, такъ какъ людей, которые ведутъ себя плохо, немного и всѣ они отлично извѣстны. Видно было, что всѣ жаждутъ порядка и спокойствія, — одинъ приходъ небольшого регулярнаго отряда войскъ внесъ успокоеніе, прекратились самоуправства, грабежи и насилія. Преступный элементъ присмирѣлъ и со страхомъ ожидалъ наказаній за свои подвиги. Благонамѣренная часть деревни успокоилась, подняла голову и возвысила свой голосъ. Сельскія общества стали устраивать у себя самооборону, постановлять общественные приговоры, въ которыхъ просили подвергнуть наказанію наиболѣе преступныхъ лицъ; былъ даже случай, когда въ одномъ приговорѣ сельскій судъ просилъ разстрѣлять нѣсколько человѣкъ своихъ односельцевъ. Сельскія власти стали сами прекращать самоуправства и задерживать попавшихся на мѣстахъ преступленія. Меня завалили всякими приговорами, прошеніями, протоколами. Все это приходилось разсматривать, разрабатывать по возможности сейчасъ-же и, въ случаяхъ особенно важныхъ, отправлять на распоряженіе губернатора, откуда никакихъ извѣстій не получалось.

Несмотря на то, что я каждый день посылалъ самыя подробныя телеграммы о томъ, что происходитъ на Колосовкѣ, и просилъ о скорѣйшемъ командированіи на мѣста властей судебныхъ и полицейскихъ и по временамъ запрашивалъ указаній по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, отъ губернатора никакихъ распоряженій не было. Я былъ всецѣло предоставленъ самому себѣ.

Въ это время линія ж. д. ожила. Какъ-то, послѣ долгихъ переговоровъ по телефону съ Николаевомъ, пустили первый этапный поѣздъ изъ Одессы на Николаевъ. И затѣмъ, когда онъ благополучно прибылъ на мѣсто, открыли регулярное пассажирское сообщеніе между этими городами. Появились и на Колосовкѣ пассажиры, ѣдущіе и прїѣзжающіе изъ этихъ двухъ городовъ, стали приносить всякія новости, передавать слухи и т. д. Стало веселѣе, оживленнѣе. Время летѣло быстро — съ утра пріемъ посѣтителей, обѣдъ, опять пріемъ, ужинъ, разговоры съ прїѣзжающими съ поѣздомъ въ 11 ч. вечера изъ Одессы пассажирами, — и день законченъ.

Среди посѣтителей стали появляться не только жалобщики и просители, но и лица, желающія посмотреть французовъ, опредѣлить курсъ и попробовать почву. Такіе посѣтители не удовлетворялись разговорами со мною, а обязательно желали лично обратиться къ полковнику и отъ него услышать то, что ихъ интересовало.

Какъ то разъ явилось два типа, нервно настроенныхъ и рѣзко потребовавшихъ отъ нашего русскаго офицера, который ихъ первый принялъ, чтобы допустили

ихъ къ самому начальнику отряда, такъ какъ къ нему у нихъ есть личное дѣло. Просьбу ихъ исполнили. Войдя въ комнату, офицеръ доложилъ это полковнику Жэ, который попросилъ меня быть переводчикомъ и приготовился внимательно слушать, ожидая услышать какую нибудь серьезную жалобу.

Каждый изъ пришедшихъ старался первымъ начать рассказывать о своихъ дѣлахъ. Пришлось установить порядокъ, — младшаго я попросилъ замолчать; а того, который выглядѣлъ постарше и солиднѣй, спросилъ, въ чемъ его дѣло и что онъ хочетъ отъ полковника. Видъ его не внушалъ довѣрія; бѣгающіе изъ стороны въ сторону глаза, избѣгающіе смотрѣть на Васъ прямо, судорожное движеніе рукъ, которыя онъ не зналъ куда дѣть, и вообще какая-то нервность и ехидство во всей фигурѣ указывали на то, что пальца ему въ ротъ не клади.

На повторенный мною вопросъ онъ замялся, какъ-то хихикнулъ, а затѣмъ, оправившись, сталъ говорить, что у него собственно жалобы никакой нѣтъ, а пріѣхалъ онъ къ полковнику съ порученіемъ отъ всего села узнать, по какимъ законамъ теперь надо жить? Я сейчасъ-же попросилъ его предъявить свои полномочія. — Есть-ли у Васъ копія мірскаго приговора въ томъ, что Вы посланы всѣмъ обществомъ? — спросилъ я его и получилъ отрицательный отвѣтъ. Мой вопросъ смутилъ его. Уже менѣе развязнымъ тономъ онъ сталъ говорить о томъ, что онъ желаетъ знать, по какимъ законамъ надо теперь жить — по законамъ стараго режима — царскимъ, временнаго правительства, центральной рады, гетмана, Петлюры или новымъ-добровольческимъ? Выговоривъ все это, онъ успокоился, почувствовалъ себя увѣренно и, побѣдоносно посматривая на полковника, имѣлъ видъ побѣдителя. — Ну-ка, разрѣши загадку, — говорилъ онъ всей своей фигурой. Полковникъ переспросилъ меня еще разъ, когда я ему перевелъ все, что говорилъ пришедшій крестьянинъ, и затѣмъ сказалъ: — я тутъ ничего не понимаю. Скажите-же мнѣ, какая-же разница между всѣми этими законами? И по какимъ законамъ дѣйствительно надо имъ поступать? — Я объяснилъ кратко полковнику, что разница между законами стараго режима и всѣми изданными впоследствии такая-же, какъ и между Иператорской могущественной Россіей и Россіей теперешней, раздираемой междоусобіемъ и анархіей.

— Такъ какъ-же Вы думаете отвѣтить этому философу? — спросилъ меня полковникъ. — Мы не можемъ посовѣтовать ему жить по законамъ Царя, — насъ обвинять въ реставраціи, — добавилъ онъ. Я отвѣтилъ, что вопросъ этотъ заданъ не съ практической цѣлью, по моему мнѣнію, а исключительно изъ желанія вывѣдать направленіе французовъ, чтобы потомъ на этой почвѣ вести агитацію противъ нихъ.

— Ну, тогда отвѣчайте ему, какъ знаете, — заявилъ полковникъ.

— Господинъ полковникъ передаетъ Вамъ, что французскіе войска пришли сюда для установленія порядка и безопасности жителей, и что всѣхъ, кто будетъ этому противиться, они будутъ привлекать къ отвѣту по своимъ законамъ французской республики. А въ русскіе законы онъ не вмѣшивается и совѣтуетъ Вамъ, пока-что, жить по закону Моисееву.

— Какъ по Моисееву закону? — съ недоумѣніемъ спросилъ прибывшій, не ожидавшій такого отвѣта.

— Очень просто, — соблюдайте, пока что, десять заповѣдей Моисея, а главнымъ образомъ тѣ, въ которыхъ говорится — не укради и не убій, — а затѣмъ, впоследствии надлежащія власти разъяснятъ, какими еще законами надо будетъ руководствоваться. —

Свой отвѣтъ я перевелъ полковнику, тотъ молча кивнулъ головой, сдѣлавъ особо официальное лицо, и сухимъ тономъ спросилъ, указывая на другого: — а этотъ гражданинъ, что желаетъ? —

Первый посѣтитель, видя, что съ нимъ уже покончено, отошелъ въ сторону, что-то бормоча себѣ подъ носъ. — Це, значить, такъ по Моисееву закону кажите. — Видъ у него былъ сконфуженный; ясно было, что номеръ его не удался и ему нечего будетъ дома рассказывать про французовъ и про то, что они хотятъ. Видя такую неудачу своего «товарища», второй проситель, заикаясь и путаясь, началъ говорить о томъ, что онъ, наблюдая несправедный и нехристианскій образъ жизни ихъ мѣстнаго священника, рѣшилъ обличить его въ этомъ и на дняхъ пришелъ къ нему въ домъ. — Якъ се такъ, казавъ я батюшци, що Вы нарobili зъ дерева богивъ, та кланяетесь имъ и усимъ людямъ кажете то це Богъ, а у святому-же писаню сказано «не сотвори себѣ кумира». А еще саме главно Ісусъ Христось казавъ ученикамъ своимъ, коли на ныхъ зипла благодать Духа Святого, — даромъ получили, та и даромъ давайте, — а Вы же за всяку потребу гроши правите — и за крещене, и за вѣнчане, и за похороны. Де же тутъ правда? Ви даромъ даете? — Ну, а что-же батюшка Вамъ отвѣтилъ? — спросилъ я.

— Шо отвитивъ? — повторилъ онъ мой вопросъ возмущеннымъ тономъ. — По морди отвитивъ, — добавилъ онъ.

— А Вы, — что, — продолжалъ спрашивать я его.

— Мусивъ тикате, бо винъ дуже здорови. —

Я все перевелъ полковнику, тотъ улыбнулся и, сказавъ — *mais il a raison* се *suré* — объявилъ, что разрѣшеніе такихъ жалобъ его не касается и ушелъ изъ комнаты.

— Полковникъ говорить, что Вы не довели дѣло обличенія вашего священника до конца, очевидно, Вы еще сами плохо знаете св. писаніе, такъ какъ тамъ вѣдь сказано, что, если тебя ударить кто по одной щекѣ, то подставь ему и другую.

— Ви скажите полковнику — хай винъ підставляе, а я трохи на ногахъ устоявъ одъ одного разу, — такъ уже бильшь не хочу.

Аудіенція была окончена. За обѣдомъ полковникъ со смѣхомъ рассказывалъ, съ какими жалобами и вопросами являлись къ нему сегодня и какъ М. Wladimir разрѣшилъ ихъ. — Такъ что теперь мы должны жить здѣсь по заповѣдямъ Моисея, — и затѣмъ, обращаясь къ молодымъ офицерамъ, добавилъ: — смотрите, Вы, кажется, собираетесь нарушить одну изъ нихъ: все время сидите съ барышнями — телеграфистками, особенно Жене.

Познакомились мы и съ петлюровцами. «Petluriens», какъ ихъ называли французы, при нашемъ приближеніи исчезли, какъ дымъ, но въ одномъ изъ сель или мѣстечекъ задержалась какая-то покинутая рота, командиръ которой, не зная, что ему дѣлать и куда дѣваться, рѣшилъ оставаться на мѣстѣ и ожидать.

Когда стало извѣстно о его существованіи, то, по порученію полковника, я вызвалъ его по телефону и предложилъ ему немедленно явиться на станцію Колосовку. Въ тотъ-же день онъ былъ у насъ и былъ страшно доволенъ, когда ему сказали, что самое лучшее — людей распустить по домамъ. Всѣ его «казаки» были набраны изъ сосѣднихъ волостей принудительнымъ порядкомъ и, получивъ разрѣшеніе, моментально разошлись по домамъ. Такимъ образомъ, вся территория на разстояніи 100 верстъ отъ Одессы была совершенно свободна отъ петлюровцевъ и большевиковъ. Населеніе съ напряженіемъ ожидало установленія законнаго порядка, но онъ не приходилъ, такъ какъ присутствіе французскаго военнаго отряда, удерживая преступный элементъ отъ попытокъ престу-

плений, являлось гарантией лишь безопасности, но не могло собой замѣнить гражданскихъ властей, присутствіе которыхъ ощущалось все болѣе и болѣе необходимымъ и которыя, несмотря на мои непрекращающіяся о томъ просьбы, на мѣста не высылались.

Видя все это, не имѣя абсолютно никакихъ указаній свыше и не получая отъ своего начальства никакого отвѣта на мои бумаги и ежедневныя телеграммы, я рѣшилъ поѣхать въ Одессу и попросилъ на это разрѣшеніе полковника Жэ.

— Пожалуйста, поѣзжайте, — разрѣшилъ онъ, — я тоже считаю нужнымъ поспѣшить съ присылкой на мѣста должностныхъ лицъ, такъ какъ здѣсь все тихо и благополучно, а безъ властей не можетъ быть порядка, — я объ этомъ тоже буду писать своему начальству. Только пріѣзжайте поскорѣй, — мы всѣ такъ призывали къ Вамъ, и намъ безъ Васъ будетъ скучно.

Вечеромъ, по случаю моего отъѣзда, пили шампанское, давали мнѣ всякіе совѣты — какъ надо повеселиться въ Одессѣ, и всѣ просили исполнить различныя порученія. Ко мнѣ присоединились два или три офицера, и на слѣдующій день мы выѣхали въ Одессу. Передъ отъѣздомъ адъютантъ снабдилъ меня удостовѣреніемъ, въ которомъ говорилось, что совѣтникъ по гражданскимъ дѣламъ при начальникѣ отряда полковникъ Жэ ѣдетъ въ отпускъ въ Одессу и что всѣхъ просятъ ѣдущему оказывать полное содѣйствіе.

Пріѣхавъ въ Одессу, я обратилъ вниманіе на то, что жизнь города не только совершенно вошла въ норму, но стала еще болѣе кипучей. По улицамъ двигались густыми толпами пѣшеходы, экипажи, носились автомобили, бѣгали трамвай. Магазины были завалены товарами, какъ вновь привезенными изъ за границы, такъ и вытасченными изъ укромныхъ мѣстъ, куда они были припрятаны. Всѣ успокоились и увѣренно ждали лучшихъ временъ, думая, что французы прочно обосновались въ Одессѣ и помогутъ возстановить порядокъ въ Россіи.

Первымъ дѣломъ я отправился къ губернатору, который встрѣтилъ меня весьма привѣтливо и сказалъ, что онъ очень радъ, что у насъ идетъ все хорошо, что къ сожалѣнію на Раздѣльной совѣмъ не то, — а вотъ у Васъ всѣ довольны, Вы сумѣли угодить и помѣщикамъ, и крестьянамъ, французамъ и нѣмцамъ. — Когда-же я доложилъ ему о необходимости прибытія на мѣста властей и на полное отсутствіе у меня какихъ нибудь указаній, какъ дѣйствовать и поступать, онъ отвѣтилъ — побывайте у А. И. Пильца, можетъ онъ Вамъ дать такія указанія и распорядится о выѣздѣ на мѣста властей, я же тутъ ничего не могу подѣлать. Поступайте такъ, какъ Вы это дѣлали до сихъ поръ; больше я Вамъ ничего не могу посоветовать. — Я откланялся и отправился къ А. И. П. — помощнику по гражданской части военнаго генераль-губернатора Гришина-Алмазова.

Дождавшись своей очереди, я вошелъ въ кабинетъ. Навстрѣчу мнѣ поднялся худой, высокаго роста генераль, одѣтый въ гражданскую форму Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Я представился, назвавъ свое имя и занимаемую должность. — Очень радъ съ первыхъ словъ нашего знакомства выразить Вамъ свою благодарность за Ваши умѣлыя и тактичныя дѣйствія; какъ французы, такъ и населеніе, Вами очень довольны, — я тоже самое. Каждый день аккуратно я получаю Ваши телеграммы и отлично Вами освѣдомленъ. Отъ лица службы благодарю Васъ.

Я поблагодарилъ за лестное мнѣніе и подробно доложилъ все то, что говорилъ Херсонскому губернатору.

— Подождите, пока мы еще ничего не можемъ подѣлать. Вотъ пойдутъ французы впередъ, тогда мы разошлемъ чиновниковъ, теперь мы уже готовимъ

кадры. Такъ же, какъ и губернаторъ, онъ въ дальнѣйшемъ посовѣтовалъ мнѣ поступать такъ, какъ я это дѣлалъ до сихъ поръ, говоря, что собственно ни въ какихъ указаніяхъ я не нуждаюсь, а въ каждомъ случаѣ соображу самъ, какъ дѣйствовать.

Пробывъ два или три дня въ Одессѣ, я, выполнивъ всѣ данныя мнѣ офицерами порученія, поѣхалъ на Колосовку. Тамъ все шло попрежнему, никакихъ переменъ не было. Опять быстро замелькали дни, похожіе одинъ на другой по своему содержанію; приемъ посѣтителей съ утра, обѣдъ, опять посѣтители, ужинъ, поѣзда изъ Одессы и Николаева, — вотъ обычное содержаніе каждаго дня. Но станція оживилась — нахлынули спекулянты, пріѣзжающіе изъ Одессы за хлѣбомъ, птицей и другими предметами продовольствія; юркіе евреи старались соблазнить французскихъ офицеровъ, — тѣ сначала обращались съ ними вѣжливо, а потомъ стали гнать ихъ во всю. Этихъ офицеровъ поражала назойливость пристающихъ къ нимъ евреевъ, желающихъ главнымъ образомъ поскорѣй отправить въ Одессу всякіе грузы.

— Теперь мы знаемъ что такое еврей — говорили офицеры.

— *Les juifs allemands c'est affreux* — восклицали они.

И въ спорахъ между собою ругали другъ-друга, говоря — *tu es plus juif, que moi*.

Пассажиры, ѣдущіе изъ Одессы и Николаева, тоже доставляли не мало хлопотъ: то у нихъ не было документовъ, удостовѣрившихъ ихъ личности, то возникали съ ихъ стороны какія то претензіи. И со всѣмъ этимъ они являлись ко мнѣ.

Какъ-то разъ, рано утромъ, послѣ прихода поѣзда изъ Одессы, пришли два скромно одѣтыхъ господина и стали жаловаться на то, что, несмотря на имѣющіеся у нихъ билеты, ихъ выгнали вмѣстѣ съ другими изъ вагона ѣдущіе въ томъ-же вагонѣ сербы, и на ихъ мѣсто стали пускать за плату евреевъ спекулянтовъ.

Когда они это говорили, ко мнѣ подошли два одѣтыхъ въ форму сербскихъ офицера, какъ оказалось бывшихъ военныхъ австріяка, поступившихъ въ сербскіе добровольцы и, отстранивъ властнымъ жестомъ жалобщиковъ, на ломанномъ французскомъ языкѣ, стали увѣрять, что эти господа жалующіеся, никто иные какъ спекулянты, самовольно забрались въ ихъ вагонъ, откуда ихъ и попросили удалиться. Оба жалобщика, понявъ отлично, что говорили наши новые союзники, молча вынули свои бумажники и предъявили мнѣ свои удостовѣренія, изъ которыхъ было видно, что они морскіе офицеры — капитаны I ранга, ѣдутъ въ свои экипажи въ Николаевъ. Я, также молча, протянулъ эти удостовѣренія braveмъ добровольцамъ, которые, прочитавъ ихъ, страшно сконфузились и немедленно исчезли.

Погода все время стояла холодная, очень часто шелъ снѣгъ, и всюду навалило огромные сугробы; крѣпчавшіе морозы и снѣжный ландшафтъ создавали впечатлѣніе настоящей русской зимы. Полковникъ Жэ чувствовалъ себя маленькимъ Наполеономъ среди снѣговъ Россіи и только посмѣивался, говоря, что я ихъ увѣрялъ, что у насъ на Югѣ Россіи совсѣмъ не такъ холодно. — Я не удивлюсь, если въ одинъ прекрасный день на насъ нападутъ медвѣди, такъ какъ ихъ М. Wladimir, очевидно, также не замѣтилъ, — острилъ полковникъ. Офицеры и солдаты переносили стужу, доходившую иногда до 15° и даже больше по Реомюру съ сильнымъ степнымъ вѣтромъ, очень легко; одѣтые въ легкія шинели, они прыгали и рѣзвились на морозѣ, какъ дѣти, — швырялись комьями снѣга, потирая покраснѣвшія отъ холода руки. Смѣхъ и пѣсни, все время раздававшіеся изъ теплушекъ, въ которыхъ они помѣщались, указывали на то, что они чувствовали

себя тамъ отлично. Хорошая пища и вино способствовали ихъ хорошему настроенію. Мѣстные жители были ими очень довольны и выражали имъ вниманіе свое по мѣрѣ силъ и возможности. Однажды изъ сосѣднихъ колоній прибыло нѣсколько подводъ, нагруженныхъ колбасами, окороками, саломъ и другими «свинствами». Это нѣмцы-колонисты привезли французскимъ солдатамъ гостинца. Все это было распределено между всѣми ротами поровну. Взаимному удовольствію не было конца; радовались солдаты и офицеры, кушая отличную нѣмецкую ветчину, а еще болѣе радовались пріѣхавшіе нѣмцы, которыхъ соотвѣтствующимъ образомъ угостили и накачали пинаромъ и оніономъ. Особенно понравился имъ послѣдній, — крѣпкая виноградная водка произвела на нихъ неотразимое впечатлѣніе. Одинъ изъ старостъ попросилъ даже дать ему съ собой бутылку, такъ какъ онъ «пальной челофекъ» и ему надо — «лѣчиться», — а въ аптекѣ нѣтъ никакихъ лѣкарствъ. — «Этотъ самогонка, — говорилъ онъ, — очень хорошій и на немъ мнѣ аптекаръ сдѣлаеть лѣкарство». Мы долго вспоминали невинную хитрость «больного» старосты.

Слухъ о пришедшихъ французяхъ распространился по селамъ и деревнямъ очень быстро и далеко. Чуть не за полтораста верстъ изъ глубины Ананьевскаго и Тираспольскаго уѣздовъ, изъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовали петлюровцы, пріѣзжали старосты и писаря за инструкціями и просили насъ двигаться впередъ къ нимъ. Но мы оставались на томъ-же мѣстѣ неподвижно.

Я счелъ нужнымъ просить полковника разрѣшить мнѣ взять нѣсколько человекъ солдатъ и поѣздить съ ними по окрестнымъ селамъ. Съ одной стороны, мнѣ хотѣлось выяснитъ на мѣстахъ настроеніе населенія, такъ какъ пріѣзжающія по вызову на станцію сельскія власти и отдѣльныя лица отражали собой лишь настроеніе одной части «деревни», а мнѣ хотѣлось знать, что думаетъ вся деревня — вообще, въ цѣломъ; а съ другой стороны, я зналъ, что неподвижное сидѣніе на одномъ мѣстѣ безусловно не можетъ импонировать населенію, такъ какъ будирующій элементъ будетъ всячески стараться отмѣтить то обстоятельство, что французы дальше станціи «никуда носа не показываютъ». Полковнику эта идея понравилась, и онъ приказалъ одному изъ офицеровъ сопровождать меня съ небольшимъ отрядомъ въ моихъ поѣздкахъ.

Первое село, куда мы рѣшили поѣхать, это была ближайшая нѣмецкая колонія не то Роштатъ, не то Вормъ. Я предупредилъ старосту, что завтра мы будемъ у нихъ.

На слѣдующій день часовъ въ 9 утра мы тронулись въ путь. Кромѣ меня и офицеровъ, поѣхало человекъ десять конныхъ зуавовъ. Былъ яркій солнечный день и небольшой морозъ. Наши лошади шли дружно и охотно. Настроеніе у насъ было радостное; такъ пріятно было проѣхать верхомъ по хорошей дорогѣ послѣ долгаго сидѣнія на мѣстѣ. Оживленно разговаривая и мѣняя аллюры, мы не замѣтили, какъ прошли большую часть пути.

Неожиданно на горизонтѣ показался небольшой конный отрядъ, который на рысяхъ стройными рядами быстро шелъ намъ на встрѣчу. Французскій офицеръ тревожно посмотрѣлъ на меня, задерживая ходъ своей лошади. Солдаты стали переглядываться. — *Petlouriens* — отвѣтилъ я ему и самъ быстро поѣхалъ впередъ, будучи увѣренъ, что это нѣмцы выѣхали намъ на встрѣчу, желая показать свое вниманіе. Я не ошибся, — ѣхавшій впереди всадникъ, увидя меня, пошелъ карьеромъ на встрѣчу и, осадивъ на полномъ ходу превосходнаго рыжаго жеребца, посѣдланнаго кавалерійскимъ сѣдломъ, поздравилъ меня съ благополучнымъ прибытіемъ и затѣмъ добавилъ на отличномъ русскомъ языкѣ, —

имѣю честь представить Вамъ конный отрядъ нашей самообороны. — Я пропустилъ отрядъ мимо себя, поздоровавшись съ ними; на что они дружно — по военному отвѣтили — «здравья желаемъ, Ваше Превосходительство». Подѣхавшіе французы, съ восторгомъ смотрѣли на отличныхъ нѣмецкихъ лошадей, здоровыхъ и хорошо одѣтыхъ людей, ловко сидѣвшихъ въ сѣдлѣ.

Мы двинулись впередъ, начальникъ обороны поѣхалъ рядомъ со мною, а отрядъ его — сзади ѣдущихъ съ нами конныхъ зуавовъ. Скоро мы были въ колоніи. Населеніе многолюдной колоніи все вышло намъ на встрѣчу и привѣтливо, и радостно кланялось намъ при нашемъ приближеніи. Мы скоро подѣхали къ большому зданію, какъ оказалось вполнѣдствіи, школъ для глухонѣмыхъ, около которой насъ ожидали мѣстные власти.

Предсѣдатель Волостной Управы, со знакомъ волостного старшины, привѣтствовалъ насъ небольшою рѣчью и благодарилъ за честь, которую имъ оказали своимъ посѣщеніемъ. Мѣстный пасторъ, на хорошемъ французскомъ языкѣ, также говорилъ привѣтственную рѣчь, обращаясь къ французамъ. Тѣ были страшно поражены, услыхавъ родной языкъ въ глубинѣ русскихъ степей. Насъ попросили въ домъ. Завѣдующій школой счелъ долгомъ показать намъ свою школу, проведя по всѣмъ ея классамъ, и затѣмъ привелъ въ свою квартиру, гдѣ стоялъ накрытый столъ. За обѣдомъ мѣстные жители рассказывали намъ, сколько имъ пришлось пережить во время революціи отъ большевиковъ и какъ ихъ быстро успокоили пришедшіе нѣмцы; а затѣмъ опять то же повторилось при уходѣ нѣмцевъ и прибытіи петлюровцевъ, которые абсолютно отъ большевиковъ ничѣмъ не отличаются, и при которыхъ, чувствуя себя безотвѣтственнымъ, преступный элементъ дѣйствуетъ не стѣсняясь, и что только, благодаря учрежденной самооборонѣ, они смогли защитить себя и свое имущество отъ полнаго разграбленія. За разговорами время проходило быстро, стало смеркаться, и мы поспѣшили домой. Поблагодаривъ за любезный пріемъ, мы взобрались на нашихъ коней и двинулись въ обратный путь. Зуавовъ угостили на славу; покачиваясь отъ выпитаго вина, они обмѣнивались впечатлѣніями отъ посѣщенія колоніи, удивляясь ея благоустройству и богатству жителей.

Пріѣхали мы, когда уже было темно и всѣ сидѣли въ попотѣ. Когда мы появились тамъ, полковникъ, здороваясь съ нами, сказалъ: — а я уже беспокоился, не напали-ли на васъ медвѣди. — Ъздившій со мною офицеръ подробно рассказалъ ему о своихъ впечатлѣніяхъ отъ поѣздки, особенно поразила его привѣтственная рѣчь пастора и радушный пріемъ.

— Когда-же мы поѣдемъ еще куда-нибудь? — спросилъ онъ меня, окончивъ свой докладъ.

— Очень скоро, — отвѣчалъ я ему. — Послѣзавтра поѣдемъ въ Мостовое. Я назвалъ ему большое торговое село, находившееся верстахъ въ 18 отъ нашей станціи. — Только туда надо взять побольше людей, — добавилъ я, — такъ какъ не знаю, какъ насъ тамъ встрѣтятъ.

Полковникъ тутъ-же распорядился, чтобы все было готово къ нашей поѣздкѣ, и приказалъ взять съ собою взводъ «chasseurs d'Afrique». Проведя слѣдующій день въ обычныхъ занятіяхъ, мы улеглись пораньше спать, чтобы какъ слѣдуетъ отдохнуть передъ предстоящей поѣздкой въ с. Мостовое.

Проснувшись рано утромъ и наскоро выпивъ кофе, мы сѣли на поданныхъ намъ лошадей и отправились на ферму, находящуюся приблизительно въ верстахъ отъ станціи. Тамъ стоялъ эскадронъ кавалеріи. Отъ этого эскадрона былъ назначенъ взводъ для поѣздки съ нами въ Мостовое.

Командиръ эскадрона и два офицера ожидали насъ съ завтракомъ, послѣ котораго мы пустились въ путь. Съ нами поѣхалъ одинъ ихъ офицеровъ эскадрона и русскій переводчикъ при этомъ эскадронѣ, царскосельскоій гусарь князь Гагаринъ, молодой человекъ съ не дѣйствующей отъ раненія рукой. Погода испортилась, дулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Лошади все время скользили по обледенѣвшей дорогѣ. Мы пошли напрямикъ по полю и скоро достигли небольшой деревушки, гдѣ сдѣлали привалъ, зайдя погрѣться въ хату старосты. Старосты не было дома — уѣхалъ по дѣламъ въ Мостовое. Принимали насъ женщины. Меня и князя онѣ приняли тоже за французовъ и удивлялись, какъ мы чисто говоримъ по русски.

— Мы, французы, вѣдь, Ваши союзники и потому должны были учиться говорить по вашему, — подшутилъ надъ ними князь.

— Вотъ, спасибо Вамъ, что Вы такіе добрые, — говорила жена старосты, — и по нашему научились и къ намъ пришли.

— Дастъ Богъ, и порядокъ у насъ заведете, а то ужъ очень плохо у насъ стало жить, — такъ плохо, что хуже нѣтъ. Вотъ, были у насъ нѣмцы — хорошо было, тихо, да удрали домой, говорятъ, у нихъ тоже свобода вышла, они и бросили насъ. Мы уже и боимся, что и Вы тоже насъ покинете и домой пойдете, а теперь скоро весна, пахать и сѣять надо; а если Вы уйдете, то лучше за это и не браться. Мой мужъ хотѣлъ ѣхать завтра на Колосовку — спросить Вашего полковника, можно ли будетъ сѣять въ этомъ году, надо-бы было яровой пшеницы купить, да боимся — кто его знаетъ, что будетъ. Говорятъ, что или большевики опять прійдутъ, или Петлюра, — кто ихъ знаетъ.

— А много у Васъ земли? — спросилъ я ее.

— Да десятинь семь будетъ.

— Ну, а у пановъ берете еще землю? — спрашивалъ я.

— Брали съ половины раньше, а теперь перестали — и своей довольно. Все равно хлѣба не продавать, а реквизируютъ, а для себя намъ и этого довольно. Много у насъ земли пустой стоитъ, — продолжала она, — помѣщики не сѣютъ, а наши тоже не берутъ.

Около хаты, куда мы вышли, собралась вся деревня. Всѣ съ любопытствомъ разглядывали и пересмѣивались съ солдатами. Когда мы вышли на дворъ, всѣ моментально сняли шапки и стали низко кланяться; я поздоровался съ ними. Какой-то старикъ сталъ благодарить насъ за то, что мы пришли къ нимъ.

— Вы же наши союзники и спасители, — говорилъ онъ, — какъ Вы пришли, у насъ стало тихо — а то одинъ другого боимся. Жить нельзя, — такого надѣлали съ той революціей.

Мы попрощались и двинулись дальше. Проѣхавъ версть десять, мы наконецъ достигли Мостового. Это оказалось большое торговое мѣстечко съ значительнымъ количествомъ еврейскаго населенія. Разспрашивая по дорогѣ, гдѣ волостное правленіе, мы ѣхали по улицамъ мѣстечка, сопровождаемые любопытными взглядами мѣстныхъ жителей. Въ волостномъ правленіи было много народу, — нашъ неожиданный пріѣздъ ихъ очень удивилъ. — «Французы пріѣхали» — говорили они съ довольными лицами. Къ волости сталъ собираться народъ, и скоро большая толпа собралась на площади. Офицеры эскадрона и князь Гагаринъ вышли на крыльцо къ солдатамъ, опасаясь враждебныхъ намѣреній со стороны населенія и желая послушать, что говорятъ собравшіеся. Пробывъ тамъ нѣкоторое время, они, успокоенные, вошли въ комнату, гдѣ мы сидѣли, и сообщили, что настроеніе жителей самое благожелательное.

Въ это время должностныя лица вытащили на свѣтъ Божій разнаго рода предписанія и распоряженія петлюровскихъ властей и просили меня ознакомиться съ ними. Это были распоряженія, касающіяся мобилизацій, реквизицій, отобранія земель отъ помѣщиковъ, приглашенія на какіе-то съѣзды и т. д. — Мы, — говорили должностныя лица, — ничего не исполнили изъ этихъ предписаній, люди не хотятъ слушаться петлюровцевъ. Всѣмъ уже надоѣла свобода — порядка хотятъ люди. При нѣмцахъ было тихо, а петлюровцы опять хотятъ все перевернуть; вотъ, слава Богу, Вы пришли, и всѣ спокойны теперь. На весну сѣять скоро надо, а то все боялись за работу браться.

Присутствующіе кивали одобрительно головами и подавали различнаго рода реплики, выражающія сочувствіе говорившему, какъ это дѣлается обыкновенно на сельскихъ сходахъ.

— Ну, а какъ Вамъ было при нѣмцахъ? — спросилъ я.

— Хорошо, — отвѣчали они. — Хорошимъ людямъ хорошо было, а вотъ тимъ шо треба нимци заглядали «пидъ хвистъ», — сказалъ кто-то. Всѣ засмѣялись. — А щожь, такъ и треба, — добавилъ говорящій, — безъ цього не буде порядку.

Затѣмъ стали разспрашивать о томъ, когда-же пріѣдетъ начальство? Безъ него, говорили они, никакъ нельзя: нуженъ мировой судья, слѣдователи, полиція. Затѣмъ, тутъ-же кто-то изъ присутствующихъ сообщилъ, что изъ Ананьева, гдѣ находятся петлюровцы, пріѣхали люди, ѣздившіе туда на съѣздъ крестьянъ, и рассказываютъ, что петлюровцы, такъ же какъ и большевики, учатъ ихъ отбирать землю у помѣщиковъ и богатыхъ крестьянъ, грабятъ скотъ и другое имущество и что черезъ ихъ мѣстечко проходитъ телеграфная линія, по которой петлюровцы передаютъ свои распоряженія. Однимъ словомъ, видно было, что, какъ большевики, такъ и петлюровцы, сочувствіемъ сельскаго населенія не пользуются и при малѣйшей надеждѣ на то, что власти ихъ будетъ положенъ предѣлъ, населеніе испытываетъ чувство живѣйшей радости. Изъ разспросовъ я узналъ, что нѣкоторые помѣщики живутъ до сихъ поръ по своимъ усадьбамъ. Мѣстные крестьяне ихъ никого не трогали, но боялись за чужихъ, теперь же — съ приходомъ французовъ — никто изъ чужихъ не посмѣетъ производить никакихъ насилій. Также много рассказывали про дѣйствія мѣстныхъ евреевъ, которые, какъ они говорили, «прямо показались» послѣ революціи, особенно при Керенскомъ, при нѣмцахъ-же ихъ успокоили.

Изъ волости мы, напутствуемые самыми теплыми пожеланіями и привѣтствуемые глубокими поклонами, отправились на телеграфъ, гдѣ дѣйствительно оказалось, что штабы петлюровскихъ войскъ сносились изъ Ананьева чуть-ли не съ Одессой. Забравъ копіи всѣхъ телеграммъ и прервавъ сообщеніе, мы поѣхали домой. Телеграфные чиновники были очень довольны тѣмъ, что у нихъ прекратилась связь съ петлюровцами. — Мы очень боялись ответственности, — говорили они, — за ихъ дѣйствія, но въ то же самое время ничего не могли подѣлать, — власти никакой нѣтъ, петлюровцы командуютъ, мы должны подчиниться.

Въ такомъ родѣ я сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, и всюду насъ принимало населеніе радостно и привѣтливо. Видно было, что дѣйствительно всѣ жадно ждутъ порядка, всѣмъ хотѣлось заниматься своими дѣлами и жить мирною жизнью. Побывалъ я и въ нѣсколькихъ усадьбахъ. Тамъ тоже наступило успокоеніе, ждали весны, чтобы приступить къ полевымъ работамъ, надѣясь на то, что съ помощью французовъ, порядокъ будетъ прочно установленъ. Всѣ вѣрили, что анархіи уже конецъ, и ни у кого въ мысляхъ не было, что въ одинъ прекрасный день французы неожиданно для всѣхъ уйдутъ.

Совершенно неожиданно съ поѣздомъ изъ Одессы прибылъ какой-то пожилой господинъ, который сталъ разыскивать полковника Жэ, и, когда ему указали его канцелярію, то отправился прямо къ нему и, побывъ тамъ нѣкоторое время, вышелъ и обратился ко мнѣ, говоря, что онъ присланъ Херсонскимъ губернаторомъ замѣнить меня при французскомъ командованіи и что я долженъ сейчасъ-же ѣхать въ Одессу къ губернатору, который имѣетъ на меня какіе-то виды. Я былъ очень удивленъ такимъ распоряженіемъ, да еще переданнымъ на словахъ, такъ какъ никакого письменнаго предписанія прибывшимъ привезено не было.

Я отвѣтилъ, что я обыкновенно по вечерамъ посылаю губернатору телеграмму и что я сообщу губернатору о его прибытіи и запрошу о себѣ. Это очень не понравилось пріѣхавшему, который очевидно хотѣлъ какъ можно скорѣе приступить къ своимъ обязанностямъ и избавиться отъ меня. Видя это, я успокоилъ его тѣмъ, что онъ можетъ немедленно считать себя исполняющимъ обязанности при французскомъ командованіи и идти къ полковнику въ кабинетъ говорить и представлять просителей. Онъ такъ и сдѣлалъ и, появившись къ ужину вмѣстѣ съ полковникомъ Жэ, имѣлъ очень сконфуженный видъ, — не зная почти французскаго языка, онъ не могъ лично безъ переводчика говорить съ полковникомъ, да и порядокъ управленія мѣстнымъ краемъ ему не былъ знакомъ, такъ какъ раньше онъ служилъ въ Царствѣ Польскомъ.

Полковникъ имѣлъ видъ сумрачный. Послѣ ужина онъ пригласилъ меня къ себѣ и заявилъ, что онъ не хочетъ отпускать меня отъ себя. Поблагодаривъ за вниманіе, я отвѣтилъ, что долженъ ѣхать, и сказалъ, что, если онъ хочетъ имѣть меня при себѣ, то пусть напишетъ объ этомъ по начальству. — Я увѣренъ, что Генераль-губернаторъ Ваше желаніе исполнить и меня опять пришлетъ къ Вамъ.

Въ то же самое время въ Вознесенскѣ, находящемся отъ насъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, и въ его окрестностяхъ царствовали петлюровцы. Пріѣзжающіе оттуда рассказывали ужасныя вещи про ихъ дѣйствія: произволь и насиліе у петлюровцевъ были такіе, какъ у большевиковъ. Особенно свирѣпствовалъ какой-то желѣзнодорожникъ, кажется, машинистъ изъ Вознесенска по фамиліи Казубскій. Поэтому населеніе вознесенскаго раіона было очень заинтересовано въ скорѣйшемъ приходѣ туда французовъ, и къ нимъ постоянно являлись не только частныя лица, но и представители гражданскаго самоуправленія и сельскія власти узнать, когда-же наконецъ мы двинемся впередъ. Они весьма резонно указывали на то обстоятельство, что прочно занимать линію ж. д. Одесса-Николаевъ можно только тому, кто владѣетъ Вознесенскомъ, такъ какъ тамъ находится водопроводъ, дающій воду для всей линіи. — Закроютъ воду — и поѣзда Ваши стануть, — говорили они.

Находившіеся въ Вознесенскѣ петлюровцы по отношенію къ французамъ вели себя сдержанно. Полковникъ Жэ пытался вступить съ ними въ сношеніе по поводу открытія ж. д. сообщенія съ Вознесенскомъ, но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ тамъ, собственно говоря, дѣйствовали отдѣльныя банды, съ которыми установить какіе нибудь договоры было очень трудно.

Въ одинъ прекрасный день по телефону изъ Вознесенска запросили разрѣшенія командира отряда прибыть на станцію Колосовку начальнику кавалерійской дивизіи войскъ У. Н. Р. — то есть петлюровцевъ. Командиръ страшно переполошился, но далъ свое согласіе, указавъ, какое количество человекъ можетъ пріѣхать съ начальникомъ дивизіи. Приняли мѣры охраны, разставили пулеметы, установили по пути пушки, собрали людей и стали ждать.

Въ скоромъ времени пришелъ паровозъ и съ нимъ классный вагонъ, изъ котораго сначала вынесли желто-голубой флагъ огромныхъ размѣровъ, затѣмъ вышло нѣсколько человѣкъ, обвѣшанныхъ по товарищески оружіемъ, и наконецъ появился «начальникъ дивизіи». Стоявшій рядомъ со мною штабсъ-ротмистръ Астраханскаго полка Л., не разсчитавъ своего голоса, обращаясь ко мнѣ слишкомъ громко, сказалъ: — Ахъ, сукинъ сынъ, да, вѣдь, это нашего полка ротмистръ! — и назвалъ его фамилію. Тотъ, услыхавъ свое имя, обернулся, встрѣтился глазами съ говорившимъ и страшно сконфузился, но, затѣмъ оправившись, подошелъ къ нему и протянулъ руку со словами: — Какая неожиданная встрѣча!

Старые однополчане обмѣнялись, къ великому удивленію стоявшихъ на перронѣ французовъ, рукопожатіемъ и стали оживленно разговаривать, но ихъ разговоръ прервалъ адъютантъ Женэ, позвавъ «начальника дивизіи» къ полковнику. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ и присутствовалъ все время при разговорѣ. Изъ этого разговора я убѣдился, что на петлюровцевъ уже напираютъ большевики, и они хотятъ попробовать войти въ сношенія съ французами, чтобы въ случаѣ нужды имѣть у нихъ защиту отъ большевиковъ. Полковникъ Жэ былъ въ полной увѣренности, что имѣетъ дѣло съ настоящимъ начальникомъ дивизіи и потому слушалъ ротмистра съ довѣріемъ и вниманіемъ. Я не утерпѣлъ и тутъ же сказалъ, что это просто ротмистръ Астраханскаго полка, никакой дивизіи у него подъ начальствомъ нѣтъ и что было-бы хорошо выяснитъ, какое количество людей находится у него подъ командой. Когда полковникъ задалъ ему черезъ переводчика подобные вопросы, то «начальникъ дивизіи» страшно переконфузился и старался объяснить, что дивизія его находится въ періодѣ формировація, что пока людей у него немного, но при ихъ содѣйствіи онъ борется и весьма успѣшно съ анархіей. На это полковникъ посоветовалъ ему продолжать борьбу съ анархіей, но не дѣлать ее самому, такъ какъ у насъ имѣются точныя данныя обо всемъ томъ, что происходитъ въ Вознесенскѣ. Прощаясь съ нимъ, полковникъ, назвавъ его «mon capitain», ушелъ къ себѣ, а сконфуженный ротмистръ поплелся въ свой вагонъ, около котораго стояли пріѣхавшіе съ нимъ люди и развѣвался желто-синій флагъ. Лишь подойдя къ своимъ, ротмистръ немного оправился и, поднявъ голову, вошелъ въ вагонъ. Поѣздъ тронулся и, какъ-бы для поднятія престижа петлюровской депутаціи, на площадкѣ появился типъ дѣйствительно съ разбойничьей рожей. «Казубскій!» — раздалось со всѣхъ сторонъ. Желѣзнодорожники узнали своего бывшего сослуживца, пользующагося въ настоящее время такою извѣстностью въ Вознесенскѣ и его окрестностяхъ.

На слѣдующій день я собрался уѣзжать. Шумно пообѣдавъ въ «попотъ» и выпивъ по случаю моего отъѣзда болѣе, чѣмъ обыкновенно, въ томъ числѣ и нѣсколько бутылокъ шампанскаго, мы, во главѣ съ полковникомъ Жэ, снимались компаніей на станціи, при чемъ меня одѣли въ зуавскую шешія и куртку, мѣхомъ наружу, а мою шубу надѣлъ мой пріятель докторъ. Въ такомъ видѣ мы увѣковѣчили свое пребываніе на ст. Колосовка. Нѣсколько офицеровъ и докторъ, воспользовавшись добродушнымъ настроеніемъ полковника, попросились въ отпускъ и поѣхали со мною въ Одессу. Прощаніе со всѣми было трогательно. Полковникъ многозначительно сказалъ, что мы еще увидимся, а адъютантъ Женэ добавилъ — «и вмѣстѣ поѣдемъ въ Кіевъ.»

Губернаторъ, къ которому я явился сейчасъ-же по прибытіи, сконфузился при видѣ меня и, какъ-бы извиняясь, сталъ говорить, что онъ прислалъ мнѣ на смѣну Ивана Ивановича потому, что я навѣрно уже очень соскучился на глухой

станціи, что я буду нуженъ ему здѣсь, что уже пора приступать къ формированію кадровъ администраціи того уѣзда, гдѣ я буду начальникомъ, и т. д. и какъ-бы случайно добавилъ, — «очень ужъ меня просили дать какое нибудь мѣсто этому С... и.»

Я отправился домой и сталъ отдыхать. Изъ канцеляріи губернатора меня не беспокоили, жалованія мнѣ никакого не заплатили и, очевидно, про меня совсѣмъ забыли.

Мое возвращеніе въ Одессу обратило на себя вниманіе землевладѣльцевъ мѣстности, прилегающей къ Колосовкѣ. Успокоеніе, наступившее въ этомъ районѣ уѣзда, они относили къ результатамъ моей дѣятельности и поэтому стали выражать свое желаніе, чтобы я опять ѣхалъ туда. Я рекомендовалъ имъ по этому поводу обратиться къ губернатору. Черезъ нѣсколько дней меня вызвали изъ канцеляріи къ губернатору. Явившись къ нему въ назначенное время, я услышалъ отъ него, что онъ отнюдь не считаетъ мою дѣятельность оконченной, а лишь только временно прерванной для заслуженнаго мною отдыха — и что на дняхъ онъ отдастъ приказъ о назначеніи меня на должность начальника уѣзда, и тогда мнѣ придется опять показать свою энергію и опытъ.

Въ это время я, живя въ Одессѣ, видѣлъ, что несмотря на то, что городъ былъ наполненъ иностранными войсками, что приступили къ формированію русскихъ воинскихъ частей, происходитъ что-то неладное, порядка, который былъ при нѣмцахъ, не было: по вечерамъ раздавалась по улицамъ стрѣльба, никто за этимъ не наблюдалъ и не старался этого прекратить. Были также постоянные случаи ограбленія на улицахъ прохожихъ, налеты на квартиры и т. д. Однимъ словомъ, чувствовалась слабость власти. О движеніи французовъ впередъ ничего не было слышно. Были заняты ими лишь Одесса, Николаевъ и Херсонъ, и станціи Колосовка и Раздѣльная, — дальше дѣйствовали петлюровцы, а за ними большевики. Такимъ образомъ, небольшой лишь клочокъ земли пользовался защитой иностранныхъ войскъ, которыя все время увеличивались въ своемъ числѣ. Изъ газетъ видно было, что французское командованіе вступило, пока что, на путь «переговоровъ». Приѣзжали отъ петлюровскихъ властей какіе-то представители, министры, члены директоріи и т. д. Всѣхъ ихъ принималъ генералъ Д'Ансельмъ и о чемъ-то съ ними договаривался.

Въ это время, приѣзжающіе по линіи ж. д. Кіевъ-Одесса мои знакомые мнѣ рассказывали, что на Бирзулѣ и другихъ станціяхъ ж. д. вывѣшено объявленіе, въ которомъ говорится, что въ районѣ Колосовки, совмѣстно съ империалистическими французскими войсками, дѣйствуетъ наемникъ помѣщиковъ и капиталистовъ Майбородовъ, который является врагомъ Украинской Народной Республики, и что каждый долженъ его арестовать и немедленно доставить въ распоряженіе украинскихъ властей для сужденія по законамъ военнаго времени.

Такъ оцѣнили петлюровцы мою дѣятельность въ Колосовкѣ. Объ этомъ я хотѣлъ довести до свѣдѣнія французскаго командованія и съ этой цѣлью отправился въ ихъ штабъ. Въ штабѣ дежурный офицеръ, которому я подробно рассказалъ свое дѣло, рекомендовалъ мнѣ лично побывать у генерала Д'Ансельма, къ которому какъ разъ являются петлюровскія власти для какихъ-то переговоровъ. — «Генералу будетъ интересно услышать отъ Васъ о двуличности петлюровцевъ», говорилъ онъ. Въ тотъ-же день я отправился къ генералу Д'Ансельму. Въ обсерваторномъ переулкѣ, въ роскошномъ особнякѣ барона Масса помѣщался генералъ. Допустили меня къ нему безъ всякихъ затрудненій. Въ приемной меня встрѣтилъ молодой офицеръ, которому пришлось подробно рассказать

свое дѣло; выслушавъ, офицеръ попросилъ меня подождать, а самъ пошелъ докладывать генералу. Я остался одинъ въ большомъ залѣ. Роскошная обстановка какимъ-то чудомъ уцѣлѣла въ неприкосновенности, несмотря на предшествующее владычество большевиковъ. Все было въ полномъ порядкѣ, полы, натертые воскомъ, блестѣли и въ комнатахъ было тепло и уютно. Меня попросили въ кабинетъ къ генералу. При входѣ, на встрѣчу мнѣ поднялся пожилой, красивый генераль; сѣдые усы, прямой носъ, привѣтливые и живые глаза привлекали невольно вниманіе. Я представился, генераль заявилъ, что очень радъ поговорить съ лицомъ, проведеннымъ все время на фронтѣ съ полковникомъ Жэ, что отъ меня онъ надѣется услышать много интереснаго. Я началъ излагать ему, что побудило меня явиться къ нему, генераль перебилъ меня и сказалъ, что офицеръ доложилъ ему объ этомъ подробно, съ моихъ словъ онъ повторилъ все, что я говорилъ дежурному офицеру. — «Такъ-ли я понялъ,» — задалъ онъ мнѣ вопросъ. И на мой отвѣтъ, что все передано генералу совершенно правильно и точно, генераль возмущеннымъ тономъ сказалъ, что мы положимъ этому предѣлъ, и попросилъ меня побывать въ штабѣ, гдѣ будутъ приняты соответствующія мѣры. Я поблагодарилъ и, поднявшись, хотѣлъ откланяться.

— Подождите немного, — сказалъ генераль, — и расскажите мнѣ про Колосовку. Какъ тамъ помѣщаеся и чувствуетъ себя отрядъ нашихъ войскъ?

Я снова сѣлъ и началъ подробно рассказывать обо всемъ, начиная со дня нашего прибытія на мѣсто. Описалъ подробно отношеніе населенія къ прибывшимъ войскамъ, надежды, которыя возлагаются всѣми на французовъ, и сталъ указывать на то обстоятельство, что такъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ нельзя, въ концѣ концовъ надо устанавливать на мѣстахъ законную власть, — что безъ этого порядка быть не можетъ. Затѣмъ я передалъ генералу о томъ, что, какъ намъ извѣстно со словъ представителей городскихъ самоуправленій города Вознесенска, населеніе этого города жаждетъ избавиться отъ царящей тамъ, благодаря присутствію петлюровцевъ, анархіи, — съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода французскихъ войскъ — и доложилъ, что въ Вознесенскѣ находится водопроводъ, питающій водой линію ж. д. между Одессой и Николаевымъ, и что также находится артиллерійскій складъ съ огромными запасами снарядовъ.

Генераль Д'Ансельмъ, внимательно меня выслушавъ, сказалъ мнѣ: — «Вы правы — надо обязательно занять Вознесенскъ; плохо лишь то, что онъ стоитъ на другой сторонѣ Буга, — у отряда въ тылу будетъ большая рѣка».

Поблагодаривъ меня за сообщенныя ему свѣдѣнія, генераль попросилъ меня въ случаѣ надобности обращаться къ нему лично.

Черезъ нѣсколько дней въ французскомъ Штабѣ мнѣ выдали удостовѣреніе, въ которомъ говорилось, что такой-то, состоящій въ качествѣ совѣтника при полковникѣ Жэ, направляется въ его распоряженіе и что всѣ власти французскихъ и «союзныхъ» войскъ должны мнѣ оказывать полное содѣйствіе и защиту.

Все это время меня нѣсколько разъ приглашали къ Херсонскому губернатору на какія-то совѣщанія, которыя ничего не давали и кончались обыкновенно разговорами о текущихъ событіяхъ. Стали поговаривать о нерѣшительности французовъ, о ихъ медлительности, о томъ, что они только занимаются переговорами и въ то же время не позволяютъ организовываться, не позволяютъ ни мобилизаціи, ни назначенія должностныхъ лицъ и т. д. Наконецъ, послѣ того, какъ на посту военнаго Генераль-Губернатора Генераль Санниковъ смѣнилъ генерала Гришина-Алмазова, началось что-то похожее на устройство губернскихъ властей. Получилось извѣщеніе изъ ставки объ утвержденіи Генераломъ

Деникинымъ въ должности начальника губерніи С. Г. Пищевича, — тотъ отдалъ приказы о назначеніи начальниковъ уѣздовъ, въ томъ числѣ и меня, и предложилъ приступить къ формированію канцелярій и уѣздной стражи. Мнѣ на должность помощника начальника уѣзда онъ назначилъ смѣнившаго меня при французахъ И. И. С...и.

Пока мы занимались своимъ дѣламъ, событія шли своимъ чередомъ.

По городу стали ходить какіе то темные слухи, передавались сплетни и о томъ, что французовъ обрабатываютъ большевики, называли имена артистокъ, которыя приняли на себя за огромныя деньги эту задачу. Имя Изы Кремеръ, съ которой не разлучался генералъ Д'Ансельмъ, было у всѣхъ на устахъ. Смерть Вѣры Холодной, очень загадочная по своей обстановкѣ, также давала не мало пищи языкамъ. Таинственное исчезновеніе дочери профессора Ускова и т. п. происшествія, о которыхъ говорилъ городъ, давали основаніе предполагать, что дѣйствительно происходитъ что-то непонятное, — но никто не думалъ, что трагическій конецъ такъ близокъ.

Особенно нелестной репутаціей пользовался начальникъ штаба генерала Д'Ансельма полковникъ Фрейденбергъ. Про него говорили, что онъ спекулируетъ во всю, торгуетъ казеннымъ шеколадомъ и другими вещами и, какъ еврей по происхожденію, особенно близокъ къ одесситамъ спекулянтамъ той-же національности.

Французскіе солдаты вели себя на улицѣ плохо, ходили небрежно одѣтыми, очень часто пьяные, на главныхъ улицахъ приставали къ прохожимъ женщинамъ среди бѣла дня. Все это заставляло обывателей задумываться надъ прочностью своего положенія, и болѣе благоразумные, запасаясь валютой и устраивая свои дѣла, стали уѣзжать изъ Одессы. Въ то-же время стало извѣстно, что большевики приближаются, успѣшно ликвидируютъ остатки «войскъ У. Н. Р.» т. е. петлюровцевъ, и не сегодня-завтра войдутъ въ соприкосновеніе съ союзниками, т. е. съ французами и греками. Такъ и случилось въ Херсонѣ и Николаевѣ, — начались военныя дѣйствія, говорили, что французовъ и грековъ побили, что они должны были уходить на суда, съ которыхъ потомъ обстрѣливали городъ, отъ чего очень сильно пострадали мирные жители, и т. д. Стало какъ-то жутко, и въ Одессѣ ночная стрѣльба не способствовала успокоенію обывателей. Такое положеніе дѣлъ побудило французское командованіе быть мягче и приступить къ формированію русскихъ частей. Ожидали мобилизаціи. Затѣмъ появился проектъ созданія какихъ-то смѣшанныхъ франко-русскихъ отрядовъ, но изъ этого ничего не вышло.

Въ это время отъ полковника Жэ пришла къ губернатору бумага, въ которой онъ, указывая на нежелательность перемѣны личнаго состава прикомандированныхъ къ нему лицъ, просилъ распоряженія о возвращеніи меня на прежнее мѣсто. Сообщивъ мнѣ объ этомъ, губернаторъ просилъ меня выѣхать къ полковнику Жэ какъ можно скорѣе, такъ какъ французы рѣшили двигаться дальше и занять Вознесенскъ, гдѣ очевидно и будетъ наша стоянка, пока не перейдемъ въ полное наступленіе для очистки отъ большевиковъ всей Украины. Мнѣ какъ-то не хотѣлось уѣзжать въ такое тревожное время изъ дому, но дѣлать было нечего. Отдавъ распоряженіе своему секретарю и начальнику уѣздной земской стражи о томъ, чтобы они были готовы по моему вызову прибыть въ Вознесенскъ, гдѣ мы вступимъ въ исполненіе нашихъ обязанностей, такъ какъ французы должны занять этотъ городъ, я, не зная, на сколько времени уѣзжаю изъ дому, сталъ приготавливаться въ путь и имѣлъ неосторожность взять съ собою вещей въ количествѣ,

необходимомъ для болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія. Поѣздъ на Колосовку отходилъ вечеромъ. Приѣхавъ на вокзалъ, я отправился къ французскому комиссару станціи, съ которымъ уже былъ знакомъ раньше, и попросилъ меня устроить въ поѣздѣ, идущемъ на Колосовку. Комиссаръ вопросительно посмотрѣлъ на меня и сказалъ, что поѣздъ идетъ всего лишь до Березовки, гдѣ въ настоящее время находится отрядъ полковника Жэ. Я былъ удивленъ такимъ неожиданнымъ перемѣщеніемъ, но ничего не спросилъ и отправился въ указанный мнѣ вагонъ. Поѣздъ двинулся; въ вагонѣ со мною ѣхало нѣсколько русскихъ офицеровъ, одинъ греческій и еще французскій солдатъ, который очень быстро напился пьянъ, сталъ орать пѣсни, а затѣмъ, успокоившись, заснулъ и наполнилъ весь вагонъ своимъ храпомъ. Пока онъ былъ еще трезвъ, онъ успѣлъ объяснить намъ, что везетъ съ собою вагонъ взрывчатыхъ веществъ для подрыва желѣзно-дорожнаго моста. Офицеръ грекъ и русскіе ѣхали къ своимъ частямъ. Оказалось, по ихъ рассказамъ, что на фронтѣ, кромѣ французовъ, уже находятся греки и вновь сформированныя добровольческія части.

На утро мы были на Березовкѣ. Я отправился отыскивать поѣздъ полковника Жэ и скоро нашелъ его на главномъ пути. Въ вагонѣ еще спали; лишь въ столовой, стоя около таза съ водою, фыркалъ и плескался лейтенантъ Жене. Увидѣвъ меня, онъ радостно засмѣялся и, не успѣвъ поздороваться, сталъ рассказывать мѣстные новости, которыя были неутѣшительнаго характера. Оказалось, что отряду было предложено занять Вознесенскъ, но этого сдѣлать не удалось, такъ какъ пришли большевики, выгнали оттуда моментально петлюровцевъ, которые частью разбѣжались, а частью явились къ французамъ; тѣ ихъ разоружили и отправили въ Одессу. Когда французы стали подходить къ Вознесенску, то большевики обстрѣляли поѣздъ; французы не рѣшились итти дальше и остановились, большевики взорвали путь позади французскихъ поѣздовъ, отрѣзавъ такимъ образомъ отступленіе, и хотѣли было атаковать французовъ, но, встрѣченные огнемъ, бѣжали въ городъ и, думая, что французы будутъ ихъ преслѣдовать, готовились, какъ это я узналъ впоследствии, уходить изъ Вознесенска, — но французы вмѣсто преслѣдованія большевиковъ, исправивъ взорванный путь, отошли обратно на Колосовку.

Въ это время подъ Николаевомъ появился атаманъ Григорьевъ, который рѣшилъ итти на Одессу по линіи ж. д., поэтому, желая вывести отрядъ изъ подъ угрожающихъ ему съ двухъ сторонъ — съ сѣвера и востока — ударовъ, такъ какъ въ Колосовкѣ соединялись двѣ линіи, полковникъ Жэ рѣшилъ отойти на Березовку. Такъ рассказывалъ мнѣ Жене.

Скоро офицеры проснулись и, увидѣвъ меня, стали шумно выражать свое удовольствіе по поводу моего приѣзда и наперебой рассказывать о происшедшемъ; больше всѣхъ радовался моему приѣзду докторъ. Изъ рассказовъ я узналъ, что вчера тутъ-же на Березовкѣ шальной пулей раненъ въ голову одинъ молодой русскій офицеръ — переводчикъ, котораго повезли въ Одессу, — рана безусловно смертоносна. Также раненъ въ ногу помощникъ повара, ночью во время сна.

Замѣнявшій меня при французахъ И. И. С., отойдя со мною въ сторону, сталъ рассказывать, что положеніе здѣсь болѣе серьезно, чѣмъ думаютъ объ этомъ французы, такъ какъ они уже выпустили инициативу изъ своихъ рукъ и вмѣсто того, чтобы гнать большевиковъ, какъ дѣлали это нѣмцы, ожидаютъ ихъ наступленія, а обороняются отъ нападенія гораздо труднѣе, чѣмъ нападать самому. И. И., узнавши, что я приѣхалъ ему на смѣну, былъ очень доволенъ, говоря, что уже надоѣло валяться въ вагонѣ и хочется отдохнуть немного въ Одессѣ, тѣмъ

болѣе, что дома жена его страшно тоскуетъ. При освобожденіи Одессы отъ петлюровцевъ у него было убито два сына мальчика, пошедшихъ добровольцами.

Я пошелъ являться къ полковнику Жэ, который, выразивъ при видѣ меня живѣйшее удовольствіе, сообщилъ мнѣ, что меня прислали немного поздно, такъ какъ его батальонъ сегодня уходитъ въ Одессу, а здѣсь остаются греки; по его мнѣнію, я долженъ былъ оставаться при греческомъ командованіи и дѣйствовать такъ, какъ я дѣйствовалъ при французскомъ. Разказавъ мнѣ подробно о нападеніи большевиковъ и о томъ, что въ будущемъ оно можетъ повториться, онъ совѣтовалъ мнѣ быть осторожнымъ, такъ какъ лишь вчера смертельно ранили въ голову прапорщика Илецкаго, который ходилъ безъ каски по станціонной платформѣ.

Скоро мы отправились обѣдать. За обѣдомъ было шумно и оживленно, какъ всегда. Полковникъ объявилъ, что сегодня, лишь только прійдетъ смѣна, они уходятъ въ Одессу на отдыхъ. Всѣ были этому очень рады. Русскій переводчикъ капитанъ Ш. и И. И. все время, къ вящему удовольствію французовъ, пикировались между собою. Они, какъ оказывается, не поладили изъ за первенства. Каждый считалъ себя болѣе близкимъ къ полковнику Жэ, и на этой почвѣ у нихъ были постоянныя недоразумѣнія. За обѣдомъ я узналъ, что въ составѣ отряда, кромѣ батальона французовъ, значительно порѣдѣвшаго, такъ какъ много людей ушло домой по демобилизации, было два батальона грековъ, артиллерійская батарея, три танка и нѣсколько ротъ русскихъ добровольцевъ. Танковъ я еще никогда не видѣлъ въ натурѣ, за исключеніемъ кинематографа, и выразилъ свое желаніе посмотреть ихъ. Докторъ предложилъ мнѣ повести меня показать ихъ. — Я кстати Васъ познакомлю съ артиллерійскимъ капитаномъ, съ которымъ рекомендую Вамъ поселиться вмѣстѣ въ вагонѣ, онъ Васъ и кормить будетъ. Вамъ съ нимъ будетъ очень хорошо, это тоже мой большой другъ, — добавилъ онъ, считая очевидно такимъ-же и меня.

Послѣ обѣда я пошелъ къ доктору, гдѣ онъ угощалъ меня чернымъ кофе съ коньякомъ и рассказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

— Я думалъ, что намъ будетъ совсѣмъ плохо подъ Вознесенскомъ, — говорилъ онъ, — и прійдется уходить пѣшкомъ, такъ какъ захватили путь. Я уже одѣлся, взялъ въ карманъ Вашу карточку (мы съ нимъ обмѣнялись фотографіями), но путь исправили и мы ушли благополучно. Лучше бы было, если-бы Вы тоже поѣхали съ нами сегодня въ Одессу, а то тутъ будетъ опять что нибудь. Знаете, на дняхъ пріѣхалъ къ намъ младшій врачъ, который жилъ у Вашего брата, онъ такъ много рассказывалъ про Вашу семью, что когда Вы пріѣдете домой, то поведите меня къ нимъ. Этому доктору ужасно не хотѣлось уѣзжать изъ Одессы, онъ до сихъ поръ ходитъ грустный.

Въ это время подъ окномъ вагона неожиданно грянулъ пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, а затѣмъ пошла непрерывная пальба изъ четырехъ орудій расположенной тутъ-же батареи. Я былъ удивленъ, докторъ пожалъ плечами, поднялся и предложилъ мнѣ пойти на батарею. Тамъ онъ познакомилъ меня съ капитаномъ, наблюдавшимъ за стрѣльбой. Капитанъ сообщилъ, что большевики повели наступленіе на нашу позицію, расположенную передъ станціей Березовкой на сѣверной сторонѣ, но что отъ огня его орудій они несутъ большой уронъ и навѣрно скоро прекратятъ наступленіе. Пальба продолжалась еще нѣкоторое время, а затѣмъ по телефону сообщили, что большевики побѣжали. На память о происшедшемъ капитанъ предложилъ мнѣ мѣдную гильзу изъ выпущеннаго снаряда. Поговоривъ нѣкоторое время съ артиллерійскимъ капитаномъ и по-

лучивъ его приглашеніе къ нему въ вагонъ, мы съ докторомъ двинулись дальше по направленію къ стоящимъ подъ горою танкамъ. Къ намъ присоединился Ив. Ив. и сталъ рассказывать о томъ, какъ вчера работали танки, когда показались большевики.

— Жаль только, что полковникъ приказалъ открыть огонь съ предѣльной дистанціи, не подпустилъ ихъ поближе, много-бы ихъ положили, а то они сейчасъ-же разбѣжались и почти никто не пострадалъ.

Когда мы подошли поближе, то увидѣли три или четыре маленькихъ танка, около которыхъ хлопотали люди, прочищая маленькія пушечки и перетирая тряпками и смазывая, гдѣ надо, части механизма. Солдаты при танкахъ заявили, что имъ навѣрное прійдется поработать и сегодня, но будетъ очень нехорошо, если опять прикажутъ открыть огонь съ такой дистанціи, когда ничего нельзя подѣлать. Надо подпустить непріятеля совсѣмъ близко и тогда уже стрѣлять, — это отобьетъ охоту у нападающихъ, а то такъ только роняется авторитетъ танка; разогнать можно и изъ пушекъ, если по нападающимъ стрѣльнуть раза два, — говорили они, — вѣдь, это все мальчишки идутъ, а не настоящіе обстрѣлянные солдаты.

Посмотрѣвъ танки, мы двинулись по домамъ, такъ какъ я собирался перебраться на новое мѣсто къ артиллерійскому капитану, а докторъ и Ив. Ив. готовились къ предстоящему отъѣзду.

Не успѣли мы отойти на нѣсколько шаговъ отъ танковъ, какъ вдали ухнула пушка, черезъ нѣсколько секундъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ взвился столбъ пыли отъ упавшаго снаряда... Разрыва не было. За первымъ прилетѣлъ второй и закопался уже гораздо ближе. Затѣмъ выстрѣлы посыпались одинъ за другимъ, и столбы поднимающейся пыли указывали, что снаряды падаютъ совсѣмъ близко отъ насъ. Мы остановились. Иванъ Ивановичъ послѣ cadaго выстрѣла стремился бѣжать къ мѣсту паденія снаряда, желая его разсмотрѣть поближе. Мы съ докторомъ удерживали его, что было такъ же трудно, какъ заставить смирно лежать на мѣстѣ охотничью собаку, стремящуюся послѣ неудачнаго выстрѣла бѣжать за раненой дичью.

Видя наше поведеніе, солдаты батареи стали кричать намъ — *abritez vous, abritez vous, vous êtes fous*. — Мы ползли подъ стоящій вблизи поѣздъ, гдѣ подъ сосѣднимъ вагономъ съ машинистомъ во главѣ сидѣла кондукторская бригада и ругательски ругалась по адресу большевиковъ. Сидя подъ вагономъ и чувствуя себя какъ-бы въ безопасности, я оглядывался кругомъ, — всюду видны были люди, старающіеся использовать какое нибудь прикрытіе. Неподалеку, подъ стѣнкой какого-то станціоннаго зданія расположился санитарный отрядъ Краснаго Креста, сестры милосердія и санитары сидѣли на корточкахъ; не знаю откуда взявшіеся польскіе офицеры, стоя на мѣстѣ, совершенно безопасномъ, дѣлали видъ, что они совсѣмъ не боятся огня, хотя нервныя движенія указывали на ихъ волненіе; тамъ и сямъ подъ вагонами сидѣли люди въ штатскомъ и въ военной формѣ. Снаряды продолжали сыпаться все чаще и чаще, но къ нашему счастью ни одного разрыва не было и, несмотря на то, что всѣ желѣзнодорожные пути были густо заставлены поѣздными составами, ни одинъ снарядъ не попалъ ни въ вагоны, ни въ станціонныя зданія.

На французской батарее было тихо, но видны были какія-то приготовленія: офицеръ что-то вычислялъ и соображалъ; дѣлалъ онъ это совершенно хладнокровно, несмотря на то, что противникъ, зная, очевидно, точно мѣсто нахождения батареи, засыпалъ насъ снарядами. Окончивши свои вычисленія, онъ ско-

мандовалъ «feu». Одно за другимъ грянули два орудія, стоявшія рядомъ съ нами, а затѣмъ черезъ нѣсколько секундъ два другихъ, стоявшихъ дальше подъ горой, — и такъ чередуясь между собою, обѣ пары орудій открыли бѣглый огонь, заглушая звуки отдаленныхъ большевистскихъ выстрѣловъ. Скоро дождь падающихъ около насъ снарядовъ сталъ гораздо рѣже, а черезъ нѣкоторое время и совершенно прекратился. Какъ оказалось, нашъ храбрый капитанъ взялъ вѣрный прицѣлъ, удачными попаданіями перебилъ прислугу и подбилъ непріятельскія пушки, заставивъ ихъ умолкнуть.

Когда все стихло, всѣ съ облегченнымъ сердцемъ стали оставлять свои мѣста. У всѣхъ видъ былъ радостный и довольный. Такъ, послѣ набѣжавшей тучки, застигнутые дождемъ выходятъ изъ своихъ укромныхъ мѣстъ, радуясь тому, что имъ удалось спрятаться отъ неожиданной непогоды.

Нашъ Иванъ Ивановичъ бѣгалъ отъ одного мѣста паденія снаряда къ другому и палкою расковыривалъ взрытую землю, стараясь нащупать неразорвавшійся снарядъ.

Въ это время подъ горой что-то зашумѣло. Оказывается, заработали танки и, пустивъ въ ходъ моторы, какъ какія то гигантскія черепахи, поползли на сѣверовостокъ отъ станціи, — это вдаль показались пѣхотныя большевистскія цѣпи, желавшія съ этой стороны обойти станцію. Скоро они скрылись изъ глазъ.

Мы пошли на станцію, тамъ царило необычное оживленіе, — всѣ офицеры стояли кучкой на платформѣ и что-то оживленно говорили между собой; это они разсуждали объ атакѣ большевиковъ, которую тѣ послѣ артиллерійской подготовки повели на станцію Березовку съ указанныхъ выше направленій. Затѣмъ полковникъ Жэ и командиръ 1-го батальона маіоръ Жеро полѣзли на крышу вагона и что-то долго разсматривали въ бинокль. Это они наблюдали за движеніемъ танковъ, идущихъ навстрѣчу наступающимъ большевикамъ.

Скоро выяснилось, что при видѣ танковъ большевики бѣжали, и нападеніе ихъ было пріостановлено.

Въ то же время на позиціяхъ, которыя были приготовлены на сѣверъ отъ станціи по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, все время шла оживленная перестрѣлка. Тамъ въ окопахъ были расположены греки и французы, а гдѣ то — кажется, со стороны мѣстечка Березовки — были расположены русскія роты. Съ этими частями перестрѣливались залегшіе большевики. Начало темнѣть, перестрѣлка становилась все оживленнѣй и оживленнѣй. На станцію стали приносить раненыхъ, стало какъ-то больше народа на перронѣ, начали появляться фигуры греческихъ солдатъ и офицеровъ, которые что-то кричали, кого-то ругали. Станціонные служителя, какіе-то штатскіе съ блѣдными лицами передавали слухи, говорили, что м. Березовку заняли большевики, кого-то уже тамъ разстрѣляли и т. д. Намъ не сидѣлось на мѣстѣ, мы съ Иваномъ Ивановичемъ то входили въ вагонъ, то выходили на станцію, то стояли гдѣ нибудь въ сторонѣ, соображая, что дѣлать въ дальнѣйшемъ. — «Кепске — проше пана» — говорилъ Иванъ Ивановичъ мнѣ, вспоминая польскій языкъ. — «Цо то бендзе, цо то бендзе», — острилъ онъ, — «а я на всякій случай здѣсь для насъ съ Вами подводу держу. Приказалъ стражникамъ задержать одного подвѣдчика, можетъ какъ нибудь вывеземъ наши вещи, а то видно, что плохо будетъ.» — Дѣйствительно за станціоннымъ домомъ стояла парная повозка, на которой сидѣлъ мужикъ съ опущенной головой и тихо просилъ стоящихъ стражниковъ: — «та пустить мене до дому.» — «Намъ не приказано — отвѣтилъ ему стражникъ — будетъ время, пустимъ.» — Мы вынесли изъ вагона наши вещи и положили ихъ на подводу, нашъ

мужикъ повеселѣлъ, — «а чи скоро будемъ ѣхать?» — спросилъ онъ. — «Скоро, скоро,» — отвѣтилъ я ему, не зная совершенно ничего о томъ, что будетъ дальше.

Войдя на станцію, мы увидѣли всѣхъ нашихъ офицеровъ, стоящихъ у стола и наскоро закусывающихъ.

— М. Wladimir — закричалъ мнѣ Жене, — иди ѣсть, а то сегодня намъ большевики не дадутъ поужинать.

Во время ѣды шли оживленные разговоры, говорили, что большевики стрѣляютъ безъ остановки по нашимъ, сидящимъ въ окопахъ. Дѣйствительно все время слышалась непрерывная, частая ружейная перестрѣлка. Закусивши, я вышелъ опять на перронъ, гдѣ солдатъ было все больше и больше, они какъ-то толкались безъ дѣла въ полномъ снаряженіи. Я спросилъ лейтенанта Шантепи, — откуда они и что это значитъ? Онъ при мнѣ задалъ такой-же вопросъ нѣкоторымъ зуавамъ. — «Раненаго принесли» — отвѣтили они. Подъ видомъ сопровожденія раненыхъ были просто ушедшіе съ позицій, особенно много было грековъ. На это обратили вниманіе и, найдя какого-то офицера, Шантепи сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отвелъ своихъ людей на прежнія мѣста. Шантепи кричалъ и горячился, греческій офицеръ беспомощно развелъ руками, а въ это время на перронѣ и вблизи станціи солдатъ появлялось все больше и больше. Майоръ Жеро, подойдя къ полковнику, сказалъ, что греки уже отправляютъ свои обозы, и дѣйствительно къ станціи приближались вьючные мулы. Полковника позвали къ телефону. Оказывается, его пригласилъ генераль Д'Ансельмъ. Поговоривъ по телефону, полковникъ Жэ сообщилъ, что приказано держаться до послѣдней возможности. Мнѣ стало какъ-то жутко. Я оцупалъ свой револьверъ, отстегнулъ крышку кобуры и пересчиталъ, сколько имѣется въ запасѣ патроновъ.

— А у меня даже револьвера нѣтъ, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, — нечѣмъ будетъ и застрѣлиться, если насъ захватятъ большевики.

Мы оба были увѣрены, что придется принять участіе въ отраженіи нападенія большевиковъ на станцію. Стрѣльба стала слышаться все ближе и ближе. Вдругъ кто то изъ русскихъ офицеровъ — переводчиковъ, прибѣжавъ на станцію, крикнулъ: — «Большевики занимаютъ передніе вагоны!» Станція была забита поѣздными составами, которые нельзя было увести, такъ какъ было недостаточно воды для всѣхъ паровозовъ, большевики уже нѣсколько дней закрыли воду въ Вознесенскѣ, и воду доставляли на станцію въ цистернахъ изъ Одессы.

Сообщеніе прибѣжавшаго офицера подтвердилось. Майоръ Жеро вызвалъ роту пулеметчиковъ и, расположивъ ее передъ самой станціей, открылъ огонь по вагонамъ.

Ко мнѣ подошелъ лейтенантъ Шантепи и сказалъ мнѣ: — не теряйте меня изъ виду, мы сейчасъ уходимъ. — Я передалъ это Ивану Ивановичу, и мы съ нимъ устремились вслѣдъ за Шантепи къ зданію станціи, тамъ съ оконъ снимали пулеметы и всѣ постепенно выходили. Иванъ Ивановичъ, крикнувъ мнѣ, что онъ пойдеть отправить подводу съ вещами, потащилъ за собою Шантепи, а я остался съ лейтенантомъ Жене, который, хватая со стола бумаги, совалъ ихъ въ горящую печку, я помогалъ ему въ этомъ. Когда все было окончено, я обратилъ вниманіе, что въ зданіи никого не было; лишь въ сосѣдней комнатѣ сидѣлъ желѣзно-дорожный служащій, блѣдный, съ дрожащей челюстью, и смотрѣлъ въ одну точку.

— Идемъ — крикнулъ мнѣ Жене и направился къ выходу.

— Вы забыли бинокль — сказалъ я, схвативъ со стола большой военный бинокль и передавая ему.

— Это не мой, мой на мнѣ. Берите себѣ, пригодится въ дорогѣ. — Я взялъ

и вышелъ на перронъ. Пулеметчики, прекративъ огонь, уже ушли; мы, видя себя послѣдними, побѣжали и скоро нагнали молча идущихъ солдатъ.

— *Compagnie hors rang?* — спрашивалъ Жене. Ему отвѣтили, что впереди, и мы ускорили шаги и скоро догнали нашъ штабъ полка, идущій во главѣ команды писарей и другихъ составляющихъ *Compagnie hors rang 1 R. M. d'Afrique*; не было только полковника и доктора.

Станція Березовка расположена въ глубокой долинѣ, идущей съ сѣвера на югъ. Съ востока на западъ эту долину замыкають довольно высокіе холмы. По этой-то долинѣ и проходитъ линія желѣзной дороги Одесса-Бахмачъ. Приблизительно въ верстѣ или больше на югъ отъ станціи долину эту пересѣкаетъ подъ прямымъ угломъ небольшая болотистая рѣчка, черезъ которую перекинуть желѣзно-дорожный мостъ; приближаясь къ рѣкѣ, мѣстность значительно понижается и вслѣдствіе этого линія желѣзной дороги проходитъ по все поднимающейся насыпи. Такимъ образомъ, идя на югъ, мы съ каждымъ шагомъ впередъ скрывались все глубже и глубже за насыпью, и скоро съ нашей лѣвой стороны были совершенно закрыты ею, съ правой-же стороны, разстилалась широкая степь, на которой ничего не было видно и все было спокойно. Почувствовавъ себя въ безопасности отъ выстрѣловъ и не видя за собой преслѣдованія, мы пріободрились, — всѣмъ стало легче, начали разговаривать въ полъ голоса. Кто закурилъ, но сейчасъ-же потушилъ папиросу, послѣ окрика лейтенанта Жене. Сзади все было тихо. Мы шли быстро и скоро нагнали подводу съ нашими вещами, которую сопровождали два пѣшихъ стражника. Подвода поѣхала за нами. Черезъ нѣсколько времени показался желѣзно-дорожный мостъ, взошла луна и своимъ блѣднымъ свѣтомъ освѣтила окрестности. Мы поднялись на насыпь, по обѣ стороны которой разстилалась широкая, пустынная долина, и лишь по насыпи желѣзной дороги видна была растянувшаяся колонна отступающихъ войскъ. Солдаты шли въ полномъ снаряженіи, а греки вели въ поводу вьючныхъ муловъ и маленькихъ хорошенькихъ осликовъ. Скоро передовые вступили на мостъ и стали переходить черезъ него. Съ насыпи я видѣлъ нашу подводу, которая въ нерѣшительности оставновилась на берегу рѣчки, — переправы не было. На мосту началось какое-то замѣшательство, слышались крики и ругань, — ругались французы, греки цокали и что-то кричали въ отвѣтъ, чего никто не понималъ. Подойдя ближе, мы увидѣли, что на мосту, не приспособленномъ для ѣзды и пѣшеходовъ, нѣтъ сплошной деревянной настилки, а доски лежатъ съ промежутками. По мосту греки повели своихъ муловъ и ословъ, вьюченныхъ пулеметами и другимъ военнымъ имуществомъ. Эти несчастныя животныя попадали ногами въ промежутки между досками, падали, калѣчились и не могли подняться. Скоро мостъ былъ забитъ такими упавшими мулами, и, только лавируя между ними, можно было пройти по нему.

Перейдя на другой берегъ рѣчки, мы остановились около моста и стали смотрѣть въ сторону Березовки, — тамъ была полная тишина. Черезъ мостъ проходили послѣдніе люди, и скоро никого не осталось на той сторонѣ. Мы съ Шантепи продолжали стоять и задумчиво смотрѣть. Наши спускались съ насыпи и взяли направленіе на востокъ. За мостомъ на другомъ берегу мелькнуло нѣсколько огоньковъ и раздались выстрѣлы — это по насъ выпалили подошедшіе къ мосту развѣдчики. Мы моментально скрылись за насыпью и скоро присоединились къ своимъ. Будучи увѣрены, что большевики отрѣзали намъ отступленіе на югъ, занявъ слѣдующую за Березовкою станцію, мы рѣшили описать по степи дугу и выйти на линію желѣзной дороги южнѣе.

Роты французовъ и грековъ расходились въ юго-восточномъ направленіи по различнымъ полевымъ дорожкамъ. На наше счастье теплый весенній день смѣнился ясной морозной ночью, и оттаявшая за день подъ горячими лучами солнца степь стала твердой какъ камень, и намъ можно было идти легко и свободно. На ходу всѣ громко разговаривали, курили и смѣялись, чувствуя, что опасность миновала. Мы ожидали услышать звуки отъ взрыва моста, но ничего не было слышно, очевидно вагонъ со взрывчатыми веществами остался на Березовкѣ. На перекресткѣ двухъ полевыхъ дорогъ мы встрѣтились съ батальономъ грековъ, которые на ходу не переставали что-то кричать, волноваться, цокать; вся дорога ихъ отступленія была усыяна бросаемыми ими предметами снаряженія, — валялись каски, одѣяла, патронташи и т. д. Очевидно, не втянутымъ въ походную жизнь солдатамъ тяжело было нести полное походное снаряженіе, и они себя постепенно облегчали.

При видѣ насъ, изъ рядовъ по русски кто-то сталъ кричать намъ — стойте, Ваше Высокоблагородіе; мы съ Иванъ Ивановичемъ пошли на крикъ и увидѣли одного изъ двухъ стражниковъ, бывшихъ съ нашими вещами. Онъ сталъ просить освободить его отъ грековъ, которые захватили его въ степи, отняли винтовку, дали раза два по шеѣ и приказали вести въ Одессу. Подошелъ греческій переводчикъ, это былъ какой-то юноша почти мальчикъ, типа служащихъ въ Одесскихъ банкирскихъ конторахъ; онъ объяснилъ намъ, что они взяли этого человѣка какъ проводника и не знаютъ, кто онъ, не будучи увѣрены, что это не большевикъ. Мы сообщили, что это полицейскій стражникъ, сопровождавшій наши вещи. Греки просили оставить его у нихъ, говоря, что они могутъ безъ проводника заблудиться въ степи. Мы имъ это разрѣшили и разошлись. Греки стали удаляться, но еще долго слышался ихъ крикъ и цоканье. Иванъ Ивановичъ, въ которомъ заговорила греческая кровь, тоже началъ волноваться и ругать громко грековъ, которые посмѣли самовольно захватить нашего проводника. На встрѣчу намъ попался всадникъ: это былъ русскій офицеръ изъ эскадрона, который, какъ говорилъ онъ, разсыпанъ по степи, чтобы указывать направленіе отступающимъ; много, говорилъ онъ, идетъ одиночныхъ грековъ и никакъ не могутъ сообразить направленіе.

Скоро насъ опять кто-то окликнулъ по русски, — это былъ нашъ стражникъ, который ухитрился скрыться отъ грековъ.

— Ужъ очень народъ горячій, — говорилъ онъ, — идутъ и кричатъ все время, ихъ за версту слышно, съ ними прямо на большевиковъ наскочишь.

Иванъ Ивановичъ сталъ спрашивать, что стало съ нашей подводой. Стражникъ отвѣтилъ, что другой стражникъ съ подводчикомъ отправились искать бродъ, но не знаетъ, удалось-ли имъ это, такъ какъ его увели греки.

Нашъ быстрый ходъ постепенно замедлялся и перешелъ въ болѣе медленный.

Вскорѣ лейтенантъ Жене устроилъ привалъ, — всѣ сѣли и стали говорить. Вспомнили объ отсутствующихъ.

— Гдѣ-то нашъ полковникъ и докторъ? спросилъ я, будучи увѣренъ, что они идутъ съ другими ротами.

— Докторъ остался съ ранеными на Березовкѣ, — отвѣтилъ мнѣ лейтенантъ Жене, — я это знаю, онъ говорилъ мнѣ самъ, что не можетъ оставить ихъ однихъ въ рукахъ непріятеля.

Мы вопросительно посмотрѣли съ Иваномъ Ивановичемъ другъ на друга, остальные офицеры спокойно курили, очевидно, не придавая этому обстоятельству значенія. Они еще не знали, что значитъ попасть къ большевикамъ.

— Ну, а полковникъ? — спрашивалъ я.

— О, онъ навѣрное застрѣлился самъ, — отвѣтилъ мнѣ лейтенантъ Шантепи. Остальные молча согласились съ этимъ, такъ какъ всѣ они думали, что самолюбіе стараго офицера, продѣлавшаго всю войну съ «бошами», не позволитъ ему перенести такое позорное пораженіе, нанесенное его отряду какой-то бандой. Какъ-бы желая придать больше значенія силамъ большевиковъ, офицеры стали рассказывать, какъ храбро шли они на окопы, въ которыхъ сидѣли греки и рота французовъ. Шли во весь ростъ и почти не стрѣляя, и даже не нагибая головы; греки открыли огонь по нимъ, когда они еще были очень далеко, а когда подошли на ружейный выстрѣлъ, то стали выскакивать изъ окоповъ и бѣжать на станцію, поэтому французы, видя себя покинутыми греками и будучи въ очень небольшомъ числѣ, давъ нѣсколько залповъ, оставили позицію и ушли на станцію. Лейтенантъ Жене вспомнилъ, что въ поѣздѣ, кромѣ всѣхъ вещей, остался большевикамъ большой запасъ только что присланныхъ изъ Одессы для столовой винъ и всякой провизіи.

Отдохнувъ немного, мы двинулись дальше. Съ приближеніемъ утра идти было все тяжелѣе, силы наши все уменьшались, въ то же время подулъ теплый вѣтерокъ, — степь стала мягче, и на каблуки стала приставать земля: приходилось останавливаться, поднимать по очереди ноги и сбивать землю. Прошли мимо какого-то хутора, расположеннаго близъ степнаго пруда, разливагося отъ весенней воды, спустились въ балку, потомъ опять поднялись на возвышенность и, считая, что мы достаточно удалены отъ линіи желѣзной дороги, повернули на югъ, а затѣмъ, пройдя значительное разстояніе, взяли направленіе на юго-западъ, рассчитывая такимъ образомъ выйти на линію желѣзной дороги. Такъ шли всю ночь, по временамъ дѣлая привалы, которые, правду говоря, мало возстановляли наши силы. Казалось, конца не будетъ нашему пути. Привыкнувъ проходить большія разстоянія по степи на охотѣ, я чувствовалъ себя ужъ не такъ плохо, но бѣдный Иванъ Ивановичъ совсѣмъ выбился изъ силъ и все просилъ сказать лейтенанту Жене, чтобы тотъ сдѣлалъ привалъ, а когда я говорилъ объ этомъ, то сейчасъ-же заявлялъ, что онъ еще не усталъ и можетъ двигаться дальше.

Подъ утро мы услышали вдали лай собакъ, а затѣмъ мелькнули огоньки. Мѣстность стала понижаться, внизу показалось какое-то село. Кто-то увидѣлъ дымъ паровоза, значить, мы были у линіи желѣзной дороги. Что это за село было передъ нами — никто не зналъ.

Не доходя нѣсколькихъ сотъ шаговъ до села, мы остановились и зашли въ оврагъ. Жене предложилъ мнѣ взять двухъ зуавовъ и пойти въ деревню узнать, гдѣ мы и нѣтъ ли какихъ войскъ въ селѣ.

— Если будетъ не благолучно — свисните и бѣгите къ намъ. А если все спокойно — пришлите одного зуава за нами.

Я пошелъ впередъ; спустившись къ селу, мы остановились у первой хаты. Я подошелъ къ окну, въ которомъ горѣлъ огонь, и заглянулъ туда: двѣ женщины хлопотали, приготовляясь печь хлѣбъ, — одна мѣсила тѣсто, а другая возилась около печи. Я постучалъ въ окно и затѣмъ вошелъ въ хату; при моемъ приходѣ обѣ женщины съ удивленіемъ посмотрѣли на меня. Я поздоровался и спросилъ ихъ — что это за село?

— Славяно-Сербка, — отвѣчали онѣ.

— А гдѣ живетъ староста? — продолжалъ спрашивать я. Оказалось, что староста живетъ недалеко; — за нимъ сейчасъ-же послали мальчика. Явился староста; я сталъ спрашивать — нѣтъ-ли кого въ селѣ. Онъ отвѣтилъ, что ночью

пришли какіе-то люди, обозы и т. д. — Не то греки, не то французы — никто не знаетъ. Я послалъ зуава къ Жене, который черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ хату; за нимъ вошли другіе офицеры; солдаты набились въ сѣни и ушли въ сосѣдніе дома. Стало разсвѣтать. Мы отдыхали, хозяйка поставила на столъ нарѣзанный хлѣбъ, мы попросили воды и, утоливъ жажду, скоро покончили вкусный бѣлый хлѣбъ.

Въ это время Шантепи успѣлъ побывать на станціи и выяснилъ, что съ ближайшей станціи съ сѣвера скоро прійдетъ поѣздъ и съ нимъ прійдетъ полковникъ Жэ, который отступилъ съ первымъ батальономъ. Теплая комната и отдых разморили насъ; всѣ сидѣли и дремали отъ усталости. Просидѣвъ такъ съ часъ времени, мы поднялись, поблагодаривъ хозяйку за гостепріимство и угощеніе, причѣмъ она категорически отказалась отъ денегъ. Мы пошли на станцію.

Проходя по селу, мы увидѣли стоящіе на площади обозы, — это изъ Одессы на фронтъ шли воинскіе грузы. Толпились греческіе солдаты, мелькали красныя шапки зуавовъ. Станціонное зданіе было сплошь забито солдатами и офицерами. Въ буфетѣ кипѣлъ самоваръ и къ нему стояла очередь русскихъ офицеровъ, желавшихъ выпить горячаго чайку послѣ тяжелой ночи: это былъ нашъ эскадронъ, тоже отступившій вмѣстѣ съ нами.

Скоро подошелъ поѣздъ, изъ котораго вышелъ полковникъ Жэ. Видъ его былъ сконфуженный. Мы выражали ему наше удовольствіе, что видимъ его живымъ. Онъ сейчасъ-же отдалъ приказъ всѣмъ французамъ грузиться въ прішедшій поѣздъ и задержать на станціи всѣхъ грековъ, такъ какъ послѣдовало распоряженіе намъ идти въ Одессу, а грекамъ на фронтъ изъ Одессы идутъ подкрѣпленія. Мы сѣли въ вагоны, и поѣздъ скоро двинулся.

Изъ разказовъ полковника мы узнали, что большевикамъ оставили богатую добычу. Танки, пушки, военное снаряженіе, даже лошади эскадрона *chasseurs d'Afrique*, — все было брошено. Жене опять вспомнилъ про свои запасы вина и провизіи, полученные для «попотъ». Но дѣлать было нечего. Появились откуда-то консервы, которыми мы и закусили вмѣстѣ съ галетами. По дорогѣ намъ попадались эшелоны съ греческими войсками, идущими изъ Одессы.

Часамъ къ четыремъ дня мы пришли на Одессу-Товарную. Извозчиковъ не было, трамвай не ходилъ, и мы должны были добираться домой пѣшкомъ. Въ городѣ шла нормальная жизнь и какъ-то было странно послѣ всего пережитаго идти по улицамъ мирнаго города въ неподходящемъ для города костюмѣ съ ноющими отъ усталости ногами и горящимъ отъ вѣтра лицомъ. Нѣкоторые прохожіе съ любопытствомъ на насъ оглядывались; мы могли бы разказать имъ много интереснаго. Распростившись и поздравивъ другъ друга съ избавленіемъ отъ опасности, мы разстались съ Иваномъ Ивановичемъ, — каждый по своей дорогѣ.

Катастрофа подъ Березовкой въ Одессѣ не произвела почти никакого впечатлѣнія, такъ какъ въ мѣстныхъ газетахъ про нее ничего не писали, а многочисленные участники изъ русскихъ, бывшіе очевидцами позорнаго бѣгства иностранныхъ войскъ отъ наступавшихъ бандъ Григорьева, не могли оповѣстить широкую публику, поэтому въ городѣ все шло по старому. Огромное количество иностранныхъ войскъ, наводнившихъ городъ, невольно успокаивало даже тѣхъ, въ чью душу успѣло закрасться нѣкоторое сомнѣніе въ прочности своего положенія и недовѣрія къ охранѣ французами города. Я говорю именно французами потому, что, хотя грековъ было и очень много, но они находились въ полномъ ихъ подчиненіи. Даже дома, несмотря на то, что я подробно раз-

сказалъ о случившемся и высказалъ свое предположеніе о томъ, что французы въ одинъ прекрасный день могутъ оставить Одессу такъ же легко, какъ они это сдѣлали подѣ Березовкой, мнѣ пришлось выслушать упрекъ въ томъ, что я сѣю панику, и лишь сестра жены моего брата упорно твердила, что разъ высшее французское командованіе спуталось съ еврейскими артистками Изой Креммеръ, Вѣрой Холодной и другими, то добра отъ этого не будетъ, — евреи поставятъ на своемъ и сдадутъ большевикамъ Одессу, покинувъ ее на произволъ судьбы.

Наше начальство, которому мы съ Иваномъ Ивановичемъ подробно доложили о событіяхъ подѣ Березовкой, было также довольно спокойно и отнюдь не предугадывало грядущихъ событій. Въ концѣ концовъ и мы, видя общее спокойствіе, тоже пришли къ заключенію; что авось все будетъ благополучно и урокъ, полученный французами подѣ Березовкой, послужитъ имъ на пользу.

Наши пріятели изъ 1-го африканскаго полка понемногу оправились отъ пережитыхъ волненій, успокоились и ждали, что имъ опять прійдется идти на фронтъ и проучить большевиковъ за ихъ дерзость — обратившихъ въ бѣгство ихъ, побѣдившихъ непобѣдимыхъ бошей.

Потерявъ всѣ свои вещи на Березовкѣ и выскочивъ оттуда, въ чемъ были одѣты, они чувствовали себя стѣсненными въ костюмахъ и никуда не показывались изъ артиллерійскаго училища, гдѣ они были расквартированы. И. И. С., капитанъ П. и я, пользовавшіеся ихъ вниманіемъ и гостепріимствомъ, рѣшили имъ дать реваншъ и пригласили ихъ поужинать съ нами въ ресторанъ, но они заявили категорически, что не могутъ всѣ оставить своихъ казармъ. Не желая оставить нашу затѣю невыполненной, мы рѣшили устроить ужинъ въ мѣстѣ расположенія полка и, получивъ разрѣшеніе коменданта, воспользовались для этого столовой училища, пригласивъ всѣхъ офицеровъ штаба полка на ужинъ.

Ужинъ прошелъ оживленно. Лишь воспоминаніе о погибшемъ докторѣ Віолетъ, который, какъ передали, былъ разстрѣлянъ большевиками тотчасъ по занятіи ими станціи, огорчало всѣхъ.

Изъ общихъ разговоровъ и рѣчей, которыя произносились присутствующими офицерами, видно было, что они далеко не отказались отъ тѣхъ желаній, которыя высказывали во время нашего путешествія на Колосовку. Они были увѣрены, что борьба съ большевиками будетъ вестись до конца, и лишь думали, что опытъ Березовки укажетъ начальству, что это дѣло серьезное и братья за него надо осторожнѣй. — Нельзя было — говорили они — выдвигать такъ далеко такой маленькій отрядъ войскъ и подвергать его напрасному риску, жертвой чего сдѣлался бѣдный докторъ и многіе другіе, и ронять авторитетъ арміи. — И проникнутые полнымъ довѣріемъ къ своему начальству, они были увѣрены, что начальство это дастъ большевикамъ соотвѣтствующій урокъ, направивъ на фронтъ должное количество войскъ изъ Одессы. Возможности ухода изъ Одессы они не только не ожидали, но это даже имъ и въ голову не приходило; нельзя оставить не смытымъ позоръ, нанесенный французскому оружію кучкой бандитовъ. Это окончательно разсѣяло наши опасенія, и мы, возвращаясь домой, говорили о возможности нашего скорого отъѣзда въ Вознесенскъ и о предстоящей дѣятельности въ качествѣ административныхъ лицъ. Въ Вознесенскѣ находились дочери Ивана Ивановича, и онъ особенно стремился туда.

Прошло нѣсколько дней. Несмотря на то, что фронтъ еще болѣе приблизился къ Одессѣ, въ городѣ было спокойно; лишь разнорѣчивые о происходящемъ въ высшемъ управленіи слухи смущали умы обывателей. Газеты были полны всякихъ сообщеній, говорящихъ о формированіи франко-русскихъ бри-

гадь, предстоящей мобилизації, возведеніи укрѣпленій кругомъ Одессы и т. д. Но на дѣлѣ ничего этого не дѣлалось — все это лишь было на бумагѣ.

Въ то же время на политическомъ горизонтѣ появились новыя личности. Неизвѣстно откуда выплылъ и сталъ играть большую роль въ административной жизни Одессы именовавшій себя французскимъ консуломъ г. Эно. Женатый на русской еврейкѣ, онъ сталъ особенно популяренъ въ коммерческихъ кругахъ города. Желаящіе выѣхать изъ Одессы лишь при содѣйствіи его супруги получали визы; для этого въ одномъ изъ номеровъ Лондонской гостиницы была устроена чуть-ли не настоящая канцелярія. Былъ установленъ «твердый» курсъ на визы въ нѣсколько тысячъ рублей, сколько именно — теперь не помню. Участіе въ дѣлѣ управленія областью г-жи Эно было настолько велико, что бывший въ тѣ дни въ Одессѣ поэтъ Мятлевъ, поставленный создавшимися условіями въ безвыходное положеніе, написалъ слѣдующее четверостишіе:

Сижу я безъ подштанниковъ —
Теперь мнѣ все равно:
Одессой править Санниковъ,
Или М-ме Эно!!!

И дѣйствительно, русскія власти были въ полной зависимости отъ французовъ, а тѣ въ свою очередь, не имѣя возможности разобратся въ мѣстныхъ условіяхъ, вслѣдствіе отсутствія у нихъ соотвѣтствующихъ знаній и опыта, попадали подъ различное вліяніе той или другой партіи и въ послѣднее время вседѣло находились подъ вліяніемъ еврейскихъ круговъ Одессы, сочувствовавшихъ большевикамъ и боявшихся утратить «завоеванія революціи». Въ Одессу въ это время наѣхало масса бѣженцевъ изъ Кіева и другихъ мѣстъ, успѣвшихъ выбраться оттуда при отходѣ петлюровцевъ передъ большевиками. Путешествія этихъ бѣженцевъ были полны всякаго рода приключеній. Прибылъ тоже бывший Гетманскій губерніальный староста Волыни Андро и, какъ человекъ большой энергіи и силы воли, пытался войти въ сношеніе съ французскимъ командованіемъ и оказать на него соотвѣтствующее вліяніе. Опять заговорили о созданіи украинской національной власти въ видѣ какой-то директоріи, такъ какъ добровольческая власть оказалась слабой и неспособной къ организаціонной работѣ. Около Андро сгруппировались земельные собственники, или, какъ ихъ стали называть, «хлебоборобы». Появились надежды на твердость власти и на прочность положенія. Генераль Д'Ансельмъ, до котораго очевидно дошли слухи о всевозможныхъ разговорахъ по городу, въ одинъ прекрасный день на страницахъ мѣстныхъ газетъ и въ спеціальныхъ объявленіяхъ, расклеенныхъ по городу, сообщилъ населенію, что Одесса ни въ коемъ случаѣ сдана большевикамъ не будетъ, что въ его распоряженіи имѣется достаточное количество военной силы для ея обороны. И дѣйствительно весь городъ былъ наполненъ войсками всѣхъ видовъ — были даже негры и тонкинцы. — Въ порту стояли неразгруженные транспорты, на пристани строились спеціальныя холодильники для мороженого мяса для продовольствія войскъ, дѣлались всевозможныя приготовленія для длительного пребыванія арміи на Югѣ Россіи.

Я въ это время былъ тоже занятъ — приходилось организовывать администрацію, писалъ приказы о назначеніи различныхъ должностныхъ лицъ, собравъ свѣдѣнія объ ихъ предшествующей службѣ и дѣятельности, принималъ участіе въ совѣщаніяхъ при губернаторѣ и т. д.

Не помню, въ какой именно день, утромъ у меня возникло сомнѣніе по одному изъ вопросовъ, касающемся уѣздной стражи, и для разрѣшенія этого вопроса я отправился на Спиридоновскую улицу, гдѣ помѣщалась канцелярія начальника губерніи.

Въ канцеляріи по обыкновенію была масса народу. Пробравшись черезъ нее, я отыскалъ полковника Э. — инспектора стражи губерніи и обратился къ нему съ интересующимъ меня вопросомъ. Полковникъ удивленно посмотрѣлъ на меня и спросилъ меня голосомъ, въ которомъ ясно слышалось подавляемое раздраженіе:

— Вы, очевидно, ничего не знаете: французы уходятъ — надо немедленно готовиться къ эвакуаціи.

Меня какъ обухомъ ударило по головѣ. Я ничего не сказалъ и вышелъ. Собравшись съ мыслями, я отыскалъ правителя канцеляріи и спросилъ его, какія существуютъ распоряженія по поводу эвакуаціи. Онъ разъяснилъ мнѣ, что требуется немедленно составить списки на получение служащими жалованія за шесть мѣсяцевъ впередъ и каждый желающій эвакуироваться долженъ сообщить, куда онъ желаетъ ѣхать — въ Бессарабію или на Кавказъ. Все это необходимо сдѣлать сейчасъ-же. Вызвавъ начальника уѣздной стражи и попросивъ его озаботиться о всемъ необходимомъ, я посѣтилъ кабинетъ начальника губерніи, который только что прибылъ; тамъ уже были другіе чины губернской администраціи. Видъ у всѣхъ былъ угнетенный и встревоженный. Всѣ спрашивали губернатора, что значитъ такое неожиданное рѣшеніе французовъ, почему все это произошло? Губернаторъ только пожималъ плечами и отвѣчалъ: — Ничего не извѣстно, никто ничего не понимаетъ, почему это произошло. Еще вчера на совѣщаніи при Д'Ансельмѣ никому и въ голову не приходило о могущей быть эвакуаціи. Получены какія то распоряженія.

Назначивъ намъ время собраться всѣмъ на слѣдующій день для получения денегъ и билетовъ на выѣздъ, губернаторъ уѣхалъ по своимъ дѣламъ, а мы, поговоривъ еще немного, разошлись по домамъ устраивать свои дѣла и готовиться къ отъѣзду.

Мы съ Иванъ Ивановичемъ рѣшили побывать у нашихъ французовъ въ полку и попросить ихъ взять насъ съ собою. Пріѣхавъ въ артиллерійское училище, мы всѣхъ нашихъ пріятелей застали за завтракомъ. Усадивъ насъ за столъ, они принялись любезно угощать насъ. Мы сейчасъ-же изложили имъ цѣль нашего прибытія, и полковникъ Жэ съ любезной улыбкой сообщилъ намъ, что понятно не можетъ быть никакого сомнѣнія, — мы можемъ ѣхать съ ними, при чемъ добавилъ, что его полкъ будетъ уходить послѣднимъ и что у насъ есть достаточно времени приготовиться, такъ какъ сначала должны прійти всѣ войска съ фронта, а потомъ уже оставимъ городъ и мы. Мы поблагодарили и попросили разрѣшенія по окончаніи своихъ дѣлъ перебраться къ нимъ въ казарму, такъ какъ въ городѣ нельзя было узнать точно время ухода полка. Обезпечивъ себѣ отступленіе, мы отправились домой. Въ городѣ уже было извѣстно объ уходѣ французовъ. Вѣсть эта произвела на всѣхъ ошеломляющее впечатлѣніе; всѣ смотрѣли сумрачно и выглядѣли какъ-бы постарѣвшими и осунувшимися. На языкѣ у всѣхъ только и было — на чемъ ѣхать. Всѣ старались получить заграничный паспортъ и визу. Полученіе этого сопряжено было съ большими хлопотами, поэтому почти всѣ были въ разгонѣ. Впопыхахъ рассказывали другъ другу новости о томъ, что министерство Клемансо пало и новый кабинетъ, являясь противникомъ интервенціи, отдалъ распоряженіе объ оставленіи французскими войсками Одессы. Говорили объ измѣнѣ, о соглашеніи французскаго командованія съ большеви-

ками, о сдачѣ города, о томъ, что соглашеніе куплено цѣною многихъ милліоновъ и что состоялось оно при непосредственномъ участіи Изы Креммеръ, очаровавшей генерала Д'Ансельма и т. д.

Мой планъ ухода съ французами дома одобрили и стали помогать мнѣ собираться въ дорогу. Приготовивъ необходимыя вещи, я почувствовалъ всю тяжесть оставленія родного дома на неопредѣленное время; будучи совершенно спокоенъ за себя, я въ тоже время тревожился за судьбу своихъ близкихъ, не имѣющихъ возможности выѣхать изъ Одессы. Остаться съ ними мнѣ было очень рисковано и бесполезно, такъ какъ я все равно ничѣмъ не могъ помочь имъ, а взять своихъ съ собою не представлялось никакой возможности.

Получивъ отъ начальника губерніи свое жалованіе и билеты на желѣзную дорогу по линіи Аккерманъ-Одесса, я почувствовалъ себя свободнѣе, такъ какъ всѣ мои служебныя обязанности окончились, и я могъ думать лишь о себѣ, такъ какъ никто изъ служащихъ вѣреннаго мнѣ уѣзда не собирался эвакуироваться. Последнее свиданіе съ начальникомъ губерніи было назначено послѣ обѣда часовъ въ пять. Я поторопился на Спиридоновскую улицу въ канцелярію, но тамъ уже было все пусто. Какой-то человекъ подметалъ полъ и, увидѣвъ меня, сказалъ, что всѣ уѣхали на пароходъ и что тамъ можно видѣть начальника губерніи. Я пошелъ домой. По дорогѣ уже было неспокойно — раздавались револьверныя выстрѣлы. У воротъ домовъ толпились люди, ловящіе и передающіе другъ другу всякіе слухи. На углу Почтовой и Преображенской улицъ какой-то худосочнаго вида мальчикъ лѣтъ 17 громкимъ голосомъ говорилъ о томъ, что надо немедленно взять заложниковъ отъ буржуазіи и потомъ примѣнить въ городѣ терроръ. Я прошелъ мимо, ораторъ оглянулся на меня и замолчалъ. Въ районѣ Александровскаго парка было тихо и лишь вдали были слышны выстрѣлы.

Наконецъ, день отъѣзда насталъ. За мною долженъ былъ заѣхать по дорогѣ Иванъ Ивановичъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Сергіевское училище. Я ожидалъ его съ нетерпѣніемъ, назначенный часъ наступилъ и прошелъ, его-же не было, — время уходило. Я вышелъ на улицу, нигдѣ не было ни одного извозчика. Какъ быть? Безъ вещей ѣхать нельзя, — а самому до училища ихъ не дотащить. Положеніе создавалось очень непріятное. Я уже думалъ о томъ, что прійдется изъ чемодана выбрать самое необходимое и, положивъ въ сумку, идти пѣшкомъ. Въ это время совершенно неожиданно показалась нагруженная какими то сундуками французская повозка съ двумя зуавами. Повозка эта остановилась рядомъ съ нашимъ домомъ и стала разгружаться. Оказалось, что это привезли чьи то вещи изъ артиллерійскаго училища и что повозка принадлежитъ тому полку, съ которымъ я долженъ двигаться. Объяснивъ солдату свое желаніе ѣхать съ нимъ въ полкъ, я получилъ его согласіе лишь послѣ того, какъ онъ увидѣлъ на моемъ удостовѣреніи печать полка. Быстро вынесъ я свой чемоданчикъ, взвалилъ его на двуколку и, попрощавшись со всѣми своими, двинулся въ путь. Въ это время раздался стукъ колесъ извозчичьей пролетки, — это пріѣхалъ Иванъ Ивановичъ, который тоже погрузилъ свои вещи вмѣстѣ со мною, и мы тронулись. Сильные мулы легко потащили пустую повозку, и мы скоро были въ училищѣ. По дорогѣ все было спокойно, городъ имѣлъ видъ пустынный и вымершій.

Въ училищѣ, гдѣ стоялъ полкъ и другія части французской арміи, все было спокойно, — никакихъ приготовленій къ уходу еще не было замѣтно. Наши знакомые офицеры рассказали намъ, что французскія войска уходятъ дня черезъ три, такъ какъ достигнуто полное соглашеніе съ большевиками о сдачѣ города: сначала должны оставить городъ всѣ русскія части, поляки, греки и бѣженцы,

а французы уйдутъ лишь тогда, когда уже никого изъ другихъ войскъ не будетъ и въ городъ вступитъ красная армія.

Мы расположились въ комнатѣ вмѣстѣ съ нашими офицерами, съ которыми помѣщались въ одномъ вагонѣ на Колосовкѣ и рѣшили застаться терпѣніемъ. Я сталъ говорить по телефону, — первымъ дѣломъ сообщилъ домой о всемъ, что узналъ отъ французовъ, и пообѣщаль побывать дома до отъѣзда, если въ городѣ будетъ тихо. Затѣмъ соединился со своимъ знакомымъ В. и узналъ, что они рѣшили ѣхать изъ Одессы на своихъ лошадяхъ и автомобиляхъ, — въ ихъ распоряженіи было два выѣзда и двѣ машины, — выѣзжать они должны были завтра и слѣдовать мимо Сергіевскаго училища. Я пообѣщаль ихъ встрѣтить по дорогѣ. Многіе другіе знакомые уѣзжали на пароходахъ, попасть на которые можно было лишь за большія деньги.

За обѣдомъ рассказывали, что всѣ войска съ фронта уже подходили къ городу и завтра начнутъ двигаться по направленію на Овидіополь, что въ городѣ уже неспокойно, — происходятъ налеты и грабежи на улицахъ, что французы поддерживаютъ порядокъ и что ихъ не трогаютъ, тогда какъ грековъ подстрѣливаютъ изъ за угла. Говорили о томъ, какъ сильно упалъ на биржѣ рубль и что одинъ франкъ уже стоитъ 12 рублей. Это обстоятельство было очень непріятно французскимъ офицерамъ, такъ какъ свое жалованіе они получали въ русской валютѣ по курсу, установленному для нихъ распоряженіемъ соответствующаго начальства. На это мы не преминули указать, что при приходѣ нѣмцевъ ими былъ установленъ твердый курсъ на марку и никакія биржевыя ухищренія не могли измѣнить отношенія ея къ рублю, тогда какъ наши союзники французы за все время пребыванія въ Россіи спокойно слѣдили за паденіемъ рубля и не устанавливали никакого опредѣленнаго твердаго курса для франка, лишь примѣняя свой курсъ для уплаты русскими рублями жалованія войскамъ. Поэтому всѣ слѣшили покупать на свободныя русскія деньги всякія вещи и для этого отправились въ городъ. Мы остались дома и коротали время въ разговорахъ. Стало смеркаться, на дворѣ училища какъ-то зашевелились, стали проводить лошадей, муловъ, провозить повозки, что-то выносить изъ помѣщеній и грузить на двуколки. Я еще нѣсколько разъ говорилъ по телефону съ домомъ, и былъ очень огорченъ судьбой своихъ близкихъ, остающихся въ такой опасности. Въ это время одинъ изъ офицеровъ позвалъ меня пойти съ нимъ опросить арестованныхъ не въ далекѣ отъ училища большевиковъ. Прийдя въ помѣщеніе, гдѣ были расположены зуавы, въ углу комнаты мы увидѣли группу челоуѣкъ въ шесть, сидящую на нарахъ, и между ними одного взрослога съ внѣшностью портоваго босняка — это былъ ихъ предводитель; всѣхъ ихъ задержали зуавы въ то время, когда они стрѣляли по прохожимъ и бросали бомбы, очевидно желая вызвать въ городѣ панику. Пойманные на мѣстѣ преступленія, они очевидно не сомнѣвались въ своей судьбѣ и ожидали для себя печальнаго конца, — всѣ они сидя кучкой плакали и дрожали мелкой дрожью и не могли говорить отъ волненія и лишь съ большимъ трудомъ старшій изъ нихъ смогъ выговорить, что они ни въ чемъ не виноваты, такъ какъ они бѣдные люди и поэтому, когда стали раздавать изъ артиллерійскаго склада оружіе, то они взяли и себѣ, и ихъ съ этимъ оружіемъ арестовали зуавы. Какая участь постигла ихъ, — я не знаю, — думаю, что при уходѣ французы просто отпустили ихъ на свободу. За ужиномъ мы узнали отъ командира полка, что нашъ полкъ уходитъ завтра, такъ какъ большевики уже подошли къ Одессѣ, и что отношеніе ихъ къ французамъ дружелюбное, ихъ развѣдчики мирно разговаривали съ зуавами, и тѣ угощали ихъ пинаромъ.

Поужинавъ, мы стали устраиваться на ночевку, при чемъ свободныхъ кроватей для насъ съ Иваномъ Ивановичемъ не было. Меня это обстоятельство не смутило, изъ бурки и шинели я соорудилъ себѣ постель и улегся. Иванъ Ивановичъ никакъ не могъ примириться съ мыслью спать на полу и отправился на поиски. Въ сосѣдней комнатѣ онъ обнаружилъ чью-то свободную кровать, на которой и улегся. Часовъ въ 12 ночи явился ко мнѣ сердитый и ругаясь сталъ рассказывать, что явился какой-то молодой офицеръ, который былъ въ командировкѣ въ штабѣ дивизіи и теперь при отступленіи откомандированъ обратно въ полкъ; онъ потребовалъ себѣ кровать, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ ему ее уступить. — Хамы, — горячился Иванъ Ивановичъ, — парикмахеры, а не офицеры. Развѣ-бы у насъ въ полку допустили наши офицеры, чтобы ихъ гости спали на полу въ то время, когда всѣ молодые люди лежатъ въ постеляхъ. Сейчасъ бы ушелъ отъ нихъ домой, если-бы не ночь.

Дѣлать было нечего, разостлавъ свой полушубокъ рядомъ со мною, Иванъ Ивановичъ улегся. Внизу слышалось пѣніе, игралъ граммофонъ. Спать не хотѣлось, и мы молча лежали, иногда лишь обмѣниваясь короткими фразами. Ночь прошла быстро. На разсвѣтѣ мы поднялись и, выйдя на дворъ училища, увидѣли, что все находится въ движеніи, приготавливаясь къ выступленію, мимо же училища идетъ потокъ людей и экипажей. Это отступали войска и бѣженцы на Овидіополь. Проходили части русскія, греческія, польскіе легіоны, обозы, извозчики, повозки, автомобили, шли пѣшкомъ — полное переселеніе народовъ. Скоро посреди двора училища появился начальникъ училища генераль Бореусъ, который сталъ наблюдать за погрузкой, недалеко отъ него сталъ нашъ командиръ полковникъ Жэ. Я въ это время сообщилъ домой по телефону о томъ, что мы уходимъ сегодня и что уже нѣтъ никакой возможности побывать дома, а затѣмъ позвонилъ на квартиру В., откуда мнѣ сообщила прислуга, что всѣ уже уѣхали, но что только сейчасъ пріѣзжалъ экипажъ со старой барыней, которая впопыхахъ при отъѣздѣ забыла свои документы и должна была возвратиться за ними и что будто панича Мишу по дорогѣ арестовали.

Я вышелъ на дорогу, по которой проходили отступающіе, думая, что удастся увидѣть своихъ знакомыхъ, но простоявъ у воротъ долгое время и ничего не дождавшись, пошелъ обратно. Проходя мимо нашего полковника Жэ, я слышалъ, какъ его просила пожилая французенка-гувернантка взять ее съ собою изъ Одессы, такъ какъ она не можетъ выѣхать иначе, а оставаться съ большевиками ей невозможно. Она умоляла его разрѣшить ей помѣститься на одну изъ пустыхъ полковыхъ повозокъ, но полковникъ заявилъ ей категорически, что это запрещено, и былъ неумолимъ, несмотря на слезы и плачь бѣдной женщины, которая, не добившись ничего, ушла вся въ слезахъ.

Передъ подъездомъ флигеля, гдѣ мы помѣщались, стояли двуколки, на которыхъ грузили вещи офицеровъ и казенное имущество. Мы вынесли свои чемоданчики и обратились къ адъютанту Жене съ прособой указать, куда мы можемъ положить свои вещи. Взглянувъ на наши чемоданы, кстати сказать бывшіе очень незначительныхъ размѣровъ, Жене пожалъ плечами и заявилъ, что такого багажа намъ брать съ собою нельзя, — у него рассчитано каждое кило и онъ не можетъ перегружать своего обоза.

Иванъ Ивановичъ молча взялъ свой чемоданъ и, подозвавъ стоявшаго случайно извозчика, погрузилъ на него чемоданъ и, попрощавшись со мною, заявилъ: — Ну ихъ къ чорту! Съ такими союзниками далеко не уйдешь. Ёду домой. — Я остался одинъ. Видя такую сцену, одинъ изъ поваровъ, бывшій съ нами на

Колосовкѣ, подошелъ ко мнѣ и, взявъ мои вещи, уложилъ ихъ на своей повозкѣ, говоря, что здѣсь бы хватило мѣста и для вещей господина С.. Жене въ это время продолжалъ спорить съ русскимъ переводчикомъ ротмистромъ Л., котораго онъ тоже упрекалъ въ томъ, что онъ беретъ съ собой слишкомъ много вещей, ставя себя въ примѣръ.

Ротмистръ на это отвѣтилъ, что это потому, что Жене возвращается къ себѣ домой и дома найдетъ все необходимое, а не уходитъ изъ дома, не зная, что его ожидаетъ впереди. — Кромѣ того, добавилъ ротмистръ, — всѣ ваши вещи остались большевикамъ на Березовкѣ. — Вообще поведеніе Жене и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ съ того времени, какъ рѣшено было уходить ихъ Одессы, совершенно измѣнилось къ худшему.

Когда все было погружено, запрягли муловъ, и повозки наши тронулись къ воротамъ и скоро влились въ общій потокъ отходившихъ войскъ. Мы, постоявъ еще немного и видя, что изъ воинскихъ частей уже никого нѣтъ, а идутъ лишь экипажи и подводы частныхъ лицъ, двинулись впередъ. Первымъ шелъ Жене, указывая направленіе, а за нимъ въ рядъ всѣ офицеры штаба полка, затѣмъ двигалась рота (*company horse gang*). Скоро прошли тюрьму и, свернувъ съ большой дороги, идущей на Маріинское, пошли полевыми дорожками по направленію къ стрѣльбищному полю. Дорога эта, по которой я ѣздилъ безчисленное число разъ, была мнѣ отлично знакома. По ней я впервые въ 1904 году ѣхалъ къ мѣсту своей службы въ Аккерманскій уѣздъ, а теперь впервые шелъ пѣшкомъ въ такой необычной обстановкѣ. Степь зеленѣла, покрытая свѣжей травкой, жаворонки звенѣли и вѣялъ пріятный весенній вѣтерокъ. Мы шли быстро. Навстрѣчу намъ попался знакомый артиллерійскій офицеръ, который тащилъ на плечахъ свои вещи, — рѣшилъ возвратиться домой, не можетъ оставить свою семью, — и скоро городъ скрылся съ нашихъ глазъ.

Къ вечеру мы добрались до Маріинскаго. Это огромная нѣмецкая колонія, называвшаяся по нѣмецки *Gross Libenthal*. Тамъ уже расположились на ночлегъ части, вышедшія раньше насъ изъ Одессы. Мы прошли все село и, выйдя на Овидіопольскую дорогу, стали располагаться на ночлегъ въ полѣ подъ самымъ селомъ. Для офицеровъ полка разбили палатки, а для людей подѣлали прикрытія изъ повозокъ и брезентовъ. Начинало смеркаться. Отъ нечего дѣлать мы ходили по бивуаку, заходили въ село. Мѣстные нѣмцы съ сокрушеніемъ качали головами и говорили намъ шопотомъ, что когда германцы уходили отъ нихъ передъ приходомъ французовъ, то говорили, что все равно тѣ долго не будутъ, — такъ и вышло, теперь французы уходятъ, и неизвѣстно, что будетъ. Рассказывали, какъ добровольцы захватили большевиковъ подъ самымъ Маріинскомъ, когда тѣ пытались напасть на отступающихъ. Въ Маріинское все время подтягивались подводы и экипажи бѣженцевъ, ѣдущіе изъ Одессы разными путями. Почти всѣмъ имъ пришлось извѣдать встрѣчи съ отдѣльными бандами большевиковъ, которыя грабили уѣзжающихъ. Бродя такимъ образомъ безъ дѣла по Маріинскому, я недалеко отъ нашей стоянки увидѣлъ группу солдатъ, одѣтыхъ во французскую форму; было ихъ нѣсколько сотъ человекъ, по своему виду они, несмотря на французскую форму, отличались отъ французовъ и были больше похожи на нашихъ. Я подошелъ поближе и услышалъ русскую рѣчь. Ближайшаго изъ нихъ я спросилъ — что это значитъ? почему они одѣты во французскую форму? Онъ отвѣтилъ, что здѣсь всѣ русскіе, поступившіе въ иностранный легіонъ; ихъ подъ шумокъ происходящихъ событій успѣли законтрактовать въ Одессѣ наши союзники, пришедшіе къ намъ на помощь, и теперь спѣшили увести съ собою.

Замѣтивъ, что я разговариваю съ солдатами, ко мнѣ подошелъ унтеръ-офицеръ французъ и заявилъ, что разговаривать съ ними не дозволяется. Я не преминулъ выразить по этому поводу свое удивленіе. Послѣ этого французы вызвали караулъ изъ черныхъ и поставили его кругомъ группы русскихъ, охраняя ихъ отъ всякаго соприкосновенія съ мѣстными жителями.

За ужиномъ я не удержался отъ того, чтобы спросить нашихъ офицеровъ, — что это значитъ, что они, прійдя къ намъ на помощь противъ большевиковъ, вмѣсто того, чтобы увеличивать добровольческую армію — увеличиваютъ свой иностранный легионъ? Офицеры смутились и стали отрицать это. Я имъ указалъ на расположенную недалеко отъ насъ группу, какъ на вещественное доказательство. — Это чехо-словаки, возразили они мнѣ. Я не сталъ спорить и лишь отвѣтилъ, — что я говорилъ съ этими «чехо-словаками».

На утро, части, ночевавшія въ Маринскомъ, стали выходить изъ села и двигаться въ Овидіополь. Мы стояли на мѣстѣ и пропускали всѣхъ и, когда всѣ вышли изъ села, двинулись и мы, но, пройдя верстъ пять, опять остановились и подъ прикрытіемъ желѣзно-дорожной насыпи должны были стоять до полученія распоряженія. Такимъ образомъ мы составляли арьергардъ отступающихъ войскъ, почему приняли всѣ мѣры предосторожности — выставили сторожевое охраненіе, разставили пулеметы и расположились здѣсь на нѣчлегъ.

Вдали по линіи желѣзной дороги горѣли какіе-то склады, — это отступающіе греки поджигали желѣзно-дорожное имущество. Ночь прошла спокойно. Люди, бывшіе въ сторожевомъ охраненіи, рассказывали, что съ ними переговаривались большевики, которые идутъ за нами слѣдомъ.

На слѣдующій день мы двинулись дальше, и къ часамъ двумъ дня вдали показался днѣстровскій лиманъ, и мы вошли въ Овидіополь.

Въ Овидіополѣ была масса войскъ, всѣ дома были заняты. Намъ указали районъ города, гдѣ долженъ былъ расположиться нашъ полкъ. При нашемъ приходѣ оттуда выходили группы русскихъ добровольцевъ и двигались на Бугасъ, тамъ была переправа на Бессарабскую сторону. Нельзя сказать, чтобы они особенно дружелюбно смотрѣли на французовъ. Французскіе офицеры избѣгали встрѣчаться съ ними взглядами и какъ-то конфузились и стѣснялись ихъ. Какъ сейчасъ помню, изъ того дома, въ которомъ была отведена для насъ квартира, вышло три нашихъ офицера, каждому изъ нихъ было лѣтъ по пятидесяти, — длинныя бороды, грубыя солдатскія шинели, мѣшки за плечами и подвѣшенные къ нимъ чайники, дѣлали ихъ удивительно похожими на странниковъ-богомольцевъ и только винтовки за плечами портили это сходство. Я показалъ на эту группу нашему офицеру, лейтенанту Шантепи, тотъ глубоко вздохнулъ и ничего не сказалъ.

Скоро мы устроились, я пошелъ посмотреть на Овидіополь, въ которомъ уже довольно давно не былъ. Къ моему удивленію недалеко отъ городской управы стояла въ конномъ строю казачья сотня. По большей части это были все офицеры различныхъ казачьихъ войскъ, между ними я нашелъ своего знакомаго, есаула А...а, женатаго на К. А. В...ъ, съ которымъ я говорилъ по телефону передъ отъѣздомъ. Онъ ничего не зналъ о своихъ, и я сообщилъ ему, что они должны прибыть сюда-же. Въ это время къ сотнѣ подѣхалъ командиръ ея, полковникъ, и объявилъ, что румыны всѣхъ разоружаютъ и что всѣхъ отправляютъ въ лагерь, поэтому сотню вести, какъ отдѣльную часть, нѣтъ смысла, и каждый можетъ перейти туда подъ видомъ бѣженца. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ казаки разбрелись по Овидіополю и продавали мѣстнымъ жителямъ своихъ лошадей и сѣдла.

Скоро мы и есауль А. узнали, что В. уже в Овидіополѣ и расположились недалеко отъ насъ. Мы отправились къ нимъ и нашли ихъ въ дѣмѣ мѣстнаго церковнаго старосты. При входѣ во дворъ мы увидѣли всѣхъ въ сборѣ, хлопотавшихъ около лошадей и автомобилей. Самъ В. старикъ лѣтъ за 60 и всѣ мужчины были одѣты въ форму греческихъ солдатъ, — я не могъ не разсмѣяться при видѣ такой метаморфозы. Оказывается, по дорогѣ греческіе офицеры взяли ихъ подъ свое покровительство, и всѣ они вмѣстѣ съ греческимъ полкомъ пришли въ Овидіополь и надѣются подъ видомъ грековъ переѣхать въ Бессарабію. Только греческая форма спасла ихъ отъ «реквизиціи» — т. е. грабежа поляками лошадей и автомобилей. Поляки работали во всю и не постѣснялись даже ограбить своего компатріота графа Стиборъ-Мархоцкаго, имѣніе котораго находилось неподалеку отъ Овидіополя.

Въ Овидіополѣ мы должны были простоять нѣсколько дней, такъ какъ часть войскъ отправлялась на Бугасъ, а другая грузилась на шаланды и переправлялась непосредственно въ Аккерманъ. Тутъ только можно было видѣть, какое огромное количество войскъ и всякаго рода военнаго имущества было привезено союзниками въ Одессу. И все это теперь уходило обратно, не достигнувъ цѣли, заставляя всѣхъ думать о томъ, что значить это поспѣшное отступленіе и отъ какой грозной силы бѣжитъ эта масса войскъ.

Въ городѣ не хватало провіанта для людей и поэтому французы посылали въ сосѣднія села покупать скотъ; при посланныхъ находились русскіе переводчики. Въ селѣ Колаглеѣ, верстахъ въ семи, мѣстные большевики убили русскаго переводчика поручика Круссера, а въ другомъ мѣстѣ весь отрядъ захватили въ плѣнъ и отправили въ Одессу. Нашъ переводчикъ по счастью для него былъ одѣтъ во французскую форму, его тоже выдали за француза, и такимъ образомъ онъ спасся отъ неминуемаго разстрѣла. По дорогѣ онъ съѣлъ свой паспортъ и по прибытіи въ Одессу уже не имѣлъ при себѣ никакихъ документовъ. Всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ опросили, а затѣмъ отправили на стоящій на рейдѣ французскій миноносецъ и оттуда черезъ Константинополь въ ихъ полкъ. Такимъ образомъ они присоединились къ намъ въ Аккерманѣ. Мы ихъ конечно уже считали погибшими и были несказанно удивлены ихъ приѣзду.

Такъ большевики держали себя по отношенію къ французамъ. Не то было съ греками, — всѣхъ случайно задержавшихся и отставшихъ грековъ они убивали, поэтому поляковъ и грековъ въ первую голову стали переправлять на другую сторону лимана въ Аккерманъ.

Переправа шла медленно, такъ какъ перевозочныхъ средствъ было немного, и должна была продолжаться много дней. Нашъ полкъ былъ назначенъ въ послѣднюю очередь. Мы были расположены на самомъ концѣ города и выставили сторожевое охраненіе. Скоро подошли большевики и вступили въ мирные разговоры съ французскими солдатами. Послѣ приближенія большевиковъ переправа пошла быстрѣе, такъ какъ они начали требовать очищенія херсонской губерніи и ухода въ Бессарабію, поэтому много автомобилей и повозокъ, которые вначалѣ должны были быть переправлены на баржахъ, отправили на Бугасъ, гдѣ они застревали въ сыпучихъ пескахъ.

Вообще переправа на Бугасъ была сопряжена съ большими трудностями и непріятностями, такъ какъ тамъ румынскія власти производили разоруженіе русскихъ частей и реквизицію имущества, въ этомъ отношеніи не отставали и французы, стараясь на перебой захватить что нибудь — автомобиль или лошадей. Все это быстро стало извѣстно въ Овидіополѣ, и поэтому всѣ русскіе бѣ-

женцы старались во чтобы то ни стало избѣжать Бугаса и попасть на баржи; сдѣлать это было очень трудно, и единственная къ тому возможность была пробраться въ Аккерманъ съ воинскими частями въ формѣ французовъ или грековъ.

Къ сожалѣнію, долженъ сказать, что французы въ этомъ отношеніи были гораздо хуже грековъ, — въ то время какъ греки и охотно и любезно принимали русскихъ бѣженцевъ въ свои части, одѣвали ихъ въ свою форму и перевозили въ Аккерманъ, французы отличались своей строгостью, точно исполняя распоряженіе начальства, и слѣдили за тѣмъ, чтобы никто не проникъ изъ не имѣющихъ права на баржи и пароходы, дѣлая исключеніе лишь для дамъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего прихода въ Овидіополь наши офицеры рѣшили съѣздить посмотреть Аккерманъ и пригласили меня съ собою. Прослуживши въ аккерманскомъ уѣздѣ съ 1904 по 1906 годъ, я хорошо зналъ городъ, и у меня тамъ было много знакомыхъ, поэтому мнѣ было интересно побывать въ Аккерманѣ и посмотреть, что тамъ дѣлается.

Компаніей въ нѣсколько человекъ мы пошли на пристань и стали размѣщаться по лодкамъ. Въ это время ко мнѣ подошелъ дежурный на пристани французскій офицеръ нашего-же полка, съ которымъ мы были вмѣстѣ на Колосовкѣ и вмѣстѣ бѣжали изъ подъ Березовки, и заявилъ, что мнѣ нельзя ѣхать на ту сторону, такъ какъ приказано русскихъ никого не пускать. Я не сталъ ему возражать, а молча вынулъ изъ своего бумажника выданное когда-то мнѣ изъ Штаба Д'Ансельма удостовѣреніе о томъ, что я слѣдую въ распоряженіе командира 1 Африканскаго маршевого полка и всѣ власти войскъ французскихъ и союзныхъ обязаны оказывать помощь и покровительство, и визитную карточку генерала Д'Ансельма, которую онъ прислалъ мнѣ послѣ моего къ нему визита, и предъявилъ ихъ строгому лейтенанту и беспрепятственно усѣлся въ лодку. Лейтенантъ Шантепи сталъ ругать лейтенанта за ненужный формализмъ; тотъ оправдывался категорическимъ приказаніемъ начальства.

Мы отчалили. Погода была отличная; спокойный лиманъ, голубое небо, легкій весенній вѣтерокъ дѣлали переѣздъ очень пріятнымъ. Я невольно вспоминалъ, сколько разъ приходилось мнѣ переправляться черезъ тотъ-же лиманъ за время моей службы въ Бессарабіи и какъ сильно измѣнились обстоятельства съ того времени.

Скоро мы причалили и вышли на берегъ. Наши офицеры стремились въ главную квартиру, которая была расположена въ помѣщеніи уѣздной Земской Управы, я повелъ ихъ туда, и скоро мы пришли на мѣсто. Войдя въ помѣщеніе огромнаго зданія Управы, которое я зналъ отлично въ прежніе годы, я былъ пораженъ его видомъ, такъ оно было опустошено и загажено. Впослѣдствіи я узналъ, что это надѣлали румыны, увезя къ себѣ большую часть обстановки и имущества земства. Офицеры ушли по своимъ дѣламъ, а я пошелъ бродить по городу. Мы условились встрѣтиться на берегу.

Выйдя на улицу, я отправился по знакомымъ мнѣ мѣстамъ къ центру города. Тутъ я обратилъ вниманіе на то, что всѣ русскія вывѣски были сняты и замѣнены румынскими, на улицахъ-же всюду раздавалась русская рѣчь и не было слышно ни одного румынскаго слова, румынскихъ войскъ и полиціи почти не было видно. Я зашелъ въ помѣщеніе уѣзднаго съѣзда, въ которомъ меня поразила та-же картина, что и въ Земской Управѣ — опустошеніе и грязь.

Скоро я вышелъ къ базарной площади. Одѣтъ я былъ во французскую форму, и на меня, какъ и на другихъ французовъ, съ любопытствомъ оглядывались мѣстные жители. Французскіе солдаты на лоткахъ покупали всякія вещи и вели

оживленный разговоръ. Я съ кѣмъ то заговорилъ по русски, публика была очень удивлена этимъ, и скоро около меня собралась большая толпа; я сталъ разспрашивать о румынскихъ порядкахъ. Всѣ единодушно стали ругать румынъ, которые пришли сначала помогать русскимъ противъ большевиковъ, а потомъ объявили Бессарабію присоединенной къ Румыніи. Особенно возмущался пожилой крестьянинъ молдаванинъ въ большой сѣрой шапкѣ — «Пришелъ какой-то цыганъ и каже шо онъ мени братъ», — говорилъ онъ съ особымъ молдаванскимъ акцентомъ, глухо выговаривая букву «л», — «а какой онъ мнѣ братъ, когда я русскій человекъ.» Такъ за короткій срокъ своего пребыванія румыны своимъ неумѣлымъ и нетактичнымъ поведеніемъ обрусилъ скорѣе молдаванское населеніе, чѣмъ русское правительсто за сто лѣтъ своего управленія, такъ: въ прежнія времена молдаване, даже знавшіе по русски, демонстративно отвѣчали на своемъ языкѣ «нушти русешти» и только послѣ того, какъ бывало обратишься съ вопросомъ по молдавански, переходили на русскій языкъ.

Вообще, какъ на херсонскомъ берегу предметомъ разговоровъ и общей ненависти были большевики, такъ на бессарабскомъ берегу такой-же популярностью пользовались румыны. Жители той и другой мѣстности съ нетерпѣніемъ ожидали — херсонцы прихода румынъ для освобожденія отъ большевиковъ, а бессарабцы большевиковъ для освобожденія отъ румынъ. Большевики еще въ Аккерманѣ почти не знали и рассказамъ про ихъ подвиги и систему управленія не вѣрили, но за то отлично видѣли и чувствовали на себѣ любостязательность румынъ, которые увозили къ себѣ все цѣнное и развели страшное взяточничество. Кромѣ того стѣснительные законы, издаваемые для управленія оккупируемой страной, не могли не раздражать мѣстнаго населенія.

Побродивъ по городу, я зашелъ навѣстить своихъ добрыхъ знакомыхъ, у которыхъ не былъ уже нѣсколько лѣтъ. Когда я вошелъ къ нимъ въ домъ, удивленію при видѣ меня, облаченного во французскую форму, не было границъ. Начались безконечные разспросы и разговоры; я рассказывалъ про наши обстоятельства и разспрашивалъ про аккерманскую жизнь. Настроеніе у моихъ знакомыхъ было очень подавленное. Приходъ румынъ чувствительно отразился на всѣхъ русскихъ, ожидавшихъ румынъ съ нетерпѣніемъ и видѣвшихъ въ нихъ освободителей отъ большевиковъ.

Матерьяльное благополучіе почти всѣхъ русскихъ было разрушено: чиновники были уволены отъ службы и выброшены буквально на улицу, землевладѣльцы потеряли свои земли по новому аграрному закону, крестьяне разочаровались въ возможности устраивать «аграрные безпорядки» и, не вѣря аграрнымъ законамъ, отказались по большей части отъ принятія помѣщичьихъ земель, учебныя заведенія были закрыты и дѣти болтались безъ дѣла. Всѣ терпѣли большую нужду и не знали, изъ какихъ источниковъ черпать средства къ жизни. Къ этому присоединилась боль отъ оскорбленія русскаго національнаго чувства и достоинства, поэтому всѣ съ озлобленіемъ говорили о румынахъ и, когда я заговорилъ о большевикахъ, то мнѣ отвѣчали на это, что еще неизвѣстно, что хуже.

Въ Аккерманѣ уже было извѣстно, что происходитъ на Бугасѣ съ бѣженцами и добровольцами, какъ ихъ всѣхъ задерживаютъ румыны на открытомъ воздухѣ или въ холодныхъ дачахъ безъ провіанта, поэтому, когда я собрался уѣзжать обратно въ Овидіополь, меня стали уговаривать этого не дѣлать. Имѣя уже опытъ со своимъ офицеромъ, который не хотѣлъ пропустить меня, я пришелъ къ заключенію, что мои знакомые правы и рѣшилъ остаться. Я пошелъ на пристань, чтобы попросить кого нибудь изъ нашихъ офицеровъ передать въ штабъ

полка, что я буду ожидать ихъ въ Аккерманѣ и попросить привезти мой чемоданъ. На пристани я встрѣтилъ двухъ молодыхъ людей В.....ъ, которые привезли часть своего багажа, они говорили, что лошади и автомобили пошли на Бугасъ, а дамы завтра въ авто-кареткахъ греческаго лазарета прїѣдутъ въ Аккерманъ.

На слѣдующій день, выйдя на улицу, я увидѣлъ, что весь городъ запруженъ войсками. Французы, поляки, греки мелькали по всѣмъ улицамъ, только не было видно русской формы. Но за то сколько знакомыхъ русскихъ встрѣтилъ я одѣтыхъ въ форму зуавовъ, польскихъ легионеровъ и греческихъ солдатъ. Нельзя было смотрѣть на эти фигуры безъ улыбки. Также невольно смѣялись, при видѣ меня, одѣтаго во французскую форму и рогатую шапку пирожкомъ, мои старые знакомые по Аккерману, которыхъ я встрѣчалъ на улицѣ.

Городъ разбили на секторы по національностямъ расположенныхъ въ нихъ войскъ, и всюду реквизировали помѣщенія. По всѣмъ признакамъ видно было, что въ Аккерманѣ войска должны будутъ пробыть нѣкоторое время, а не двигаться сейчасъ-же дальше. Насъ всѣхъ это очень интересовало, такъ какъ мы на основаніи этого старались понять, что значить послѣдный уходъ французовъ изъ Одессы.

Нѣкоторыя воинскія части занимали сосѣднія села и проходили черезъ Аккерманъ, не останавливаясь, при чемъ всѣ онѣ направлялись на сѣверъ отъ Аккермана и располагались по линіи Днѣстра. Было что-то похоже на то, что Днѣстръ будетъ служить линіей обороны — на долго-ли? возникалъ у насъ всѣхъ вопросъ.

Цѣлый день прошелъ въ поискахъ помѣщеній для моихъ знакомыхъ В. и другихъ бѣженцевъ. Отыскать что-либо было очень трудно, такъ какъ почти все было занято войсками, а тамъ, гдѣ было свободное мѣсто, хозяева выставляли требованіе объ уплатѣ за квартиру обязательно царскими деньгами, которыхъ у бѣженцевъ конечно не было. Такое безсердечіе русскихъ къ своимъ-же русскимъ бѣженцамъ очень сильно возмутило насъ. Мы еще тогда не видѣли въ какой тяжелой степени нужды находились мѣстные жители, благодаря румынской оккупациі, выбросившей на улицу всѣхъ служащихъ чиновниковъ и лишившихъ доходовъ землевладѣльцевъ.

Видя, что дѣйствуя такимъ образомъ мы ничего не найдемъ, мы просто заняли помѣщенія для кого было нужно, пользуясь нашей иностранной формой. Моментально были найдены комнаты съ обстановкой и всѣмъ, чѣмъ нужно. Къ вечеру прїѣхали наши знакомыя дамы, весь день они провели лежа на койкахъ въ лазаретныхъ кареткахъ съ опущенными шторами, дабы скрыться отъ нескромныхъ взоровъ французовъ и румынъ, задерживающихъ бѣженцевъ. При выгрузкѣ ихъ подошелъ румынскій полицейскій, который сталъ говорить о томъ, что женщинъ нельзя пропускать въ городъ, но знакомый греческій офицеръ сталъ что-то объяснять ему и угощать папиросами, а я на молдаванскомъ языкѣ, выругавъ его соответствующимъ образомъ, послалъ къ чорту. Пораженный тѣмъ, что отъ французавъ онъ слышитъ знакомыя слова родной рѣчи, полицейскій успокоился, и дамы благополучно выгрузились и отправились на квартиру устраиваться. Черезъ день началъ переправляться и нашъ полкъ и скоро весь былъ на бессарабскомъ берегу, оставивъ херсонскій берегъ въ полное распоряженіе большевиковъ. Съ противоположнымъ берегомъ прекратилось всякое сообщеніе, и мы лишь въ бинокль старались разсмотрѣть, что происходитъ въ Овидіополѣ.

Наши офицеры, прибывъ въ Аккерманъ, размѣстились по квартирамъ, устроили «попотъ» и канцелярію и стали входить въ мѣстную жизнь. Шантепи по се-

крету сообщилъ мнѣ, что, хотя войска и ушли изъ Россіи, но интервенція не окончена, что всѣ свѣдѣнія о паденіи министерства Клемансо ложны, что войска перемѣнили лишь временно позицію и стали по Днѣстру и что по всей вѣроятности мы опять скоро будемъ въ Одессѣ.

Мое положеніе при французахъ было не нормально, и я пробовалъ выяснитъ, могу ли я сохранять свое званіе, которое имѣлъ въ Херсонской губерніи, но это оказалось невозможнымъ, и послѣ многихъ переговоровъ съ командиромъ полка Жэ и начальникомъ Штаба дивизіи мнѣ удалось зачислиться въ штабъ полка въ качествѣ переводчика. Всѣ офицеры, начиная съ командира полка, были довольны этимъ обстоятельствомъ и поздравляли меня. Я былъ тоже очень доволенъ, такъ какъ офиціальное положеніе при французахъ спасло меня отъ недоразумѣній съ румынами, которые вылавливали бѣженцевъ и отправляли въ Тульчу.

Наступала Пасха. Мѣстные жители готовились къ праздникамъ, и всѣ жаловались на дороговизну, которая для бѣженцевъ еще осложнялась тѣмъ, что почти у всѣхъ были только украинскія деньги, которыя здѣсь не ходили, а ходили лишь царскія и одесскія городскія, на украинскія же былъ установленъ мѣстными евреями курсъ по 25 р. одесскихъ за 50 карбованцевъ; такимъ образомъ намъ за все приходилось платить вдвое дороже.

Я получилъ реквизиціонный билетъ и жилъ на квартирѣ у своихъ друзей, обѣдать и ужинать ходилъ въ полковой «попоть». Занятій у меня почти никакихъ не было. По утру лишь заходилъ въ канцелярію полка и принималъ участіе въ общихъ разговорахъ на мѣстныхъ темы. Наши офицеры постепенно демобилизовались и уѣзжали домой. Полковникъ Жэ тоже уѣзжалъ, такъ какъ за «баталію подъ Березовкой» у него отобрали полкъ, и къ намъ долженъ былъ пріѣхать новый командиръ. Уѣзжалъ также лейтенантъ Шантепи и ветеринаръ Сиро, съ которыми я находился въ наиболѣе пріятельскихъ отношеніяхъ.

Новый командиръ подполковникъ Локанъ оказался очень симпатичнымъ человѣкомъ, весьма деликатнымъ и воспитаннымъ. Ко мнѣ и другимъ русскимъ переводчикамъ былъ особенно внимателенъ и любезно выразилъ желаніе заниматься по русски, и я предложилъ ему свои услуги. У него оказался учебникъ русскаго языка, и онъ началъ усердно заучивать русскія слова и фразы. Къ Россіи онъ чувствовалъ большую любовь, и все русское ему очень нравилось, онъ все время выражалъ свое сожалѣніе, что ему не приходится побывать въ Россіи, хотя въ Бессарабіи онъ видѣлъ, несмотря на присутствіе румынъ, неотдѣлимую часть Россіи, и былъ увѣренъ, что присутствіе румынъ временно. Французовъ вообще поразило то, что въ Аккерманѣ и его уѣздѣ все населеніе, которое имъ пришлось видѣть, было чисто русское, и они не скрывали своего возмущенія по поводу румынскихъ претензій на Бессарабію. Отношеніе къ оккупантамъ съ ихъ стороны, выражаясь мягко, было «ироническое», и симпатіи къ нимъ они ничѣмъ не проявляли, ограничиваясь чисто офиціальными отношеніями. Съ русскимъ-же населеніемъ завелись знакомства, пріемы, взаимныя прогулки и т. п. Отъ мѣстныхъ жителей они узнавали про поведеніе и политику румынскихъ властей и, возмущаясь этимъ, писали объ этомъ домой.

Большевики съ другой стороны лимана по отношенію къ французамъ вели себя тихо. Къ нимъ иногда ночью переѣзжали русскіе, которые стремились возвратиться въ Одессу. Но къ сожалѣнію никто съ той стороны къ намъ не пріѣзжалъ, и мы, несмотря на всѣ наши старанія, не могли ничего узнать, что дѣлается въ Одессѣ. Послѣ Пасхи уѣхалъ въ Одессу мой знакомый, живущій по

сосѣдству съ моимъ братомъ; его я просилъ передать своимъ о моей судьбѣ и былъ спокоенъ въ томъ отношеніи, что наши не будутъ беспокоиться обо мнѣ.

Потянулись однообразные дни въ Аккерманѣ, особыхъ развлеченій здѣсь не было, читать было нечего, потому что газетъ почти не приходило. Мѣстная пресса подъ румынскимъ владычествомъ совсѣмъ заглохла, и выходящія газеты на румынскомъ и русскомъ языкахъ не удовлетворили-бы пожалуй читателя и въ 17 вѣкѣ, — до того онѣ были скудны и неясны по своему содержанію. При этомъ значительная часть каждаго номера заполнялась официальными распоряженіями и сообщеніями о дѣйствіяхъ различныхъ должностныхъ лицъ. Обращенія къ населенію, исходящія отъ начальника уѣзда, именовались не иначе какъ «манифесты». Мѣстное населеніе, привыкшее къ тому, что у насъ манифесты издавались лишь Государемъ Императоромъ въ случаяхъ особо важныхъ, относилось къ такимъ проявленіямъ власти румынъ съ полнымъ недоумѣніемъ, думая, что если префекту предоставлено право издавать манифесты, то значитъ ему принадлежатъ и другія прерогативы верховной власти по отношенію мѣстнаго населенія. При чемъ съ одной стороны, напыщенность, а съ другой, страшное взяточничество и произволъ румынскихъ чиновниковъ возбуждали со стороны мѣстнаго населенія полное къ нимъ презрѣніе. Никто изъ мѣстныхъ жителей, а особенно молдаване, никогда не называли ихъ иначе какъ «цигане». На пребываніе ихъ въ Бессарабіи смотрѣли, какъ на явленіе чисто временнаго характера, и мирились съ ними лишь въ силу необходимости. Когда-же пришли французы, то населеніе не могло не замѣтить, что французское командованіе играетъ первую роль, а румыны отошли на второй планъ, поэтому со всѣми претензіями очень часто стали обращаться къ французамъ и, когда ихъ посылали къ румынскимъ властямъ, то категорически заявляли, что къ нимъ нѣтъ смысла ходить, такъ какъ, какая правда можетъ быть у «циганъ».

Кромѣ должностныхъ лицъ, прибывшихъ изъ Румыніи на смѣну русскимъ, въ Бессарабію нахлынула масса музыкантовъ, которые съ наступленіемъ теплыхъ дней съ утра до вечера наполняли звуками своихъ скрипокъ положительно весь городъ. Въ одномъ скверѣ, гдѣ прежде лишь по вечерамъ игралъ оркестръ музыки, теперь цѣлый день гремѣло четыре оркестра румынъ, заглушая одинъ другой.

Мои знакомые В.....ъ познакомились съ греческимъ генераломъ Негропонтисомъ, который взялъ ихъ подъ свое покровительство и, такъ какъ Румыны не давали возможности всѣмъ русскимъ бѣженцамъ оставаться въ Аккерманѣ и отправляли въ Тульчу, то они рѣшили ѣхать въ деревню, куда переѣзжалъ генераль Негропонтисъ.

Время тянулось въ Аккерманѣ очень однообразно и медленно, никто не зналъ, что будетъ дальше. Войска стояли на позиціи отъ Чернаго Моря до Бендеръ по линіи Днѣстра. Русскія части были разоружены и отправлены въ Тульчу, туда же были отправлены и гражданскіе бѣженцы. Лишь съ отрядомъ броневиковъ произошло осложненіе, такъ какъ тѣ не пожелали сдать своихъ бронированныхъ автомобилей, и французы ничего не могли съ ними подѣлать. Конфликтъ съ броневиками произошелъ на моихъ глазахъ и показалъ мнѣ, что французы совершенно перестали считаться съ добровольческой арміей.

Въ томъ домѣ, гдѣ жилъ я, была отведена комната полковнику гвардіи, фамиліи я его въ настоящее время не помню, командиру отряда броневыхъ машинъ, и онъ подробно рассказывалъ, какъ все происходило. Еще въ то время, когда отрядъ находился въ Овидіополѣ, онъ замѣтилъ какое-то странное отношеніе къ нему французовъ, оттягивавшихъ время переправы машинъ на Бесса-

рабскую сторону. Убѣдившись въ томъ, что это дѣлается умышленно и что его могутъ оставить на берегу въ рукахъ большевиковъ, онъ самовольно погрузилъ на шаланды свои машины, пригрозивъ въ случаѣ нужды открыть огонь, и перѣѣхалъ въ Аккерманъ, гдѣ, поставивъ въ боевомъ порядкѣ машины около крѣпости, ожидалъ дальнѣйшаго. Французское командованіе предложило ему немедленно сдать всѣ машины румынамъ и лично составу отправиться въ Тульчу. Полковникъ отказался. Въ это время къ нему пріѣхали польскіе офицеры, которые предложили передать броневики польской дивизіи. Такое предложеніе конечно не было принято. Румыны и французы категорически потребовали сдачи машинъ, но опять получили отказъ. Командира вызвали къ генералу Д'Ансельму, полковникъ поѣхалъ, но аудіенція затянулась тамъ слишкомъ долго, офицеры отряда пришли къ тому заключенію, что ихъ командира арестовали и всѣмъ отрядомъ двинулись на выручку. Подойдя къ главной квартирѣ французскихъ войскъ, потребовали освобожденія полковника и, когда французы освободили его, то оставили Аккерманъ и всей колонной въ боевомъ порядкѣ ушли къ польской дивизіи на Ст. Казачье, гдѣ съ ними стали нести службу, пообѣщавъ передать машины полякамъ, если на то будетъ получено согласіе Главнокомандующаго генерала Деникина. Тамъ еще разъ французы пытались отобрать машины, обстрѣляли отряды, ранили нѣсколькихъ офицеровъ и, видя, что тѣ все-таки машинъ не сдаютъ, очевидно боясь скандала, оставили броневики въ покоѣ. Впослѣдствіи они были отправлены въ Добровольческую Армію.

По приходѣ въ Бессарабію французы продолжали производить приемъ желающихъ поступить въ иностранный легіонъ. Многіе молодые русскіе офицеры, бывшіе при французахъ, уѣхали въ Африку. Среди-же мѣстнаго населенія распространился слухъ, что съ будущаго года румыны произведутъ призывъ новобранцевъ, поэтому очень многіе, зная порядки, царящіе въ румынской арміи, предпочли уѣхать служить въ французскихъ войскахъ, чѣмъ идти на службу къ румынамъ. Я какъ-то разговорился съ однимъ, записавшимся въ интеръ-легіонъ, и онъ мнѣ разсказалъ, что кромѣ обычныхъ недостатковъ, свойственныхъ арміи маленькаго бѣднаго государства, т. е. плохого питанія и обмундированія солдатъ и очень строгаго и жестокаго отношенія команднаго состава, румыны отличаются страшной національной нетерпимостью и солдатъ другихъ національностей называютъ не иначе, какъ болгаръ — магарацами, сербовъ — волами, а русскихъ — свиньями. Эти обстоятельства значительно способствовали тому, что предпріятіе французовъ по вербовкѣ людей въ иностранный легіонъ имѣло полный успѣхъ. Пользуясь той безопасностью и неприкосновенностью, которую получали лица, принятые въ иностранный легіонъ, большевистскіе комиссары, желающіе выбраться изъ устроеннаго ими въ Россіи коммунистическаго рая, смогли благополучно выбраться за границу. Такъ общее вниманіе въ Аккерманѣ привлекалъ молодой человѣкъ еврей, одѣтый въ шикарный костюмъ и отличные желтые салюги, привезшій съ собою не менѣе шикарную, но совершенно не интеллигентную дѣвицу, который оказался волонтеромъ, записавшимся въ ино-легіонъ. Когда-же я сталъ разспрашивать его, какъ онъ рѣшился подписать контрактъ на пять лѣтъ, онъ только разсмѣялся.

— Вы наивный человѣкъ, мнѣ важно было выбраться изъ Россіи, а у меня уже готовъ паспортъ. Какъ только французы двинутся, я ихъ брошу и поѣду въ Швейцарію.

Наша мирная жизнь въ Аккерманѣ ничѣмъ не нарушалась, никакихъ столкновеній съ большевиками у насъ не происходило. Кое гдѣ иногда на Днѣстрѣ

часовые обмѣнивались выстрѣлами. Однажды только въ Бендерахъ большевики, переправившись черезъ Днѣстръ, напали на французовъ и даже захватили въ плѣнъ бригаднаго генерала, но скоро ихъ налетъ былъ ликвидированъ французскими стрѣлками, подоспѣвшими на выручку, — генераль былъ освобожденъ и большевики сброшены въ Днѣстръ.

Какъ-то на улицахъ Аккермана появился украинскій офицеръ и нѣсколько человекъ солдатъ. Это породило безконечные разговоры и вызвало всевозможныя догадки. Оказалось, что это былъ полковникъ Аркасъ, который не то предполагалъ отправиться съ депутаціей къ большевикамъ, не то ожидалъ возстанія крестьянъ; онъ выслалъ развѣдчиковъ на ту сторону, но очевидно не дождался никакихъ благопріятныхъ для себя результатовъ и такъ же неожиданно исчезъ изъ Аккермана, какъ и пріѣхалъ.

Имѣя большое количество знакомыхъ въ Бессарабіи, я къ сожалѣнію не имѣлъ никакой возможности съ ними списаться, такъ какъ по всей Бессарабіи почта не ходила и никому не представлялось возможности обмѣниваться письмами. Вообще стѣсненія, которыя испытывали мѣстныя жители отъ румынъ, были чрезвычайно велики, такъ — никто не имѣлъ возможности отлучаться съ мѣста своего жительства безъ соотвѣтствующаго разрѣшенія; вся жизнь въ Бессарабіи замерла и прекратился «естественный обмѣнъ веществъ», за то развилась на этой почвѣ спекуляція, которая очень сильно удорожила жизнь. На нашихъ глазахъ цѣны все росли и росли, а доходы прекращались, и большинство русскихъ находились въ безвыходномъ матеріальномъ положеніи. Поэтому всѣ старались какъ только возможно сократить свои расходы и отыскать какой нибудь заработокъ. Страдала больше интеллигенція, которая почти совершенно не имѣла никакой возможности найти приложеніе своимъ силамъ. Лишь нѣкоторымъ удалось найти занятія въ коопераціи, которая въ Бессарабіи, какъ и всюду въ Россіи, передъ революціей сдѣлала огромные успѣхи. Такое безысходное положеніе русскихъ людей сдѣлало то, что когда, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ по оставленіи французами Одессы, румыны предложили желающимъ уѣхать къ Деникину, нашлось много желающихъ, а впоследствии, когда была освобождена добровольцами Одесса, туда уѣхали отъ румынскихъ порядковъ даже многіе коренные бессарабцы чисто «молдавскихъ кровей».

Французы, сидя почти безъ всякаго дѣла, все время проводили въ гуляньи по городу и въ ухаживаніи за мѣстными барышнями, и скоро всѣ гимназистки старшихъ классовъ, оставшіяся тоже безъ дѣла вслѣдствіе закрытія румынами учебныхъ заведеній, цѣлые дни проводили съ молодыми офицерами на бульварѣ, болтая на французскомъ діалектѣ. Отъ молодежи не отставали и старые полковники, и нашъ новый командиръ завелъ романъ съ одной поповной, который для него кончился довольно печально. Отъ такого общенія съ русскими дамами и дѣвцами симпатіи французовъ къ румынамъ не могли увеличиться, такъ какъ въ своихъ разговорахъ эти собесѣдницы рассказывали обо всемъ, что продѣлываютъ румынскія власти; французы этимъ искренне возмущались и открыто говорили, что оккупация Бессарабіи румынами явленіе чисто временнаго характера и что Франція никогда не дастъ своего согласія на присоединеніе Румыніей Бессарабіи. Насколько они были правы, показало дальнѣйшее.

Надежды наши на обратный переходъ союзными войсками Днѣстра постепенно ослабѣвали, такъ какъ видно было, что къ этому не дѣлается никакихъ приготовленій. Приходилось думать о томъ, что въ одинъ прекрасный день французы уйдутъ изъ Бессарабіи, какъ они ушли изъ Одессы. И это тревожило всѣхъ

мѣстныхъ жителей, потому что они уже знали, что съ уходомъ французовъ румыны опять начнутъ примѣнять свои методы управленія, отъ которыхъ они, стѣсняясь французовъ, немного отстали и которые заключаются главнымъ образомъ въ двухъ приѣмахъ: взяточничествѣ и битвѣ. Берутъ они со всякаго, у котораго хоть что либо можно взять, и бьютъ тоже всякаго безъ разбора, кто не можетъ ничего дать. Румынское слово «батай» скоро стало извѣстно всѣмъ бессарабцамъ. Мы же, находящіеся на службѣ въ французскихъ войскахъ, задумывались о томъ, что дѣлать дальше? Какъ выбраться изъ Румыніи и пробраться въ Добровольческую Армію?

Наконецъ, послѣ того какъ во Франціи было приступлено къ полной демобилизаціи, стало извѣстно и у насъ въ полку о томъ, что нашъ полкъ будетъ переформированъ въ 17 Стрѣлковый Алжирскій полкъ и перейдетъ для этого въ Румынію, а затѣмъ отправится на оккупацию въ Болгарію. Съ другими частями, находящимися также въ Бессарабіи, предполагалось поступить такъ же. Такимъ образомъ всякая надежда на обратный походъ въ Россію у насъ пропала.

Полковникъ Локанъ, который чувствовалъ ко мнѣ большую симпатію и проявлялъ ее при всякомъ удобномъ случаѣ, сообщилъ мнѣ послѣ того, какъ получилъ извѣщеніе о назначеніи его на должность командира «17 R. T. A.», что, если я пожелаю, то могу ѣхать съ нимъ въ Болгарію въ качествѣ переводчика. Я понятно согласился и поблагодарилъ любезнаго полковника, но объяснилъ ему, что болгарскаго языка не знаю. — Это ничего, — сказалъ полковникъ, — какъ-нибудь справимся.

Черезъ нѣсколько дней мы начали грузиться на ж. д. и, распрощавшись со своими знакомыми, двинулись черезъ Рени и Галацъ въ Браиловъ, гдѣ должно было происходить переформированіе.

Живя въ Аккерманѣ въ домѣ своихъ друзей и зная, что Одесса, гдѣ остались всѣ родные, находится лишь въ 40 верстахъ, я какъ-то не чувствовалъ себя особенно оторваннымъ отъ семьи. Теперь-же, когда мы двинулись дальше, стало какъ-то особенно грустно.

Ѣхали мы съ полнымъ удобствомъ и возможнымъ комфортомъ. У каждаго изъ насъ было отдѣльное купе и для «попотъ» отведенъ вагонъ, гдѣ мы и проводили большую часть дня. На нѣкоторыхъ станціяхъ мы подолгу стояли, и наши офицеры, научившись кое какъ объясняться по русски, вступали въ разговоры съ мѣстными жителями и старались разспрашивать про отношенія къ нимъ румынъ. Всѣ отзывались самымъ отрицательнымъ образомъ и ругали ихъ самымъ откровеннымъ образомъ. По линіи желѣзной дороги русскіе служащіе были замѣнены румынами, а оставшіеся безъ дѣла русскіе сидѣли на станціяхъ въ ожиданіи отправки въ Россію и «продавались», т. е. распродавали свой домашній скарбъ и рухлядь для того, чтобы не умереть съ голоду. Картины эти производили сильное впечатлѣніе на французовъ, и они возмущались этимъ вполне искренно. Въ Рени мы задержались дольше чѣмъ на другихъ станціяхъ; тутъ, хотя это совсѣмъ близко отъ границы съ Румыніей, всюду былъ слышенъ русскій языкъ; я обратилъ на это вниманіе нашихъ офицеровъ, и они отвѣчали, что теперь своими глазами убѣдились въ неосновательности румынскихъ притязаній на Бессарабію. Скоро мы переѣхали границу и очутились въ Румыніи.

Въ Галацѣ мы сразу почувствовали себя въ другомъ государствѣ, всюду слышна была румынская рѣчь, замелькали черномазыя фізіономіи, по вагонамъ стали шмыгать разные ж. д. служащіе, и въ нашемъ поѣздѣ обнаружилась пропажа многихъ вещей. Даже у меня изъ купе ухитрились украсть мой пробковый шлемъ, только передъ поѣздкою полученный мною изъ интендантства.

Отъ Галаца до Рени поѣздъ шель по болотистой долинь, пересѣкаемой разными каналами, потоками, и французы развлекались тѣмъ, что, выскакивая изъ вагоновъ, били камнями лягушекъ и, радостные отъ удачной охоты, уносили въ вагоны цѣлыя гирлянды крупныхъ лягушекъ.

Въ Браиловъ мы прибыли часа въ два дня и приступили къ разгрузкѣ. Въ городѣ уже было нѣсколько батальоновъ вновь сформированнаго полка и теперь съ нашимъ прибытiемъ пришелъ штабъ полка и послѣднiе батальоны. Съ вокзала мы отправились въ городъ къ командиру 1 батальона, который, ожидая насъ, приготовилъ для всѣхъ насъ квартиры, и мы скоро размѣстились по отведеннымъ для насъ комнатамъ. Мнѣ досталась очень хорошая комната въ домѣ богатаго торговца хлѣбомъ, румынскаго еврея. Хозяева были очень любезны, и я устроился очень удобно. Здѣсь мнѣ пригодились мои слабыя познанiя въ молдавскомъ языкѣ, которому я немного научился въ Бессарабiи, и я могъ довольно свободно объясняться съ мѣстными жителями. Вся интеллигенцiя здѣсь говорила на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Городокъ оказался небольшимъ, но очень чистенькимъ и уютнымъ; по своей распланировкѣ напоминалъ Одессу. Какъ мнѣ потомъ объяснили румыны, построень онъ по плану того-же архитектора, который составлялъ планъ Одессы, такъ какъ въ прежнiя времена Браиловъ былъ лишь сильной турецкой крѣпостью, которую взяли отъ турокъ русскiя войска, и городъ возникъ сравнительно недавно. Во время германской войны онъ былъ оккупированъ нѣмцами и у жителей сохранилась масса воспоминанiй о пребыванiи непрошенныхъ гостей.

Къ вечеру мы всѣ собрались въ попоть, которая была помѣщена въ квартирѣ одного крупнаго коммерсанта по фамилiи Скардели. Хозяинъ и хозяйка дома оказались очень милыми людьми и уступили для попоть свою столовую. Столъ былъ сервированъ, какъ для званыхъ гостей, и нашъ поваръ Экъ, удобно устроившись въ отличной кухнѣ, приготовилъ намъ отличной обѣдъ. Наши хозяева обѣдали вмѣстѣ съ нами и рассказывали намъ про городъ. Послѣ обѣда мы отправились осматривать Браиловъ и скоро обошли почти весь городъ.

У себя на родинѣ румыны производятъ совсѣмъ другое впечатлѣнiе, чѣмъ въ Бессарабiи; здѣсь они очень внимательны, любезны, веселы и безпечны. Такими они были и въ Бессарабiи первое время послѣ прихода, а затѣмъ совершенно измѣнили свою политику и поведенiе въ отношенiи мѣстныхъ жителей и возбудили противъ себя положительно всѣхъ.

По приходѣ въ Браиловъ, полкъ нашъ былъ окончательно переформированъ и сталъ именоваться 17 R. T. A. Такимъ образомъ онъ уже былъ не зуавскимъ, а стрѣлковымъ, и офицеры надѣли новыя кепи съ голубыми околышами.

Дѣла здѣсь мнѣ почти никакого не было, и мы съ полковникомъ и еще съ двумя или тремя офицерами, проводили все время въ прогулкахъ по городу и окрестностямъ, гдѣ всюду остались слѣды отъ пребыванiя нѣмцевъ въ видѣ разрушенныхъ зданiй; особенно пострадала прилегающая къ городу дачная мѣстность.

Я нѣсколько разъ ѣздилъ въ Галацъ, гдѣ отыскалъ своихъ знакомыхъ В....ъ, которые все время неотступно слѣдовали за греческимъ генераломъ Негропонтисомъ и наконецъ добрались до Галаца, гдѣ и поселились на квартирѣ у русскихъ сектантовъ, которыхъ очень много въ Галацѣ и которые тамъ главнымъ образомъ занимаются извозничьимъ промысломъ.

Сектанты эти приняли русскихъ бѣженцевъ очень хорошо и помогали имъ, чѣмъ могли. Одинъ изъ нихъ возилъ меня все время по городу и ни за что не

хотѣлъ взять денегъ. Онъ мнѣ много рассказывалъ про Россію, такъ какъ сравнительно недавно пріѣхалъ оттуда: ему захотѣлось послѣ революціи уѣхать изъ Румыніи къ себѣ домой въ Орель, куда онъ и попалъ при большевикахъ. Большевики произвели на него настолько сильное впечатлѣніе, что онъ всю дорогу рассказывалъ мнѣ про ихъ порядки, которые они завели въ Орлѣ. — «Все жида орудуютъ» — рассказывалъ онъ. И изъ его словъ я ясно увидѣлъ, какой сильный антисемитизмъ распространился среди простого народа, даже тѣхъ губерній, гдѣ евреи не имѣли права жительства и гдѣ населеніе относилось къ случайно заѣхавшимъ туда евреямъ совершенно индифферентно. Особенно возмущали его преслѣдованія ими русскаго духовенства и издѣвательства надъ религіей.

Въ Галацѣ была сосредоточена масса войскъ — грековъ и французовъ; отсюда они должны были постепенно уходить — греки къ себѣ домой, а французы въ Болгарію на оккупацію. Для перевозки французскихъ войскъ были назначены русскіе пароходы, зафрахтованные французами. Намъ предстояло тоже грузиться на эти пароходы и плыть въ Варну.

Дни нашего пребыванія въ Браиловѣ мелькали очень быстро и скоро наступилъ назначенный срокъ для нашей погрузки. Наканунѣ дня отъѣзда получилось распоряженіе о томъ, что отъѣздъ нашъ откладывается по случаю наступленія 14 Іюля, дня «взятія Бастиліи», который долженъ быть торжественно отпразднованъ всѣми войсками, въ томъ числѣ и французскимъ гарнизономъ города Браилова, поэтому мы вмѣсто погрузки стали спѣшно готовиться къ празднику.

Полковникъ разработалъ подробно планъ и порядокъ торжества. Такъ какъ это было первое празднованіе послѣ заключенія мира, къ нему готовились по всей Франціи особенно тщательно. Всѣ газеты были полны описаніями предстоящихъ торжествъ въ Парижѣ, куда были собраны всѣ знамена и представители отъ всѣхъ полковъ французской арміи.

Кто то изъ офицеровъ получилъ номеръ журнала Illustration, тамъ по случаю предстоящихъ торжествъ въ краскахъ на большомъ листѣ были отпечатаны національные флаги всѣхъ государствъ, въ союзѣ съ Франціей возставшихъ противъ Германіи. Отсутствовалъ лишь Русскій флагъ; я обратилъ на это вниманіе нашихъ офицеровъ, и мы много говорили по поводу участія Россіи въ міровой войнѣ. Всѣ боевые офицеры отлично понимали, какую великую услугу оказала Россія Франціи и высказали свои предположенія о продажности прессы.

Наканунѣ праздника по городу прошли вечеромъ съ горящими факелами войска, а въ самый день торжества былъ устроенъ парадъ, на которомъ особенно выдѣлялись своими бурнусами африканскіе кавалеристы и красными мундирами ихъ офицеры. Послѣ парада былъ устроенъ парадный обѣдъ. Отпраздновавъ такимъ образомъ 14 Іюля, мы покинули Браиловъ и двинулись въ Галацъ, гдѣ ожидали парохода «Императоръ Александръ III» и «Новороссія». Погрузка произошла безъ особенныхъ хлопотъ и довольно быстро. У насъ все-таки было достаточно времени, чтобы навѣстить своихъ знакомыхъ и погулять по городу.

Здѣсь я встрѣтилъ нѣсколькихъ русскихъ, которыхъ зналъ по Одессѣ. Они ожидали погрузки для того, чтобы ѣхать въ Добровольческую армію. Отъ нихъ я узналъ, что съ большевиками ведется упорная борьба, которая принимаетъ удачный характеръ, и что есть надежда на скорое занятіе Одессы. Французовъ они всѣ ругали, говорили о томъ, что Д'Ансельмъ и Фрейденбергъ преданы суду и что разбирательство дѣла освѣтитъ всѣ ихъ поступки.

Я распрощался со своими друзьями В. Они мнѣ рассказывали, что нашъ общій знакомый поручикъ Х., бывшій при греческомъ генералѣ Негропонтисѣ, получилъ командировку къ Колчаку, и генералъ Негропонтисъ подробно сообщалъ генералу Колчаку о поведеніи французовъ въ Одессѣ и о томъ, что греки стремились своими силами помочь Россіи, но подъ давленіемъ французовъ не могли этого сдѣлать, такъ какъ тѣ не только не позволили привести большаго количества войскъ, но заставили оставить городъ.

Къ вечеру погрузка закончилась и мы были на борту «Императора Александра III», надъ которымъ гордо развѣвался русскій національный флагъ. Капитанъ и вся команда были русскіе, но для наблюденія за ними былъ назначенъ французскій комиссаръ, лейтенантъ Ж., и нѣсколько матросовъ. Было особенно пріятно попасть на русскій пароходъ послѣ долгаго пребыванія среди иностранцевъ. Въ числѣ помощниковъ капитана я нашелъ знакомаго — сына нашего уѣзднаго предводителя; старшій механикъ оказался братомъ моего знакомаго чиновника государственнаго банка. Среди матросовъ преобладала интеллигенція, — студенты, офицеры и т. д., выброшенные революціей на улицу, попали въ концѣ концовъ на пароходъ въ качествѣ простыхъ матросовъ. Свои обязанности они исполняли старательно и добросовѣстно, но матросы-профессіоналы, настроенные большевистски, относились къ нимъ недоброжелательно и недружелюбно.

Во время обѣда мы, т. е. штабъ нашего полка, усѣлись за стрѣлковый столъ, на почетномъ мѣстѣ котораго уже сидѣлъ капитанъ парохода. Узнавъ, что я русскій, да еще при томъ изъ Одессы, капитанъ сталъ рассказывать намъ, что тамъ происходитъ. Свѣдѣнія у него были самыя свѣжія, такъ какъ они ежедневно получали радіо и могли слѣдить за ходомъ борьбы между большевиками и добровольцами. Послѣ обѣда я пошелъ бродить по пароходу, нашелъ своихъ знакомыхъ и вмѣстѣ съ ними долго сидѣлъ въ каютѣ симпатичнаго старшаго механика; туда же пришелъ и Ратко Дмитріевъ, такъ называли на пароходѣ радіотелеграфиста. Отъ него я узналъ, что дѣла большевиковъ плохи, что есть надежда на скорое оставленіе ими Одессы, которая въ настоящее время переживаетъ всѣ прелести большевистскаго режима.

Зашелъ разговоръ о французсахъ и объ ихъ отношеніи къ русскимъ. Всѣ говорили о томъ, что поведеніе ихъ совершенно измѣнилось, что ведутъ себя они не какъ союзники и не стараются скрыть своего недоброжелательнаго отношенія къ русскимъ и Россіи.

— У насъ на пароходѣ устроила 14 Іюля банкетъ французская колонія въ Галацѣ, — рассказывали они мнѣ, — и по этому случаю пароходъ былъ украшенъ флагами всѣхъ союзныхъ государствъ, лишь русскій флагъ отсутствовалъ. Но мы заставили поднять его.

— Хорошее дѣло! — думалъ я. — И это на борту русскаго парохода «Императоръ Александръ III.», — хотя бы изъ уваженія къ памяти этого Государя, заключившаго союзъ съ Франціей, отнеслись съ должнымъ вниманіемъ. Что было бы съ «прекрасной Франціей» безъ этого союза? Да и мы бы, пожалуй, не странствовали въ качествѣ бездомныхъ бродягъ по чужимъ землямъ, — а сидѣли бы у себя дома.

Весь вечеръ я провелъ въ буфетной комнатѣ, гдѣ приготавливались къ ужину пароходные лакеи. Они, узнавъ, что я русскій, стали угощать меня всѣмъ, что было въ ихъ распоряженіи, и занимать разговорами. Ихъ семьи были въ Одессѣ, и понятно, что мы все время невольно возвращались къ вопросу о томъ, когда же намъ удастся возвратиться домой. Такъ незамѣтно среди земляковъ про-

мелькнулъ день. На слѣдующій день, часамъ къ четыремъ, показались берега Болгаріи, и затѣмъ мы вошли въ портъ Варны. Приставъ къ стоянкѣ, начали выгрузку. Ночь должны были провести еще на пароходѣ, а на утро — занимать отведенныя для насъ помѣщенія.

Когда прошла первая суматоха и на пароходѣ все успокоилось, старшій механикъ и другіе офицеры позвали меня на берегъ погулять и вмѣстѣ гдѣ-нибудь посидѣть въ ресторанѣ.

— Сегодня послѣдній вечеръ мы съ вами, — говорили они, — проведемъ вмѣстѣ, а завтра разстанемся, и Богъ знаетъ, когда увидимся въ Одессѣ.

Сойдя на берегъ, мы двинулись въ городъ. Дорога изъ порта и подъемъ въ городъ напоминаютъ немного Одессу. Скоро мы были въ самомъ городѣ, который производилъ довольно пріятное впечатлѣніе; особенно пріятно было видѣть вывѣски магазиновъ, написанныя нашими буквами, смыслъ ихъ всѣхъ легко было понять, иногда-же онѣ поражали насъ своею загадочностью, такъ какъ очевидно наши русскія слова употребляются въ совершенно другомъ значеніи. «Общественно то влагалище» съ изумленіемъ прочиталъ я написанную огромными буквами и украшающую собою многоэтажное зданіе вывѣску; оказалось, что это ничто другое, какъ сберегательная касса. На встрѣчу намъ попадались мѣстные жители. — Вотъ они каковы «братушки», — думалъ я. Среди нихъ мелькали русскаго образца формы офицеровъ, юнкеровъ; особенно много было морскихъ офицеровъ, одѣтыхъ совершенно въ нашу форму; лишь на погонахъ у нихъ красовался вензель Фердинанда. Скоро мы пришли въ городской садъ, расположенный на самомъ берегу моря. Тамъ игралъ оркестръ музыки и двигалась по аллеямъ большая толпа гуляющихъ. Паркъ напомнилъ мнѣ городской садъ въ Орлѣ, гдѣ также когда то въ доброе старое время гуляла публика, играла музыка и люди жили тихо и мирно. По своему виду толпа сильно напоминала нашу губернскую публику. Бѣлые кителя и фуражки офицеровъ, отъ которыхъ мы уже совершенно отвыкли, а главное — полицейскіе стражники, какъ двѣ капли воды похожіе на нашихъ уѣздныхъ стражниковъ съ «селедками» на боку, переносили меня въ невозвратное время. Скоро мы усѣлись за столикъ и незамѣтно, въ пріятныхъ разговорахъ, провели весь вечеръ.

Возвратившись на пароходъ, я опять попалъ въ буфетную, куда меня позвали читать только что полученную болгарскую газету, въ которой сообщалось о блестящей побѣдѣ генерала Врангеля надъ большевиками и о взятіи многихъ тысячъ плѣнныхъ. Такія радостныя извѣстія пробудили у всѣхъ насъ надежды на скорое возвращеніе домой. Съ такими мыслями я отправился въ свою кабинку спать и на утро, распрощавшись со всѣми новыми знакомыми, сталъ собираться на берегъ.

— Смотрите-же, не забывайте насъ и, когда мы прійдемъ опять въ Варну, приходите къ намъ, — приглашали меня пароходные служащіе.

Съ прислугой я также трогательно распрощался, несмотря на то, что они были очень заняты и встревожены тѣмъ, что изъ каютъ пропали подушки, и они пересчитывали ихъ наличность и прятали подъ замокъ.

— Каждый разъ такъ пропадаетъ, когда веземъ ихъ, — говорили они, — а то еще пухъ выберутъ и набьютъ ватой. А мы потомъ отвѣчай, — плати изъ своего кармана. Тоже народъ французы, благородные люди — а хуже нашихъ, — ворчали они. Я ушелъ.

Для штаба нашего полка было отведено зданіе школы рядомъ съ армянской церковью. Тамъ собрались всѣ наши офицеры и ожидали, когда ихъ разведутъ по квартирамъ. Полковникъ устроился въ квартирѣ какихъ-то французскихъ

швейцарцевъ. Тамъ-же должны были помѣстить и нашъ «попотъ», мы же еще комнатъ не имѣли и въ такомъ непріятномъ ожиданіи находились дня два. Наконецъ намъ отвели квартиры, и мы расположились.

Въ Варнѣ наше времяпровожденіе ничѣмъ не отличалось отъ того, какъ мы проводили его въ Аккерманѣ и Галацѣ. Одинъ день былъ похожъ на другой: тѣ же обѣды и ужины и безконечныя прогулки въ паркѣ и по окрестностямъ.

Съ мѣстными жителями сталкиваться приходилось довольно мало, въ особенности въ началѣ. Болгаре были на сторожѣ и немного сторонились отъ французовъ. Но затѣмъ это прошло и при всякомъ удобномъ случаѣ они старались вступать съ нами въ разговоры. Когда же узнавали, что я русскій, то выражали свою неподдѣльную радость. Русскихъ въ Варнѣ, кромѣ военноплѣнныхъ, тогда еще не было. Ко мнѣ часто подходили на улицѣ и старались узнать отъ меня, какъ теперь относится къ болгарамъ русскій народъ, простить-ли онъ имъ когда-нибудь ихъ измѣну.

— Что про насъ говорятъ русскіе? — спросилъ меня какъ-то одинъ батюшка, окончившій казанскую духовную академію.

— Говорятъ, что сволочи братушки, измѣнили и подвели насъ, — отвѣчалъ я ему.

— Ну, да ничего. Авось, скоро забудутъ, — утѣшалъ я его, — нашъ русскій народъ добръ и не злопамятенъ.

Въ Варнѣ вообще было очень много людей, которые окончили русскія учебныя заведенія или просто жили въ Россіи, поэтому ихъ очень интересовало все, что тамъ теперь происходитъ, при чемъ во время разговора они себя чувствовали сконфуженно и всячески старались убѣдить, что въ измѣнѣ Болгаріи виноватъ Фердинандъ, а не болгарскій народъ. Изъ личныхъ наблюденій я вывелъ заключеніе, что старики, помнящіе Русско-Турецкую войну, всѣ искренно расположены къ Россіи, а молодое поколѣніе, наоборотъ, не только не чувствуетъ никакой признательности и благодарности, а какъ-бы даже старается подчеркнуть, что и безъ нашей помощи они бы достигли всего, да можетъ быть — еще и лучше. Коммунистическія идеи и интернаціональ находили себѣ среди нихъ большихъ приверженцевъ. Свои взгляды они старались высказать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, умышленно афишируя свои убѣжденія. При мнѣ, помню, какъ-то не выдержалъ одинъ старый болгаринъ и, постучавъ по головѣ желторотаго оратора, утверждавшаго, что Болгаріи Россію благодарить совершенно не за что, спросилъ его:

— А шта, бре, имашъ на глава та?

— Шапку, — отвѣчалъ съ недоумѣніемъ спрошенный.

— Да, — а если-бы не Россія, то до сихъ поръ носилъ-бы фесъ, — съ возмущеніемъ замѣтилъ старикъ къ общему удовольствію слушателей.

Какъ-то при случаѣ мнѣ пришлось познакомиться съ служившимъ при Русскомъ Консулѣ кавасѣ, — это былъ старый человекъ, чуть-ли не семидесяти пяти лѣтъ. Отъ него я услышалъ много интереснаго про болгаръ, такъ какъ онъ, попавъ въ Болгарію въ 1878 году и продѣлавъ всю Русско-Турецкую войну, остался въ Болгаріи, поступивъ на болгарскую службу, а затѣмъ, выслуживъ уже полный срокъ, уже старикомъ, опредѣлился въ Русское Консульство въ Варнѣ. Несмотря на свой преклонный возрастъ, послѣ объявленія выступленія Болгаріи, онъ былъ интернированъ и перетерпѣлъ съ другими русскими массу лишеній отъ тѣхъ — за кого онъ въ 1878—79 г. г. проливалъ кровь.

— Больше всего обидно было, — говорилъ онъ, — то, что лица, которыя лично были облагодѣтельствованы Россіей, проявили къ намъ столько злобы, сколько не могъ проявить человѣкъ чѣмъ либо обиженный, или пострадавшій отъ Россіи.

Онъ показывалъ мнѣ на улицѣ небольшого роста коренастаго, черномазаго браташку, который сбиль у него съ головы форменную русскую фуражку и, сорвавъ съ нея русскую кокарду, растопталъ ее ногами.

Также не лестно отзывался о болгарахъ мой случайный знакомый П.....ъ, братъ одного извѣстнаго общественнаго дѣятеля и будущаго градоначальника въ Софіи. Ихъ отецъ, русскій по происхожденію, также послѣ войны остался въ Болгаріи и женился на болгаркѣ, его сыновья были уже болгарскіе подданные и кончили гимназіи въ Болгаріи. Мой знакомый послѣ окончанія гимназіи уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и кончилъ политехникумъ и въ качествѣ инженера остался служить въ Россіи, а братъ его, сдѣлавшійся морскимъ капитаномъ, плавалъ на болгарскомъ пароходѣ и такимъ образомъ онъ имѣлъ возможность наблюдать поведеніе болгаръ все время. По рассказамъ моего знакомаго инженера, братъ его, какъ и всякій болгарскій подданный, принималъ горячее участіе въ политической жизни и передъ выступленіемъ Болгаріи, на какомъ-то собраніи своей партіи, голосовавшей за объявленіе войны Россіи, спросилъ лидера этой партіи:

— А что-же Вы будете дѣлать съ могилами 200.000 русскихъ, пожертвовавшихъ свою жизнь за освобожденіе Болгаріи?

— Будемъ с... ходить на нихъ, — былъ отвѣтъ на его вопросъ. Тутъ-же П. влѣпилъ пощечину потерявшему всякій стыдъ и совѣсть политику и послѣ этого вскорѣ былъ посаженъ въ тюрьму, какъ руссофилъ, и былъ освобожденъ изъ нея лишь по приходѣ французскихъ войскъ. Кстати сказать, издающаяся въ Софіи газета Echo de Boulgarie цитировала выдержки изъ солидныхъ французскихъ газетъ о нападеніи на французскія войска болгаръ и о числѣ убитыхъ и раненыхъ и съ недоумѣніемъ спрашивала — кому нужно было измышлять такія легенды.

Дѣйствительно, пребываніе наше носило совершенно мирный характеръ. Лишь одинъ разъ, когда у болгаръ происходили выборы въ народное собраніе, обыкновенно сопровождающіеся всякими дебатами и стычками, французское командованіе приняло мѣры предосторожности — запретило солдатамъ выходить на улицу, а офицеры получили приказаніе надѣть сабли и револьверы. При чемъ въ этотъ день, какъ и вообще, никакихъ выступленій не было, и мы жили тихо и мирно, проводя наше время въ прогулкахъ и купаніи въ морѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ нашего прибытія въ Варну опять пришелъ «Александръ III». Я пошелъ навѣстить своихъ знакомыхъ и узналъ отъ нихъ, что дѣла добровольцевъ идутъ все лучше и лучше и что есть надежда на скорое взятіе ими Одессы.

Неожиданно въ Варну пришла рота русскихъ войскъ. Оказывается, это были солдаты частей, посланныхъ на помощь Франціи. Въ ротѣ было нѣсколько человѣкъ офицеровъ, одѣтыхъ въ русскую форму съ погонами и кокардами. Отъ нихъ я узналъ, что они присланы въ Варну на работы, по окончаніи которыхъ будутъ отправлены въ Россію. Эти офицеры рассказывали мнѣ много интереснаго о своихъ мытарствахъ въ чужихъ земляхъ. Революція ихъ застала на Салоникскомъ фронтѣ, гдѣ они были уже довольно долго.

Нѣкоторое довольно продолжительное время русскія части послѣ революціи совершенно не разлагались и только подъ вліяніемъ прибывшихъ изъ Россіи агитаторовъ и получаемыхъ распоряженій, началась извѣстная всѣмъ картина

развала войскъ. Къ сожалѣнію, большое участіе приняли въ этомъ и французы, возбуждавшіе солдатъ противъ офицеровъ. Скоро-же они и сами не рады были, такъ какъ солдатская масса настолько распустилась, что сами французы не знали, что съ ними дѣлать. Когда же они увидѣли, что ихъ поведеніе угрожаетъ и ихъ арміи, то моментально бросили всякія церемоніи и приняли самыя рѣшительныя мѣры.

Они включили всѣхъ, кто желаетъ служить по прежнему и продолжать войну, въ первую категорію; ватѣмъ тѣхъ, кто не желаетъ сражаться, но согласенъ выполнять всякую работу, записали во вторую категорію и наконецъ изъ тѣхъ, кто не желали ничего дѣлать и выставили требованіе о немедленномъ мирѣ «безъ анексій и контрибуцій», составили третью категорію. Первая категорія была принята на полное содержаніе на одинаковыхъ съ французами условіяхъ, вторая была подвергнута всевозможнымъ ограниченіямъ, главнымъ образомъ въ пищѣ, а къ третьей примѣнены самыя суровыя мѣры, — имъ прекратили всякаго рода отпускъ продуктовъ и посадили за колючую проволоку. Менѣе упорные быстро стали переходить во вторую категорію, а нѣкоторые, стоя на своемъ, отказывались выполнять какія либо требованія. Французы такихъ подвергали самымъ жестокимъ наказаніямъ, на примѣръ, закапывали по шею въ землю на солнечномъ припекѣ и оставляли такъ на долгое время. Такими мѣрами они скоро заставили забунтовавшуюся солдатскую массу подчиниться дисциплинѣ. Солдаты прибывшей роты тоже рассказывали мнѣ, какъ они пробыли нѣсколько дней въ третьей категоріи и, считая французовъ неправыми въ примѣненіи къ нимъ такихъ жестокихъ мѣръ воздѣйствія, отзывались о нихъ со злобою и ненавистью, хотя при встрѣчѣ весьма почтительно козыряли французскимъ офицерамъ. Они ждали съ нетерпѣніемъ отправки домой и только высказывали сожалѣніе, что попадутъ къ добровольцамъ, а не къ большевикамъ.

Тогда-же въ Варну пришелъ небольшой русскій пароходъ, который стоялъ тамъ долгое время. Оказывается, на него французы начали грузить винтовки и снаряды для отправленія въ добровольческую армію. Приемомъ этихъ грузовъ завѣдывало два знакомыхъ по Одессѣ офицера, и я сталъ подумывать о томъ, какъ-бы присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ отправиться въ Россію.

Въ Варнѣ я познакомился съ содержателемъ мастерской фуражекъ русскаго образца, которыя приняты въ болгарскія войска. Это былъ молодой человекъ, еврей изъ Одессы; попалъ онъ въ Болгарію военно-плѣннымъ и устроился въ концѣ концовъ въ Варнѣ. Здѣсь у него было много знакомыхъ въ средѣ мѣстныхъ жителей, отъ нихъ онъ слышалъ, что Одесса наканунѣ ваятія ея добровольцами: такъ говорятъ ѣздящіе туда на лодкахъ болгары. Дѣйствительно, въ Варнѣ стали появляться первыя ласточки. Французскія власти арестовали прибывшихъ изъ Одессы двухъ лицъ — одного еврея и другого латыша, которые почему-то рѣшили бѣжать изъ Одессы передъ занятіемъ ея добровольцами. Очевидно, это были комиссары.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я зашелъ въ мастерскую къ шалочнику, и онъ радостно поздравилъ меня съ занятіемъ Одессы «кадетами». — Утромъ прибыла лодка — рассказывалъ онъ, — на которой болгарскіе коммунисты выѣхали въ Одессу, но по случаю занятія ея добровольцами вернулись обратно. — Я рассказалъ объ этомъ своимъ французамъ, но никто изъ нихъ не хотѣлъ этому вѣрить. Дня черезъ два они получили официальное сообщеніе объ оставленіи Одессы большевиками.

Съ этого времени всѣ мои мысли устремились на то, какъ-бы мнѣ уѣхать домой. Я заявилъ объ этомъ полковнику; онъ выразилъ свое сожалѣніе и сказалъ

мнѣ, что можетъ меня отправить черезъ Константинополь, при чемъ сообщилъ, что полкъ на дняхъ переходитъ на сербскую границу въ Царибродъ и что онъ проситъ меня проводить ихъ туда, а затѣмъ онъ снабдитъ меня билетомъ до Константинополя и такимъ образомъ я смогу посмотрѣть Балканскій полуостровъ. Я не считалъ возможнымъ отказаться отъ такого предложенія, и черезъ нѣсколько дней мы двинулись въ Царибродъ. По дорогѣ мы остановились въ Софіи, которую осмотрѣли довольно основательно. Особенно понравился намъ памятникъ Александру-Освободителю, про который у насъ писали, что послѣ объявленія войны болгары его уничтожили, и отлично содержимые парки. Самъ городъ немного напоминаетъ нашъ Кіевъ. Оставаться долго мы тамъ не могли и двинулись въ Царибродъ. Это оказался маленькій городъ, среди красивой, горной мѣстности, по своему виду похожій на какое нибудь небольшое мѣстечко на Кавказѣ. Здѣсь мнѣ пришлось задержаться нѣсколько дольше, чѣмъ предполагалъ.

За это время изъ Сербіи по направленію на Константинополь стали продолжать русскіе офицеры, направляющіеся въ добровольческую армію. Съ тѣхъ поръ, какъ дѣла арміи пошли въ гору, французы стали опять оказывать ей нѣкоторую поддержку и въ томъ числѣ оказывать содѣйствіе нашимъ офицерамъ, отправляя ихъ въ армію.

На прощаніе полковникъ наговорилъ мнѣ массу пріятныхъ словъ и обѣщаль писать и просилъ не забывать его. Передъ отъѣздомъ меня снабдили предписаніемъ, предоставляющимъ мнѣ право ѣхать бесплатно на одинаковыхъ основаніяхъ съ французскими офицерами до Одессы черезъ Константинополь, и я, простившись со всѣми, отправился въ Софію. Мнѣ хотѣлось получше посмотрѣть городъ, и поэтому я рѣшилъ остаться тамъ на сутки. За это время я осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности болгарской столицы и вечеромъ отправился ужинать въ французское офицерское собраніе. Когда я сидѣлъ въ одиночествѣ за столикомъ, ко мнѣ подошелъ французскій офицеръ и, представившись на чистомъ русскомъ языкѣ, просилъ разрѣшенія присѣсть и побесѣдовать. Оказалось, что онъ, будучи сыномъ французовъ родителей, имѣвшихъ въ Москвѣ на Кузнецкомъ мосту книжный магазинъ, получилъ русское образованіе и въ одинъ годъ со мною окончилъ Московскій университетъ по юридическому факультету. Мы разговорились, и скоро нашъ разговоръ принялъ искренній и непринужденный характеръ.

Мой новый знакомый оказался продуктомъ франко-русскаго союза; онъ, оставаясь по внѣшности и подданству французомъ, впиталъ въ себя русскую культуру. Скоро зашелъ разговоръ о франко-русскихъ отношеніяхъ вообще и о помощи французовъ Россіи — Добровольческой Арміи.

— Вы знаете, — говорилъ онъ — я не могу понять, что теперь происходитъ. Вѣдь, мы всѣ отлично понимаемъ, что Франція не только не погибла, но и вышла съ честью изъ войны, благодаря безконечнымъ жертвамъ Россіи, и что въ будущемъ Франція безъ союза съ Россіей не мыслима, но въ то же время дѣлается все, чтобы исключить въ будущемъ возможность такого союза. Послѣ оставленія нами Одессы русскіе люди имѣютъ полное право не считать насъ больше своими союзниками.

— Меня очень интересуешь, что говорятъ про оставленіе Одессы русскіе? Кого въ этомъ обвиняютъ?

Я сказалъ ему, что на югѣ Россіи теперь о французахъ послѣ ихъ предательства нѣтъ двухъ мнѣній. Всѣ единодушно ненавидятъ ихъ и не скоро простятъ имъ ихъ дѣла. Обвиняютъ главнымъ образомъ въ этомъ полковника Фрей-

денберга и генерала Д'Ансельма, будто-бы подкупленныхъ большевиками. Говорятъ про еврейское и большевистское вліяніе на французское командованіе вообще.

Мой собесѣдникъ задумался и затѣмъ началъ говорить.

— Вы знаете, еврейское вліяніе во Франціи гораздо больше, чѣмъ знаютъ объ этомъ въ Россіи, — у насъ все въ рукахъ евреевъ. Личный секретарь Клемансо еврей, незаконный сынъ Ротшильда, — въ министерствахъ и вообще у власти ихъ больше, чѣмъ надо. Понятно, что черезъ своихъ они дѣлаютъ, что хотятъ, поэтому имъ было очень легко принять мѣры къ оставленію французскими войсками Одессы.

— Вѣдь занятіе юга Россіи произошло такъ: Одесса и вообще Украина, оккупированная нѣмцами, считалась частью фронта. Ближайшими французскими войсками командовалъ генералъ Франше Д'Есперэ, командиръ Салоникскаго фронта. Онъ, когда нѣмцы очистили Константинополь, занялъ его своими войсками. По настоянію русскихъ общественныхъ дѣятелей на Яскомъ совѣщаніи онъ сдѣлалъ распоряженіе и о занятіи Одессы и предполагалъ продѣлать то же со всею Украиной. Но исполнителями его распоряженій оказались полковникъ Фрейденбергъ и генералъ Д'Ансельмъ, которые очевидно и продѣлали всю эту операцію, такъ что у главнаго французскаго командованія явилось опасеніе всевозможныхъ осложненій въ парламентѣ. Конечно, безъ большевиковъ и евреевъ тутъ не обошлось. Объ этомъ подробно узнаемъ впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ распоряженіе объ оставленіи юга Россіи было сдѣлано какъ-бы въ цѣляхъ перемѣщенія войскъ съ одного участка фронта на другой, и войска для большей безопасности были отведены лишь за Днѣстръ, а уже потомъ, когда еврействующая партія добилась прекращенія интервенціи въ Россіи, ихъ увели совсѣмъ изъ Россіи, оставивъ Бессарабію въ полное распоряженіе Румынъ.

— Теперь добровольцы обходятся безъ насъ и вотъ. опять взяли Одессу. У насъ получены свѣдѣнія, что имъ помогаютъ англичане, это очень тревожитъ насъ, сторонниковъ союза съ Россіей.

— Во всякомъ случаѣ, я всѣмъ тѣмъ, что происходитъ во Франко-Русскихъ отношеніяхъ, огорченъ больше, чѣмъ кто либо, и отлично понимаю негодованіе и презрѣніе, которымъ теперь дарятъ насъ рускіе. Но если бы они узнали, что подавляющее большинство офицеровъ истинные друзья Россіи, но и они ничего не могутъ сдѣлать: вся власть — въ рукахъ опредѣленной группы политиковъ, на которыхъ мы вліять не можемъ. Вотъ, на примѣръ, въ вопросѣ о Бессарабіи была произведена анкета, спрашивали всѣхъ солдатъ и офицеровъ, бывшихъ въ Бессарабіи, по поводу того, насколько она является русской по населенію, культурѣ и т. д., и отвѣтъ получился самый благопріятный для Россіи, — всѣ высказались конечно за то, что это такая же часть Россіи, какъ и другія губерніи. Конечно, въ настоящее время, когда дѣла добровольцевъ идутъ хорошо и нѣтъ основаній предполагать, что большевики возьмутъ верхъ, относительно Бессарабіи наши будутъ молчать. Ну, а если, не дай Богъ, у добровольцевъ ничего не выйдетъ, то я совсѣмъ не буду удивленъ, если у насъ возьмутъ на себя смѣлость распорядиться чужимъ добромъ и преподнести Бессарабію Румыніи, которая принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы заручиться на это согласіемъ Франціи.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ и вопросовъ моего собесѣдника видно было, что онъ всей душой расположенъ къ Россіи и огорченъ всѣмъ тѣмъ, что ему приходится видѣть и наблюдать, поэтому я не могъ не удержаться отъ того, чтобы не разсказать ему подробно, какъ мы съ нетерпѣніемъ ждали французовъ въ Одессѣ, какъ снисходительно смотрѣли на разнузданное поведеніе ихъ солдатъ,

какъ ждали отъ нихъ помощи противъ большевиковъ, какъ въ этомъ всё горько ошиблись, и какъ многіе отъ этого сильно пострадали, заплативъ за довѣріе имъ, какъ союзникамъ, своею жизнью.

Разсказалъ я ему и то, что было подъ Березовкой, откуда французы позорно бѣжали, побросавъ все, вмѣсто того, чтобы гнать большевиковъ, какъ это дѣлали нѣмцы — легко и свободно, почти не встрѣчая сопротивленія.

Разсказалъ про ненужный формализмъ и отсутствіе желанія у отдѣльныхъ лицъ въ частныхъ случаяхъ помогать намъ въ бѣдѣ, указывая въ то-же время, какъ греки были внимательны и отзывчивы къ русскимъ бѣженцамъ, какъ старались французы отобрать у добровольцевъ броневики и какія мѣры не постѣснялись принять для этого, какъ реквизировали у бѣженцевъ лошадей и автомобили и какъ они все время старались набрать какъ можно больше охотниковъ для поступленія въ иностранный легіонъ, не стѣсняясь ни обстоятельствами, ни мѣстомъ.

Мой новый знакомый только вздыхалъ и молча кивалъ головою.

— Да, истинные друзья познаются только въ бѣдѣ, какъ мы читали въ латинской хрестоматіи, — наконецъ сказалъ мой случайный знакомый. — А мы сдѣлали все, чтобы Вы имѣли право насъ не считать своими друзьями.

— Да, недаромъ про насъ говорятъ на нашемъ-же языкѣ французскіе швейцарцы:

Rouge, blanc, bleu —
Les français sont de mauvais gueux!

Пожелавъ другъ другу всякаго благополучія, мы разстались. На слѣдующій день я выѣхалъ въ Константинополь, а оттуда домой въ Одессу.

Сента 13. V. 1922 года.
С. Х. С.